

И. Акифьев

На Далёкий Север

ИЗ ДНЕВНИКА КРУГОСВЕТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

От Петербурга до Нью-Йорка — В Америке — По Великому океану —
По берегам Чукотского полуострова — Аляска — По берегам Чукот-
ского полуострова — Наш арест в Номе — Освобождение из плена —
Сахалин — От Сахалина до Владивостока — Япония.

С 37 рисунками в тексте.

С.-ПЕТЕРБУРГ.

Типо-Литография «Евгения Тиле премн.»

Адмиралтейский канал, № 17

1904

СОДЕРЖАНИЕ

I.	От Петербурга до Нью-Йорка.....	2
II.	В Америке	11
III.	По Великому океану.....	24
IV.	По берегам Чукотского полуострова	38
V.	Аляска.....	64
VI.	По берегам Чукотского полуострова	74
VII.	Наш арест в Номе.....	99
VIII.	Освобождение из плена	109
IX.	Сахалин	124
X.	От Сахалина до Владивостока.....	150
XI.	Япония.....	155

ГЛАВА I

От Петербурга до Нью-Йорка

18 апреля 1900 г. Исполнилось моё желание, наконец, попасть на дальний север, и вот поезд стрелой летит по рельсам, унося нас из Петербурга. Мы едем на запад, чтобы попасть на дальний северо-восток. Нам предстоит теперь добраться до Лондона, чтобы оттуда переплыть Атлантический океан, перерезать поперёк Сев. Америку и затем из С.-Франциско уже идти к Чукотскому полуострову. То есть, чтобы попасть с одного конца России на другой, мы предпочли проехать через Европу, Америку, переплыть два океана.

— «Неужели это удобнее?» — спрашивают нас.

Без сомнения. Ведь, если мы возьмём путь через Индейский океан на нашем добровольце, то придётся потратить около 50 дней от Петербурга до Владивостока. От Петербурга же до С.-Франциско через Америку всего около 20 дней. По отношению к Чукотскому носу Владивосток и С.-Франциско находятся почти в одинаковом положении. Таким образом, если ехать через Владивосток, мы теряем целый месяц. Пока ещё не открыто сухопутное сообщение с Владивостоком, т.е. я хочу сказать, более удобное, чем теперь, до тех пор из России в Россию будет удобнее попадать через Америку. Мне надо было два года тому назад попасть из Петербурга во Владивосток как можно скорее. Действительно, я ехал около месяца, но чего это стоило. Сколько было истрачено и денег, и здоровья.

Итак мы едем на Чукотский полуостров искать золото. Два года тому назад было найдено богатое золото на берегу Аляски около мыса Ном, золото удивительное. Его можно брать прямо с берега моря без всяких инструментов кроме заступа и лотка; конечно это вызвало золотую лихорадку и берег около Кэп-Нома быстро наполнился народом. Так как Аляска от Чукотского носа отделяется только нешироким Беринговым проливом и, кроме того, золото было найдено на Камчатке и берегах Охотского моря, то возникло предположение о возможности нахождения золота и на Чукотском полуострове.

И американцы пытались там искать золото. Каковы были результаты их поисков, хорошенько не известно, но вопрос о золоте на Чукотском полуострове проник на Лондонскую и Нью-Йоркскую биржу и за-

интересовал капиталистов. Иностранцы явились в Петербург и обратились к русскому правительству с просьбой дать им права концессии на Чукотский полуостров.

С такой же просьбой обратился и г. В-ий¹, и ему, как русскому, было оказано предпочтение перед иностранцами. Ему была дана концессия на поиски и добывание золота на всём полуострове сроком на 5 лет; если же он поставит дело, и работы будут производиться, то срок концессии увеличится. В-му было разрешено принять в компанию иностранные капиталы, и это было ему удобно вот почему. Берега Чукотского полуострова совсем не охраняются, военные суда заходят раз в несколько лет, поэтому доступ к ним весьма удобен для иностранцев и очевидно хищнические партии американских золотоискателей проникли бы сюда, и маленькая русская экспедиция могла бы иметь столкновения с хищниками, и своими слабыми средствами не могла бы помешать им. Когда же в компанию привлечены были иностранные капиталисты, то можно было надеяться, что они сами позаботятся в своих интересах об охране области концессии от нашествия хищников.

Таким компаньоном явился англичанин Бекер, заключивший с В-м условие на три года. Они вместе обдумали план экспедиции и решили так. Экспедиция будет смешанная: начальником экспедиции должен быть русский инженер, при нём русские помощники и рабочие, и кроме того инженер англичанин с своими двумя помощниками. Бекер взял на себя хлопоты относительно найма судна для экспедиции. Решено было зафрахтовать судно в С.-Франциско, и оттуда уже на своём судне ехать на север.

Вот это было другой причиной, почему мы едем через Америку.

Нас едет шесть человек и кроме того провожает до Лондона наш концессионер В-ий, с своей супругой, которые оттуда поедут на парижскую выставку.

И я рассчитывал попасть на выставку, но теперь вместо этого попаду на север.

Вот мои спутники. Начальник экспедиции горный инженер Карл Иванович Богданович, известный своими путешествиями в средней

¹ Владимир Михайлович Вонлярлярский, (1852-1946) — владелец золотых приисков на Урале, председатель правления российско-американского предприятия «Северо-Восточного Сибирского общества» (СВСО) и пр. — прим. OCR.

Азии и Камчатке. Год тому назад он возвращался из экспедиции по Камчатке, где он пробыл целых три года, на французском судне, на котором и я возвращался из экспедиции в Корею. Тут мы познакомились. К. И. блондин, небольшого роста, с умным, очень нервным лицом. Очевидно, экспедиций не прошли без следа для его здоровья. Он молчалив, но иногда увлекается и говорит очень интересно. С ним едет его жена, неразлучная подруга в его путешествиях. Надо удивляться, как она, только что проведя три года в снегах Камчатки, испытала много трудов и лишений, расстроив своё здоровье, так как и её нельзя назвать совсем здоровой, едет опять на север, зная, что её там ожидает и непогода, и холод, и всякие дорожные неприятности и неудобства. Но теперь пока она очень ажитирована и весело собирается в дальний путь.

Кроме них с нами едет Александр Геннадьевич Мягков, бывший горный студент, молодой человек, высокий, здоровый, много работавший на железнодорожных изысканиях в России и Сибири и теперь с великим удовольствием едущий в экспедицию.

Такое же впечатление производит и наш новый знакомый Альфред Маркович Макферсон, едущий с нами в качестве переводчика и мастера на все руки. Это высокий, сухожильный седой человек, но полный энергии и жизни. Он англичанин по происхождению, по образованию механик, родился в Петербурге, учился в Англии, много путешествовал, говорит на пяти языках совершенно свободно и правильно, как на своём родном. Он здоров, силен, весел, любит компанию, и мы скоро разговорились с ним за стаканчиком винца.

Ещё с нами едет один терский казак, осетин, Николай С. в качестве верного человека. Он был раньше тоже в экспедиции в С. Корею, где и показал свою пригодность.

Наконец, я — врач экспедиции и большой любитель путешествий.

Мы очень торопимся, чтобы не потерять ни часа времени; поэтому наш поезд *nord-express*, т.е. самый дорогой поезд. Билет от Петербурга до Лондона стоит 150 рублей, а времени против обыкновенного курьерского поезда выигрывается только 12 час. и пересадки есть. Вагон очень хорошо отделан, хотя купе для двоих очень тесное. Имеется в поезде и вагон-ресторан, но цены там довольно таки солидные. Вообще, собственно говоря, лучше было бы выехать на 1 сутки раньше на курьерском.

21 апреля. Вот мы уже почти как сутки в Лондоне. Сажу в reading room гостиницы Charing Crosse Hotel и вспоминаю эти два дня.

19-го утром мы переехали нашу границу, в Эйдкунене, и тут же выпили первую кружку пива на чужой земле. Пришлось пересаживаться в немецкие вагоны, которые оказались гораздо удобнее русских. Мы с Александром Геннадьевичем заняли целое четырёхместное купе, светлое, с большими окнами.

Только что мы тронулись, пришёл кельнер и предложил нам позавтракать. С первого же блюда видно было, что мы уже не в России. На закуску подали по сардинке и кусочку колбасы, дальше шла опять колбаса, кусочек судака и ещё кусочек какого-то полусухого мяса и за это около 5 марок. И дорого, и вовсе не мило. Полбутылки пива 80 пф. (40 коп), это в Германии-то, в стране пива и колбасы. Одним словом, и дороже, и гораздо хуже, чем у нас. К тому же кельнер хотел обсчитать Альфреда Марковича; тот его немедленно поймал, тогда он хотел было обсчитать нас, но и мы его уличили. Он остался крайне недоволен и с видом оскорблённой невинности ушёл. И обсчитывал то он с необыкновенно гордым и независимым видом. Вот и говорите о немецкой щепетильности и честности.

В сутки мы проехали через всю Германию и попали в Бельгию. Здесь на границе наш багаж совсем не осматривали, спросили только: — «куда едете?»

— «В Лондон».

— «Ладно» — и кончена ревизия.

Бельгия произвела на меня большее впечатление, чем Германия. Быть может потому, что последнюю я уже не первый раз проезжал, или потому, что действительно скучна однообразная картина равнины, по шаблону распаханной и разделённой на правильные участки шоссейными дорогами. Дороги эти аккуратно обсажены по бокам деревьями. Куда ни взглянешь, везде разбросаны красные домики однообразной архитектуры. Нет такого места, откуда не было бы видно ни одного домика. Вообще, Германия необыкновенно напоминает шахматную доску громадных размеров. Если вы закроете глаза и попытаете в уме нарисовать немецкий пейзаж по тем впечатлениям, какие вы получили здесь, и затем через час откроете, то почти наверное можно сказать, что нарисованная вами картина совпадает с действительною. До такой степени всё шаблонно. Сами немцы до тошноты однообразны. На кого ни

взглянешь, всё те же бритые лица, усы совершенно неестественно поднятые кверху и распушённые, на подобие кошачьих, те же поднятые плечи и колесом выпяченная грудь, необыкновенно самодовольная и неподвижная походка, в лицах что-то олимпийское, как у наших частных приставов или столоначальников полицейских управлений. Масса форм, довольно однообразных. Одним словом, поездка по Германии может также наскучить, как поездка, например, у нас по Барабинской степи.

Бельгия производит тоже довольно похожее впечатление, по здесь природа разнообразнее, местами встречаются горы, поезд идёт тоннелями, население ещё гуще: то и дело попадаются города. Курьёзный вид производят маленькие садики перед домами, с десятком маленьких тощих деревьев. Это похоже на то, как у нас дети, играя, делают садики; расчистят небольшое пространство и натыкают рядами ветки. Вот в этом роде и здесь. И странное дело, мне бы не хотелось здесь жить, несмотря на всю культуру. Хорошо всё это, очень даже хорошо, пожалуй, чересчур хорошо для некультурного русского человека. Я заскучал бы здесь, как Садко у морского царя. Вспомнишь наши необозримые степи, дремучие леса Сибири, Урала, величавые вершины Кавказа, Алтая, и душно становится среди этой строгой культурной, скованной природы.

В Брюсселе нам пришлось пересестъ, так как прямой поезд пошёл на Остенде, а наши билеты были взяты на Кале. Пересели мы прямо в вагон-столовую, так как другого вагона собственно и не было. Теснота страшная — удобства никакого. Входя в вагон, я нашёл около одного кресла на полу монашеские чётки с образком Лурдской Божьей матери. Обратился я к публике, не потерял-ли кто. Нет, все отказываются и говорят, что это моё счастье, и что это принесёт мне удачу в путешествии.

Около 4 часов поезд подошёл к набережной в Кале, где уже покачивался небольшой колёсный пароход, на который мы и перебрались. Час спустя пришёл ещё поезд из Парижа с массой публики. Пароход оказался совершенно набит народом: весь низ, все каюты, вся палуба наполнены сынами и дочерьми туманного Альбиона. И удивительно некрасивы и непривлекательны эти островитяне, особенно женщины. Фигуры у девиц высокие, тощие, как палки, без всяких форм, движения такие же резкие и угловатые, как и фигуры. Черты лица острые, какие-то птичьи или лошадиные, длинный острый нос, длинные зубы, рыжие волосы; выражение лица жёсткое. Мужчины красивее, они крупны ростом, здоровы,

но отвратительна их манера держаться: что-то вроде манекена. Наш багаж контролировали тут же на пароходе и, не осматривая, наклеили везде таможенные марки. Только что мы отошли от берега, как пароход стало качать и волны покатились через палубу. Я ушёл ближе к носу и, найдя закрытое место, сел и смотрел на зеленоватые волны, сердито бросающиеся на палубу. Качка увеличивалась и дамы одна за другой начали бледнеть и исчезать вниз, где уже образовалось нечто вроде холерного лазарета. Со всех сторон слышались стоны и ещё другие, весьма не гармоничные, звуки. Через несколько минут и мужчины присоединились к этому хору, и странно было видеть, как мучаются знаменитые мореплаватели, островитяне, а жители материка, степей, совершенно не привычные к морю, остаются здоровыми и спокойными.

Через полтора часа мы были уже в Дувре. «Прощай, материк», завтра скажем: «прощай, Старый свет»! Последние впечатления Старого света были хорошие: Англия мне понравилась. Из Бельгии, где каждый кусочек земли утилизирован, распахан так, что полежать негде, как мы выражались, мы сразу попали в страну скотоводства. По обе стороны полотна железной дороги тянутся луга, разделённые на участки рядами деревьев.

Луга ровные, покрытые сочной травой. На них там и сям пасутся бараны, лошади, коровы, и весь этот скот великолепный, породистый.

Большие участки отведены также под культуру хмеля, который здесь в большом количестве идёт на производство портера и эля. Население как будто не так густо, как в Бельгии, но и здесь поезд то и дело пробегает через небольшие городки и селения. Постройки их очень оригинальны и довольно красивы. Дома невысокие, обыкновенно в два, три этажа, очень небольшие и сверху до низу разделены стенками на две или на три части. Каждая часть представляет отдельную квартиру. В этом разница между материком и Англией. У нас в Европе квартира занимает обыкновенно один этаж, или вернее находится в одном этаже, и считается не совсем удобно, если половина в одном, а половина в другом. В Англии же наоборот: квартира занимает по несколько комнат во всех этажах. В перегородках заложены отверстия дымовых труб, открывающихся целым рядом отверстий в крыше, которая покрыта трубами, как щетиной.

В Лондон мы попали поздно вечером; долго ехали по городу, но в темноте ничего не видали. Остановились, как я говорил уже, в Charing

Cross Hotel, находящийся при вокзале того же имени. Большой багаж у нас пропустили, также не осматривая. Поместились мы втроем в одной комнате. Альфред Маркович отдельно на кровати, мы же с Александром Геннадьевичем принуждены были поместиться на одной громадной кровати. На другой день с утра, мы с Александром Геннадьевичем, с Беккером в руках, уже осматривали город, так как времени у нас не было, был только один день, в который мы должны были и осмотреть город, и отдохнуть. Город огромный и, чтобы осмотреть его, надо пожить в нём; поэтому — другого впечатления я не получил, кроме того, что город большой, туманный.

23 апреля (5 мая). Вот уже мы в Атлантическом океане. Молнией пронеслись по Европе, вчера поезд примчал нас из Лондона в Ливерпуль, где мы и сели на пароход. Наш пароход огромный, четырёхэтажный пароход «Campania» Gunard Company. Его длина 610 футов, ходит maximum 22½ узла.

Это какой-то огромный дом. Впечатление парохода совершенно теряется. Отделан он превосходно: в обширной столовой под нижней палубой помещается пять длинных столов, да ещё по бокам отдельные столики на 10 человек. Один из таких столиков мы и заняли. Отделана вся столовая красным деревом, устлана коврами. Над столовой помещается музыкальный зал. Средину занимает фонарь столовой, а вокруг его расставлена мебель. Вся мебель так же, как и рояль, и орган сделана из какого-то белого дерева, вроде карельской берёзы, им же отделаны и стены столовой. На верхней же палубе находится курилка и читальня. Последняя пришлась на самом носу, и потому во время качки сидеть в ней не особенно приятно. Палуба для пассажиров первого класса большая, просторная. По стенам расставлены раздвижные кресла для пассажиров. За право пользования креслом во время перехода платится 4 шиллинга. Всё было бы хорошо, но что касается кают, самого насущного вопроса, тут ни о каком комфорте и говорить не приходится. Нам троим: мне, Александру Геннадьевичу и Альфреду Марковичу отвели такую маленькую каюту, что мы едва могли стоять втроем. Для двоих ещё были койки, а третьему приходилось спать под иллюминатором на диване. И за эту каюту с нас взяли 75 фунтов стерлингов, т.е. больше 700 рублей за переход в 6 суток. Цена поразительно большая и за такую цену могли бы, кажется, давать пассажирам более удобств. Пришлось обратиться к Беккеру, который едет с нами, и имеет, кажется, здесь вес. Благодаря его

содействию, Альфреду Марковичу отвели отдельную каюту, а мы остались вдвоём.

Наша компания увеличилась. Прибавился Бекер, компаньон нашего В-аго, человек средних лет, изящный, вежливый, но как видно себе на уме.

Затем американец Робертс 72 лет, дряхлый старик, с седой бородой клинышком и подслеповатыми глазками, но, говорят, знаток золотого дела. Он едет в качестве консультанта. Говорят, у него три раза было состояние в 6 миллионов долларов и три раза он его терял. Теперь у него ничего нет, и очевидно этой экспедицией он хочет поправить свои дела. Рядом с ним сидит молодой человек, довольно приятной наружности, американец Даулен; он едет в качестве помощника инженера Рикарда, которого мы должны встретить в С.-Франциско; кто он такой неизвестно. Наконец, ещё г. Стерн, очень приличный пожилой господин, с замечательно мягкими кошачьими манерами, необыкновенно предупредительный, но, судя по глазам, выражению лица, еврей. Какое он имеет отношение к нашей экспедиции, неизвестно. Все мы сидим за одним отдельным столом, между собой разговариваем мало, так как мы не говорим по-английски, а они не знают ни русского, ни французского, исключая Бекера, говорящего по-французски.

29 апреля (11 мая). Вот уже скоро мы подойдём к Америке. Ну, нечего сказать, океан нас не побаловал: третьего дня был форменный шторм, вчера вечером тоже, так что мы вместо 500 миль, делаем в сутки только 350-400 миль. Дай Бог, только завтра к вечеру добраться до Нью-Йорка.

Третьего дня утром я вышел наверх и был буквально поражён величественным и суровым видом океана. Волны огромные, седые, бешено неслись на наш пароход, желая его смять, раздавить, но он ловко поднимался на вершины их, и нырял куда то глубоко, глубоко. Говорят сегодня, утром он так нырнул, что весь зарылся в волну, пришлось уменьшить ход до малого. Ветер срывал верхушки волн и дробью сыпал холодные солёные капли на палубу и в окна. Пароход стонал, трещал, везде лилась вода; как ни высок наш пароход, а всё же его часто заливало с верхом. А вверху ветер пронзительно выл в снастях, наводя тоску. Публика уже лежала по каютам, и оттуда неслись неприятные звуки. Александра Геннадьевича то же укачало и он не выходит наверх. Самое неприятное — это, сидя или лёжа у себя в каюте, ощущать, как пароход с вершины волны быстро летит вниз. Ощущение получается такое, как

будто пол исчезает из под ваших ног, койка куда то падает и вы с ней падаете в какую-то пропасть. Вот в это то время в голове и в желудке происходит что-то странное и очень неприятное. Я по своему опыту знаю, что лучше во время качки или ходить, или уж лечь и лежать недвижимо и постараться заснуть. Многие не могут ни есть, ни пить во время качки и они больше всех страдают. Александр Геннадьевич тоже не может ни пить, ни есть, пробовал есть апельсины, и те не может. Я теперь смеюсь, что он изнежился, избаловался до того, что апельсинов даже не переваривает. Нужно есть через силу, и если пища не удержится — снова есть. Я всё это проделываю и чувствую себя прекрасно. Ухитрился даже потолстеть за эти пять дней. Собственно говоря, потолстеть при таком режиме не трудно. В половине девятого вас будит труба, приглашая пожаловать к завтраку — breakfast. Съедаете вы столько, сколько хотите и чего хотите, выбор блюд громадный, хотя нельзя сказать, чтобы было очень вкусно. Моё мнение, что с нашей русской кухней, например, на волжских пароходах или у Тестова в Москве, никакая кухня на северном полушарии сравниться не может. Итак, утром вас накормят основательно. В 12 часов обносят бульоном из курицы или из говядины. В час снова кормят, опять бесконечное количество блюд — это luncheon. В пять часов — чай, в семь — обед. Таким образом целый день проходит в еде. Развлечения немного. Вечера здесь обыкновенно проводят так же чинно и тоскливо, как и дни. Дамы лежат в креслах на палубе, завернув ноги пледами, а мужчины в smoking-room курят и пьют виски. Удивительно приспособленный у них этот напиток apollinaris wisky: и перед едой, и после, одним словом, во всякое время дня и ночи они пьют его, и некоторые весьма изрядно.

Вчера устроили благотворительный концерт, который дал сбору 60 фунт. стерл., т.е. 600 руб. Если бы у нас благотворительные концерты давали такой сбор; а то, если нет в числе участвующих какой-нибудь звезды, едва концы с концами сводятся, а говорят: сошло удачно. Очень уж русские требовательны, привыкли к критике и уже не могут без неё обходиться. Это, конечно, имеет свои хорошие стороны: у нас строже требования к пению и музыке, и у нас они стоят гораздо выше. Но зато с каким искренним удовольствием слушают здесь своих, очень немудрых, чтобы не сказать больше, певцов и певиц, как от души аплодируют! Меня тоже просили спеть какую-нибудь русскую песню, я согласился, но мой аккомпаниатор Александр Геннадьевич как раз свалился и заснул,

так я и не участвовал. В курилке свои развлечения. Играют на скорость парохода. Надо сказать, что тут едет целая компания евреев, в которой находится даже один слонимский мещанин, бежавший от воинской повинности в Америку и живущий здесь уже 25 лет. Эта-то компания и затеяла игру. Она состоит вот в чём: пароход проходит в среднем 480 миль в сутки. Делают 20 билетов выше и ниже этой цифры. Всё, что лежит выше цифры последнего билета, продаётся особо, точно также и то, что ниже. Но так как билетов количество ограниченное, а желающих играть много, то билеты продаются с аукциона и цена повышается раз в 5 и больше. На другой день в полдень становится известным пройденное за сутки расстояние, и у кого цифра на билете подходит, получает деньги. Существует ещё вид игры. Делают десять билетов и на каждом ставится одна цифра до нуля. И выигрывает тот, у кого была цифра такая же, какая была последняя цифра в пройденном за сутки расстоянии.

Я наблюдал за тремя играми и все три раза выиграли евреи. Ведь, вот, сказали ли бы вы, что евреи такие опытные мореплаватели, а так выходит.

Больше интересного ничего нет, а сегодня хоть на палубу не выходи: ветер страшный, холодный; брызги так и летят на палубу. В салоне те же чинные разговоры. В курилке виски и карты. Одно хорошо, что мы скоро доедем, и я в первый раз увижу Новый свет.

ГЛАВА II

В Америке

Нью-Йорк — Вашингтон — С.-Франциско — Снаряжение в экспедицию.

5 (18) мая. Устал; разделся и хочу перед сном записать свои впечатления. Их так много, что они перепутались, а записывать времени не хватает. Теперь мы в Вашингтоне и уже прожили здесь три дня, а завтра едем дальше. От Нью-Йорка у меня осталось только впечатление шума, движения. Приехали мы туда ночью. Вся река была покрыта тысячами огней, которые то стояли на одном месте, то двигались. Ежеминутно с одного берега на другой переходили пароходы довольно оригинальной конструкции. Наверху на палубе были какие-то коромысла, которые покачивались. Они были соединены с поршнями от цилиндров, верти-

кально стоящих. Пароходы были полны народом, ярко освещены и казались издали светлыми фонарями иллюминации. Мы пристали к берегу не скоро. Наш гигант не мог свободно поворачиваться, и потому около пристани он остановился; на помощь к нему прибежали два маленьких пароходика и упёрлись в него, один в нос, другой в корму; таким образом «Sampania» была повернута. Громадное здание таможи наполнилось народом. Багажа было очень много, и чтобы не спутать его они выдумали очень остроумный приём: вы выбираете какуюнибудь букву и этой буквой помечаете весь ваш багаж. Носильщики, выгружая багаж, вносят его в зал, где по стенам прибиты буквы в алфавитном порядке, и под соответствующей буквой складывают ваш багаж. Случается, конечно, что в суматохе они и ошибаются, но в общем, при массе багажа и пассажиров всё-таки порядок есть.

К полуночи нас наконец освободили и мы отправились в отель. Наш отель — Вальдорф Астория — лучший в Нью-Йорке. Он очень хорош: чистота, порядок, ванны, подъёмные машины, залы для музыки, громадные столовые, коридоры, по которым всегда гуляет много публики. Всё это прекрасно, но довольно таки стеснительно. Это стеснение сразу же почувствовалось. В столовой, где почти без исключения все мужчины курили сигары и папиросы, наша спутница после обеда закурила папиросу. Тотчас же подошёл лакей и сказал Альфреду Марковичу как старшему, что это не принято здесь. Странное дело. У нас дамы, хотя и немногие, курят свободно, где захотят, а здесь дамы в публичном месте не курят, хотя очень многие курят у себя дома, да и выпивают тайком. Цены за номера и продовольствие весьма солидные, но нельзя сказать, чтобы очень вкусно кормили. Мы с Александром Геннадьевичем

и Альфредом Марковичем на другой же день нашли себе подходящий небольшой ресторанчик и с удовольствием обедали и ужинали там. На другой же день утром мы спустились в столовую и там встретили Даулена. Он показал газету, которая вышла рано утром. Там уже было напечатано о нашем приезде, о нашей экспедиции, причём было много неправды и много лишнего. Карл Иванович, увидав эту газету, рассердился и сказал об этом Бекеру, который сделал вид, что и он остался недоволен.

«Если это говорит Даулен (он почему-то подозревал его), тогда я без всяких разговоров откажу ему от места». Но я скорее готов допустить,

что эта статья написана со слов Робертса. Мы занимались тем, что бродили по городу. Собственно, он ничем не отличается от больших торговых городов. Только здесь есть большие многоэтажные дома, как зубы торчащие среди других. В одном мы насчитали 26 этажей. Это и некрасиво, и я думаю не особенно приятно жить в 26 этаже, хотя высота здесь ничего не значит: в каждом доме подъёмная машина. Улицы грязные, можно думать, что их никогда не метут, движение страшное. По улицам один за другим летят вагончики. Шум и грохот колёс, беспрестанные звонки, мелькание перед глазами вагончиков, всё это оглушает, ошеломляет непривычного человека. Мало того, что по мостовым проложены в несколько рядов рельсы, вагоны ходят ещё над головой, по рельсам, уложенным на столбах. Огромные, слонообразные лошади везут страшные, громадные воза, тротуары полны народом. На перекрёстках, где сходятся несколько линий, просто удивляешься, как это всё не перепутается, не столкнётся, но полисмены одним взмахом своей магической палочки останавливают мгновенно всё движение и очень предупредительно провожают пешеходов через улицу, а дам даже проводят под руку.

Думали было мы с Александром Геннадьевичем отсюда ехать посмотреть Ниагарский водопад, но обстоятельства сложились так, что Карл Иванович посоветовал нам всем вместе ехать в Вашингтон. Жалко было очень отказаться от этой поездки, но, нет худа без добра, и я теперь доволен тем, что попал в Вашингтон. Это лучший город из всех, какие мне пришлось видеть до сих пор. Вашингтон построен правильно, так что достаточно посмотреть на план, чтобы уже свободно ориентироваться. Центр города — Капитолий — холм, на котором построены чудные здания — парламент и библиотека. От него идут к северу, югу, востоку и западу прямые улицы, так и называемые Capitol-street и т.д. Затем улицы, идущие в направлении N-S, обозначаются цифрами в порядке, начиная от Капитолия в обе стороны, а имеющие направление W-E, буквами в алфавитном порядке. Кроме того, от Капитолия же по радиусам идут бульвары — avenue. Мы остановились на Pensilvania avenue в гостинице Raleigh. Наша улица самая бойкая. Но что это за прелесть! Здесь нет ни тесноты, ни давки, хотя движение и большое. То и дело взад и вперёд летят электрические трамваи, почти всегда полные народом. Извозчиков совсем не видно, за то один за другим снуют велосипе-

дисты. Кажется, нет другого города, где бы была такая масса велосипедистов. Да это и понятно: улицы широки, покрыты асфальтом и ровны как стол, никакого шума и треска, как у нас, не слышно. И велосипедисты ездят здесь отлично. Я видел, как одна маленькая девочка, лет по видимому 8-9, ехала на велосипеде, не держась за руль руками и необыкновенно искусно лавируя между пешеходами и трамваями. Даже небольшие тяжести иногда возят на велосипедах. Кроме того здесь масса электрических экипажей. Особенно же хорошо здесь это то, что все улицы обсажены деревьями, иногда в несколько рядов. Даже на торговых улицах пахнет зеленью и цветами. Если же посмотреть на город с высоты птичьего полёта, он весь тонет в зелени. С этой целью мы забрались на вершину обелиска в честь Вашингтона и оттуда любовались видом. На юге виднеется река Потомак, красивой лентой опоясывающая город, и, соединяясь с другой, текущей с запада, скрывается в зелёной дали. Обелиск стоит в парке против знаменитого Белого дома. Парк — это прелесть. Он занимает всё расстояние от обелиска до Капитолия. Сверху он кажется зелёным небольшим садиком, с зелёными полянами, группами и аллеями деревьев и рядом красивых красных зданий. Эти здания — музеи. Мы осмотрели их подробно, насколько могли. В Смитсоновском институте два этажа. Верхний занят археологией. Тут много данных по истории Америки, очень интересных. Нижний этаж — зоологические коллекции: рыбы, птицы и раки — довольно бедный.

В национальном музее несколько отделений — геологическое — богатое и очень наглядно обставленное. Зоологическое — очень бедное, мореходное, этнографическое и отделение всевозможных сувениров. В медицинском музее богатая коллекция препаратов по патологической анатомии, коллекция скелетов и гипсовых муляжей по кожным болезням. Но всё это собрано в одну кучу и хотя здесь много хорошего, но много и довольно неинтересного. Впечатление получается очень спутанное.

Были мы также в картинной галерее Коркорана, куда нас провожал один еврей, познакомившийся с нами. Он спрашивал у нас, есть ли у нас в России картинные галереи и видали ли мы что-нибудь подобное. Действительно, мы ничего подобного по своему убожеству не встречали. Несколько статуй, стоящих там, оказались гипсовыми копиями европейских оригиналов. Картины европейские и далеко не интересные. Своего почти ничего, а что есть, то весьма посредственно. Интересную

штучку мы там нашли. Это картина Айвазовского, изображающая радость, с какой русский народ встретил американский хлеб, присланный в голодный год. На первом плане тройка, и на ней парень с американским флагом мчится по улице, полной народом. Как-то неловко стало нам за Айвазовского.

Посетили мы также национальную библиотеку на Капитолии и парламент. Попали как раз на заседание парламента. Впускают туда по билетам, которые очень любезно выхлопотал нам наш знакомый еврей. Странно было нам видеть, как просто держат себя члены парламента.

Один просто лежал на диване, покуривал и читал газету, пока с кафедры говорил другой. Просто, как у себя дома.

Библиотека — чудо архитектуры. Но сколько ещё там пустых зал. А то, что выставлено в витринах, страшная ерунда. Вообще, если сравнить европейские музеи и американские, то выходит, что у нас масса материала и нет хороших помещений, а здесь в роскошных, чудных помещениях почти нет материала. Теперь несколько слов о театре. Мы с Александром Геннадьевичем, как мало понимающие по-английски, не пошли в драматический театр, а в водевиль. Были один раз в Нью-Йорке и два — в Вашингтоне.

Цинизм довольно открытый, грации и изящества никакого. Собственно, эти театры похожи скорее на балаганы; не по своему устройству, — нет, они хорошо выстроены, удобны для публики, но исполнители и программа — это уж настоящий балаган. Тут и фокусники, чревовещатели, гимнасты, жонглёры очень искусные, комические куплеты, и шансонетка, и канкан, и водевиль. Одним словом, всё, что вам угодно. Но что это за танцы, что это за пение? Пением собственно даже и назвать-то стыдно, а танцы — месят ногами, правда очень быстро, но нисколько не грациозно, а скорее уродливо.

В водевилях же почти во всех кого-нибудь выбрасывают в окно, причём слышится такой треск, как будто разбили по крайней мере десять ящиков со стёклами, или уронили шкаф с посудой. Кидают и больших, и маленьких и это вызывает у зрителей страшный смех, они аплодируют и кричат, как сумасшедшие. Но ещё больше им нравится, когда выходит на сцену мальчишка или девчонка лет 7 и начинает откалывать канкан, припевая куплеты уже не сомнительного содержания. В полный, дикий восторг пришли зрители при виде канканирующей семьи мулатов. Муж

удивительно неприлично канканирует с своей женой и тут же, подражая отцу с матерью, канканируют их дети, мальчик и девочка. Чудное воспитание!

В театрах сидят и в шляпах, курят в зале, пьют тут же. И вот что ещё очень оригинально — они свистят здесь в знак одобрения, иногда страшно пронзительно свистят.

Вообще, я вынес плохое впечатление о вкусах американской публики.

Завтра мы уезжаем из Вашингтона, и мне очень жалко расставаться с ним. Как хорош он вечером, при электрическом освещении, когда по светлым, гладким улицам, как бы покрытым снегом, мелькают разноцветные огни велосипедов и электрических моторов. Публики масса, да и не мудрено: вечера здесь чудные, тёплые, воздух полон запахом деревьев, цветов. Одним словом, очень хорошо.

Одно скверно — это прислуга в гостинице. Так вяло и нехотя они подают, и при этом с таким видом, будто делают вам великое одолжение. Говорят, что в Америке не берут на чай. Совершенно не верно. И дают, и берут весьма охотно, и даже больше, чем у нас в России!

22 (9) мая. Не доходя до станции Raulin, утром поезд был остановлен в степи. Меня разбудил Александр Геннадьевич в шестом часу утра и я, наскоро одевшись, вышел из вагона и остановился, ослеплённый красотой открывшегося вида. Прямо перед глазами расстилалась голая, с редкими лишь кустиками перекасти поле да клочками тощей травки, степь, а за ней гигантскими белыми зубцами поднимались в голубое небо блестящие снежные вершины гор. Приятно было вдохнуть в себя струю чистого, свежего воздуха, оставив хоть на несколько минут душный вагон.

Оказалось, что в четырёх верстах впереди нас сошёл с рельсов тендер и загородил нам путь. Один из наших паровозов и ещё один, откуда-то явившийся, пошли на помощь, а мы отправились бродить по степи. По-немногу один за другим стали из поезда вылезать пассажиры и расплзаться по степи.

Не мудрено было сойти с рельсов, это было видно с первого же взгляда на путь. Во-первых, он, кажется, никогда не исправлялся. Концы шпал висят на воздухе, и только середины их лежат на земле. О каменном балласте здесь и не думают. Да что тут толковать о каменном балласте, когда шпалы-то и те почти все гнилые, а если бы вы посмотрели скрепления! Местами костыли забиты не плотно, так что головка не касается

рельса, местами головка свёрнута в сторону, немало костылей поломанных, а кривые очень малого радиуса. И вот задняя тележка тендера соскочила с рельсов и пошла по шпалам, тут то и обнаружилось, что большинство шпал гнилые.

Паровозы не были в состоянии поставить тендер на рельсы и возвратились. Через несколько времени со станции пришёл рабочий поезд с подъёмным крюком. Мы побежали смотреть. Очень интересно было, когда полный углём тендер поднялся на воздух и затем опустился плавно на рельсы. Несколько минут — и всё было приведено в порядок.

Сегодня позавтракали на какой то станции за 75 центов и остались очень довольны; теперь сидим и считаем скорость поезда. Оказывается, наш поезд идёт около 70 вёрст в час. Езда порядочная, да ещё по такому прекрасному пути. Становится жутко. Едем мы с шиком, в Пульмановских вагонах экспрессом. Днём это обыкновенный вагон с диванами, а на ночь переделывается в спальню и каждый получает широкую, длинную койку, задёрнутую драпировкой. Поэтому тут могут спать и мужчины, и дамы. В поезде есть столовая и курительная комнаты. Кормят недурно, хотя дороговато.

Дорога от Вашингтона до Чикаго идёт по лесистым местностям. От Чикаго же характер её меняется. Потянулась холмистая степь, напоминающая степи Самарской губернии, а дальше пошла пустыня, настоящая песчаная пустыня, покрытая редкими низенькими колючими кустиками; куда ни взглянешь, никакого признака жизни, пусто, мёртво. Только на горизонте сверкают снеговые вершины далёких гор. В вагонах духота страшная, жарко, всё полно мелкой пылью, проникающей незаметно во все щели в вагона. Мы едем по темь местам, где дорога строилась под охраной войска; а теперь как-бы хотелось посмотреть, какие такие были индийцы, но их совсем не видно.

Только перевалив 8.000 ф. в долину Эхо, в штате Юта, мы вздохнули свободнее. Здесь очень красиво. Долина окаймлена высокими обрывистыми скалами красного цвета, то в виде огромных башен, то в виде каменной стены. Вот стоит целый ряд столбов, отдельные камни каким-то чудом держатся па своих маленьких основаниях. Кажется, дунет ветер и они повалятся в долину. По долине бежит речка, через которую несколько раз приходится переезжать.

23 (10) мая. Опять пустыня, и ещё более мёртвая, чем вчера. Воды совершенно не видно. Жарко, пыль набилась в глаза, скрипит на зубах,

тело страшно чешется. Скучно и скверно. Сегодня Альфред Маркович прочитал нам из газеты, издаваемой в С.-Франциско, статью о русских, о золоте в Сибири, о том, как русские стараются привлечь американские капиталы. Тут были имена Великого князя Николая и князя Долгорукова, предки которого будто бы основали Москву, говорилось, что едет сын В., только наших имён ни одного не было. Одним словом, характерная американская газета.

8 июня (26 мая). Мы уже около двух недель живём в С.-Франциско. Живём мы в Palace Hotel, опять таки в лучшем отеле С.-Франциско и готовляемся к отъезду. За эти дни произошло много нового, очень неожиданного и не совсем приятного.

Тотчас же по приезде мы пошли осматривать пароход, Стерн любезно провожал нас. Разочарование было полное. Я, собственно говоря, и не поверил, когда Стерн сказал нам: «А вот и наш пароход!» Такой маленький, невзрачный он показался нам. Длина его всего 150 футов, пассажирские каюты только на корме, на палубе, отчего получается довольно странный вид. Средина парохода — палуба, на носу построены две каюты для матросов, на корме в два этажа пассажирские каюты. Кажется, что средину парохода выломали. Грязь везде страшная. Мне не совсем понравилось всё это, а Стерн похваливает: «прелесть, что за пароход!» Вернулся я в гостиницу, говорю Карлу Ивановичу: «Не нравится мне пароход-то!» Пошёл он смотреть, вернулся. «Неправда, говорит, пароход хороший!» Ну, ладно, думаю, потом увидим.

Карл Иванович встретил здесь своего знакомого старого моряка Лемашевского, лет тридцать ходившего по Тихому океану, и пригласил его осмотреть пароход. Тот посмотрел и говорит: «Пароход крепкий, хороший».

Ну, конечно, если говорит это старый морской волк, так надо верить.

Решили согласиться и подписать контракт, тем более, что Стерн убедительно клялся, что парохода здесь теперь найти невозможно и что счастье, что он нашёл «Самоа». «Ведь теперь все пароходы, говорит, идут в Аляску, в Ном, всё полно и поэтому надо крепко держаться за «Самоа».

Положение было безвыходное и пришлось согласиться, хотя цена была огромная. В месяц пять тысяч долларов и уголь на счёт экспеди-

ции, кроме того содержание всей команды судна. Одним словом, приходилось заплатить за время экспедиции столько, за сколько можно было бы купить такой пароход и даже лучший

Через несколько дней приехал и Бекер, который должен был заключить контракт. Контракт был написан на имя Карла Ивановича, но не как доверенного от В-аго и начальника экспедиции, а как доверенного от «East Siberian Syndicate».

Мы с Александром Геннадьевичем не были в курсе дела и потому как-то не обратили на это внимания, хотя это и показалось нам несколько странным. Мы или были заняты покупками всего необходимого для путешествия, или познакомились с С.-Франциско.

В этом нам очень помогло наше новое знакомство. Один из наших будущих спутников Даулен познакомил нас с своей молодой женой.

Она нам очень понравилась, да и её отношения к мужу были такие милые, дружеские, что мы прониклись к ним большой симпатией и составили приятельскую компанию. Чуть не каждый вечер мы проводили с ними в театрах, после чего отправлялись ужинать в ресторан и проводили время очень весело. Главное, что нас потешало, это то, что супруги Даулен говорили только по-английски, а мы как раз были незнакомы с этим языком. Альфред Маркович был в этом случае незаменим. Он и сам был весёлым собеседником, и не отказывался быть посредником между нами. Без него же наше дело было плохо. Так как поговорить очень хотелось, то мы брали с собой словари и с их помощью говорили друг другу самые лёгкие и коротенькие фразы. Александр Геннадьевич предпочитал писать. Он писал что-нибудь в свою записную книжку, а m-me Даулен писала туда ответ. Курьёзов, конечно, была масса.

Узнав, что с нами едет жена Карла Ивановича, m-me Даулен тоже захотела ехать в экспедицию. Мы понятно обрадовались, что у нас будет такой милый товарищ, но Карл Иванович разрушил наши воздушные замки, решительно отказав взять её с собой. Она была страшно огорчена и даже плакала, огорчился и её муж, но делать было нечего — приходилось подчиниться и остаться.

Вместо неё у нас оказался ещё компаньон Ляндфильд. Он приехал вместе с инженером Рикардом и сейчас же с нами познакомился. Оказалось, что он очень хорошо говорит по-русски и бывал в России. Мы ему страшно обрадовались, так как, значит, явился ещё человек, который нам многое может показать. Да и характер у него был такой весёлый,

общительный. Правда, он слишком много говорил о себе, выходило, что он кончил университет по двум факультетам, и успел в то же время получить чин капитана, и в России побывать два раза, и долго жить там, и при этом ему только 26 лет, но мы как-то ему поверили и сразу стали в товарищеские отношения. Карл Иванович принял его очень холодно и сказал, что взять в экспедицию его не может. Тогда все наши американцы и Бекер надели на Карла Ивановича, и он под конец уступил. Через день Ляндфильд уже успел сделаться нужным для него человеком, бегал в магазины, исполнял всевозможные поручения и был удивительно любезен и предупредителен.

Инженер Рикард нам тоже понравился. Это был высокий, здоровый брюнет, с добрыми, ласковыми глазами, серьёзный и вместе с тем очень любезный. Итак, все члены экспедиции были уже налицо и мы энергично заготавливали всё необходимое для наших целей. Стерн рекомендовал нам своего знакомого комиссионера Бернштейна, который должен был сделать закупки по нашему усмотрению. Бернштейн бегал, работал, но это не значило, что мы были совершенно освобождены от труда ходить по магазинам. Мы ходили с ним, сами смотрели товары, сами выбирали, а он только записывал и приносил счета. Хотя таким образом он, собственно говоря, для нас был почти не нужен, но здесь уже такой обычай вести дела через комиссионера. И за его труды мы должны были заплатить ему 2% с истраченной суммы. А это выходила очень кругленькая цифра.

Закупку продовольствия взял на себя Стерн и этим избавил нас от части труда.

Итак, мы бегали по магазинам, а Альфред Маркович занимался приспособлением судна для экспедиции. Работы ему было немало. Не хватало помещения для рабочих, а потому на носовой части палубы пришлось выстроить несколько кают. И надо отдать справедливость, Альфред Маркович сделал всё это очень хорошо, насколько было возможно. Он сумел на небольшом пространстве поместить ванну, фотографическую комнату, кухню, две маленьких каюты, столовую и две больших для рабочих и всё это было довольно удобно. Затем пришлось устроить паровое отопление, которого на судне не было и это было сделано, но не особенно удачно. Каюты для пассажиров тоже были переделаны. Одним словом, Альфред Маркович работал как вол днём, а по вечерам ещё проводил время с нами.

Неприятно было только то, что все переделки шли на счёт экспедиции, а их было на несколько тысяч долларов. Наконец, пароход был приготовлен и началась нагрузка. Вот тут дело пошло уже безалаберно. Товары были привезены сразу на берег и без всякой системы их начали валить в трюм. Заведовал этим один молодой человек, бывший багажный приказчик этого судна, и надо удивляться, как неумело он всё делал. Уже с первого дня оказалось, что для того, чтобы найти что-нибудь, нужно было перерывать весь трюм, и кроме того никто не знал, что куда было положено. Нагрузка была окончена перед самым отъездом. За несколько дней до него Бекер устроил нам прощальный обед, на который ему ответили ужином в ресторане, и при этом привёл ещё одного господина — Уайт, прося его взять в экспедицию. Карл Иванович окончательно отказывался, но Бекер в продолжении нескольких часов настаивал, ссылаясь на свои полномочия, и наконец Карл Иванович уступил.

Это, наконец, был последний, и наша экспедиция оказалась в полном составе. Сверх всех наших ожиданий состав этот оказался очень многочисленным и численный перевес был на стороне американцев. Русских у нас оказалось: начальник экспедиции Карл Иванович с женой, врач, Александр Геннадьевич и Лемашевский, старый моряк, в качестве запасного командира, если бы таковой понадобился, и советника по части мореплавания, и сюда же можно включить Альфреда Марковича, который хотя по происхождению и англичанин, но духом принадлежит к нашей русской партии. Наших же компаньонов американцев было больше, а именно: Робертс, Рикард, Даулен, Стерн, Ляндфильд, Уайт и ещё трое не то рабочих, не то помощников: Пикар и Скрентон с сыном. Командир нашего судна Джонсон, небольшого роста, толстый норвежец, всегда немного навеселе, очень гордящийся своим званием масона 32-й степени, и носящий на жилете масонский знак в форме креста. Два его помощника, машинист с двумя помощниками, затем матросы, кочегары, маслёнщик, повара и лакеи, вот экипаж судна — все американцы. Наконец, Робертс страшно настаивал, чтобы взято было несколько человек китайцев. Карл Иванович согласился, и Бернштейну было поручено нанять их. В С.-Франциско был в это время карантин по поводу какой-то эпидемии в китайской части города. Эта часть была огорожена верёвкой и сообщение с нею было прервано. Достать китайцев было нелегко и Карл Иванович послал телеграмму в Вашингтон. Оттуда пришло разрешение взять китайцев для русской экспедиции, предварительно

подвергнув их полной дезинфекции. Со своей стороны, Карл Иванович решил взять несколько человек русских рабочих. Найти их нам помогло наше новое знакомство.

Осматривая город, мы с Александром Геннадьевичем однажды пошли в русскую церковь. Где она находится, мы не знали и обратились к полисмену. Тот очень любезно проводил нас до трамвая и объяснил кондуктору, где нам нужно пересест в другой вагон. Таким образом мы благополучно добрались до церкви.

Церковь здесь маленькая, снаружи довольно красивая, внутри же очень простенькая, но чистая. Мы пришли во время службы и стали в толпу молящихся.

Какое-то необыкновенно приятное чувство является, когда за границей приходишь в православную церковь. Как-то невольно переносишься мыслью в Россию, в памяти встают дни детства, когда чаще бывал в церкви. После того, как повсюду и всегда в ушах звенят разные иностранные слова, как-то легко делается, когда слушаешь знакомые молитвы на родном языке, видишь людей, говорящих на нём, и чувствуешь, что здесь ты не чужой. Священник служил здесь частью на славянском, частью на английском языке. Ему вторил небольшой, но очень стройный хор. Оказывается, это хор любителей, из которых многие не говорят на русском языке, но поют очень понятно и гармонично.

Мы с удовольствием простояли всю обедню, а после неё к нам подошёл какой-то господин и рекомендовался, прося не отказать ему выпить у него чашку чаю после обедни. Мы не прочь были посмотреть, как живут здесь русские и пошли с ним. К нам присоединился ещё один из его знакомых, Непряхин.

Идти было недалеко и, поднявшись по Green Street, мы по лестнице взобрались на отвесную скалу, на вершине которой в маленьком садике прятался одноэтажный небольшой дом особняк, где и жил наш новый знакомый Фёдоров. Отсюда открывался чудный вид на город, на залив, по которому скользили лёгкие паруса лодок. Шум города слабо доносился снизу, воздух был полон ароматом цветов, покрывавших деревья сада.

— «Правда, какое хорошее у меня местечко?» обратился к нам Фёдоров, «совсем как на даче живу, и вместе с тем трамвай в двух шагах и магазины рядом! Словом, все удобства города под руками, а здесь в этом маленьком саду, на этой высоте просто можно забыть, что находишься

в городе. У меня ведь здесь полное хозяйство, даже кур и голубей держу и всё это мне обходится недорого. Однако, пойдёмте в комнаты пить чай!»

Комнаты были чистенькие, светлые, так было уютно и тихо здесь после шумных улиц и вечно полного народом нашего Palace Hotel.

Зашёл разговор о нашем путешествии, причём цена за аренду судна страшно изумила наших новых знакомых.

— Да вас просто надули, ведь приплатите вы ещё немного, вы могли бы получить в собственность судно гораздо лучше и удобнее вашего, да вот, если хотите, я покажу вам судно, которое делают на заказ и оно гораздо лучше вашего «Самоа». Ведь ваш пароход грузовой, для каботажного плавания. На нём здесь лес возили. Впрочем, это не мудрено, что вас надули, вы не сами покупали судно, а через комиссионеров. Ну, а здесь, знаете, больше чем где бы то ни было, рука руку моет. И пока вы здесь не освоитесь, пока не привыкнете, для вас всё будет дорого. Так же было трудно и для меня. Приехал я сюда по некоторым обстоятельствам, помешавшим мне жить в России, и сначала просто почти голодал. Но потом освоился, выучился английскому языку и, как видите, живу недурно. Я слесарь и работаю здесь на одном заводе. Получаю я 105 долларов в месяц, здесь рабочая плата очень хороша, и хотя я себе ни в чём не отказываю, но у меня всегда остаётся. Ведь это здесь дорого для приезжих. Вы, например, остановились в Palace Hotel, гостинице, специально для богатых. У вас, конечно, выйдет не менее десяти долларов в день, а если бы вы обратились к людям, знакомым с условиями здешней жизни, то могли бы иметь и комнату за 20 долларов в месяц, вполне приличную, и сытный обед вчетверо дешевле, чем у вас в гостинице. С вас, вот, вы говорите, берут за вино по полтора доллара с пробки сверх цены вина, а это просто курьёз, так как здесь в Калифорнии вино дешёво и я ежедневно имею за столом вино, но покупаю его галлонами. Нет, привыкнув, здесь можно хорошо жить, хотя, конечно, всегда тянет на родину. Я живу здесь уже давно, женился здесь, имею детей, вообще устроился недурно. Здесь живёт немало русских, и если они умеют и желают работать, они могут недурно устроиться.

Попив чаю, мы пошли к себе, попросив Фёдорова прислать нам кого-нибудь из русских, которые желали бы ехать с нами. Таких нашлось трое.

Почти всё было готово и мы стали устраиваться в каютах. Пароход наш был небольшой, длиною всего 150 футов, при ширине 32 и осадке 12 ф. Кают было немного и поэтому пришлось потесниться.

Кают-компания помещалась на палубе, в неё выходили двери из семи кают, остальная часть верхней постройки была занята машиной и кухней. Над этим этажом был второй этаж, окружённый мостиком, а сверху мостик, на котором помещались шлюпки и место для вахты. Во втором этаже спереди помещался штурвал, каюта помощников капитана, капитанская каюта и ещё четыре каюты. Одну из них, бывшую smoking-room, отделали для Карла Ивановича, другую отвели под аптеку, где я и поместился, рядом со мною каюту занял Лемашевский, а последнюю поменьше заняли Альфред Маркович и Рикард.

Внизу было теснее. Александр Геннадьевич занял отдельную каюту, также Стерн, а Робертс поместился вместе с Ляндфильдом, Уайт с Дауленом. Одну каюту занимали машинисты, одну стюарды, а последнюю Николай с третьим машинистом. Больше мест абсолютно не было.

Итак всё готово, завтра мы окончательно устроимся, переедем на пароход и может быть завтра же уйдём.

ГЛАВА III По Великому океану

Алеутские острова — Берингово море.

10 июня (новый стиль). Вот мы уже в море. Вышли из С.-Франциско сегодня в 12 часов ночи и вышли очень оригинально. Вчера мы последний раз обедали в городе и там от Альфреда Марковича я узнал, что мы снимемся сегодня ночью и уйдём.

— А как же, — спрашиваю я, — Робертс, Даулен? Ведь их ещё нет на пароходе?

— Тут очень таинственная история; дело в том, что Робертс и Даулен завтра должны быть задержаны полицией и лишены права выезда отсюда, поэтому им нужно бежать сегодня же.

— Пойдёмте проститься с m-me Даулен.

Мы пошли и в одном из ресторанов в кабинете, где было заранее условлено, нашли Даулена с женой и старшего механика Хине. Всё было обставлено с необыкновенной таинственностью.

Мы простились, выпили на прощанье бутылку вина и разошлись.

В двенадцать часов пароход был совершенно тёмный, без одного огня. На пристани были только Бернштейн и брат Стерна. Прощание было коротко и чалки взяты. «Самоа» тихо, точно крадучись, без свистка, отошёл от берега и повернул к морю.

Тихо, тихо мы прошли мимо стоящих на рейде судов и через час ещё замедлили ход. С берега в темноте показалась маленькая чёрная точка. Пароход останавливается. Точка увеличивается, растёт и наконец мы видим лодку, быстро и без шума скользящую к нам. Вот она причаливает и к нам принимают Робертса, Даулена и Скрентона с сыном. Лодка также быстро отходит. Самоа даёт свистки, вдруг весь освещается, и на всех парах выходит в море.

Как насмешливо звучит этот свисток и какая наглая нота в нём слышится!

Расспрашиваю Альфреда Марковича, в чём же дело. Оказывается, Даулен не исполнил какого-то контракта, Скрентон был задержан за мелкие долги, а Робертс за крупные. В Америке существует закон, что если несостоятельный должник успеет уехать в другой штат, то дело передаётся полиции этого штата и таким образом дело затягивается и такие побеги возможны и не редки. Как-бы то ни было, а такой выход нам был не по душе. Мы едем работать, едем в далекие суровые страны, чего же нам прятаться, чего стыдиться и уходить тайком, как воры?

А всё-таки ловкие люди эти Робертс, Даулен и другие. Накануне они распускают слух, что «Самоа» выходит в воскресенье 10-го в 12 часов дня, сами на пароход не являются, а где-то скрываются, и вечером тихонько выезжают из С.-Франциско, нанимают лодку и на ней, пользуясь темнотой, незамеченные никем, выходят навстречу пароходу, который снимается раньше назначенного времени. Полиция, придя утром на пристань, найдёт пустое место.

После того, как пароход вышел в море, мы выпили пива за счастливый путь и начало экспедиции. Но что-то и пьётся не весело, так как-то по одному и разбредлись по каютам.

Итак мы опять в океане, разница вся в том, что прежде мы были в Атлантическом океане на огромном судне «Campania», а теперь мы в Великом океане на малом судне «Самоа», Можно себе представить, что будет с «Самоа», с этим пигмеем в сравнении с «Campania», во время

шторма, если последний как с гор катался с волн, превосходящих его высотой во много раз. Что будет с нашим «Samoa», если его палуба теперь уже на 6 вершков покрыта водой. Если «Sampania» покрывалась волной, то интересно бы взглянуть, как к этому отнесётся «Samoa».

Море сегодня как зеркало, а пароход уже качает. Направо в тумане ещё видны берега Калифорнии.

В воздухе сыро и тепло. Через несколько часов мы скажем: «прощай, Калифорния, прощай страна золота, света, тепла, и здравствуй «суровый север, мы идём к тебе в гости!»

11 июня. Облачно, но тепло. Медленно подвигаемся к северо-западу. Поставили паруса. Скука на пароходе страшная. Тесно, погулять негде. Вся палуба завалена мешками с углём вплоть до мостика. Качает. Александр Геннадьевич лежит, да многие уже лежат. Меня вчера к ночи тоже укачало, сегодня чувствую себя лучше, хотя не совсем хорошо. Даю больным какую-то мятную настойку, весьма рекомендованную капитаном и рекламированную, но пользы от неё вижу мало. Ходить невозможно, толчки такие быстрые, что трудно устоять на ногах, поэтому я лежу на мостике и читаю, а наши американцы, лёжа на полу, играют в кости. Геннадьич тоже выполз на мостик, облюбовал шлюпку и лежит целый день.

16 июня. Не балует нас Великий океан, качает, едва давая вздохнуть. Только утром 13-го качка была поменьше, а остальное время всё качка, то килевая, то боковая, как придётся, и иногда очень большая. Бывают размахи до 65°, считая в обе стороны. Всем надоело уже, ничем невозможно серьёзно заняться. Лежим на палубе по целым дням и читаем, но и это уж наскучило. Небо по большей части покрыто облаками, и когда на несколько часов ветер разгоняет облака, мы отдыхаем, любуясь дивной картиной.

С ярко голубого неба льются потоки света на синие могучие волны. Ветер пролетит, успокоится океан, улягутся волны, и, как серебряным панцирем одетая, блестит грудь богатыря-океана.

У самого парохода вода нежного лазоревого цвета, как в Средиземном море. За нами летят стада альбатросов. Они нисколько не боятся парохода и, когда из кухни чтонибудь выбрасывают, они бросаются с криком целой кучей и чуть не выхватывают из рук. Американцы забавляются тем, что на верёвку с двух концов её навязывают по куску мяса

и бросают в воду. В один момент является стая альбатросов и стремительно набрасывается на мясо, выхватывая его друг у друга. Но вот двое изловчились проглотить и оказались таким образом на одной верёвке. Тогда в свою очередь они начинают тащить каждый в свою сторону, пока сильнейший не вытащит куска из желудка слабейшего.

Альбатросы не единственные наши спутники, по одному направлению с нами идут киты. Там и сям с поверхности поднимаются фонтаны и иногда около самого борта, так что слышишь фыркание. Часто целые стада по 6-7 штук в перегонку догоняют наше судно и пересекают его путь, кувыркаясь и показывая свои огромные раздвоенные хвосты. Они идут, как и мы, в Берингово море и через пролив в Ледовитый океан.

На пароходе тишина, американцы целые дни играют в карты или кости, по вечерам выпивают. Многие болеют. У Пикара морская болезнь выразилась очень тяжело. Рвота не прекращалась, а теперь его рвёт уже с кровью; даю кодеин с висмутом, по-видимому помогло.

Нанятые наши русские распределились так. Один, Василий Беляев, бывший матрос, служит нам в качестве денщика. Джеймс Сандерсон, а по-русски Тимофей, работает как матрос, а третий — Григорий Шурдук помогает Альфреду Марковичу исправлять катер, купленный Карлом Ивановичем в С.-Франциско. Так как матросов у нас на судне мало, то Тимофей и Григорий работают много. Угольные ямы уже опорожнены и их надо дополнять, поэтому оба они из носового трюма, полного углём, насыпают мешки и переносят их к ямам. Я как-то подошёл к ним, и они мне пожаловались, что им обидно, они работают целый день, а 14 человек китайцев совершенно ничего не делают. Я об этом сказал Карлу Ивановичу, тот отдал приказание китайцам идти на палубу работать. Китайцы отказались, говоря, что их всех укачало и они больны. Пошёл я осмотреть их, вижу половина действительно лежит, но другая половина совершенно здоровая, прогуливаются по каюте. В каюте страшный запах опиума. У тех, которые лежат, глаза совсем идиотские, стеклянные, очевидно накурились.

Говорю старшему китайцу: «Вот есть же здоровые, да и ты здоров, идите же работать».

«Нет, — отвечает, — я начальник, и потому не стану работать, а они не обязаны работать на судне, и будут работать, когда приедут, на суше».

Угроза, что их оставят без обеда, не подействовала. Тогда капитан обещал окатить их водой из помпы, если они не выйдут работать. После этого действительно вышло несколько человек, но как они работали! Мешок в 3-4 пуда они носили втроем, тогда как Тимофей один, как бы шутя, вскидывал такой мешок себе на плечи и легко по качающейся палубе через мешки переносил его. Смотреть было противно, как они работали. Можно ли их сравнить с теми маньчжурами, которые работают у нас в Забайкалье на постройке дороги. Вспоминаешь: высокие, стройные бронзовые фигуры полуобнаженных маньчжур и, сравнивая их с нашими уродливыми, маленькими, слабосильными китайцами, думаешь: и зачем только мы взяли с собой эту ораву никуда не годных, капризных и упрямых обезьян. Ведь и плата-то им какая! 60 долларов в месяц на готовом содержании, да ещё с условием, если умрёт которыйнибудь из них, то доставить его тело в С.-Франциско.

Видите ли, у них такой закон, чтобы китаец был похоронен в Китае. Я воображаю, как приятно и удобно будет соседство с разлагающимся трупом на нашем, и без того битком набитом, судне.

Сегодня ночью была страшная качка. Как я ни старался заснуть, ничего не выходило, то лбом ударишь в стену, то так швырнёт в сторону, что едва удержишься за край кровати. Пузырьки на полках раскачивались во все стороны, звеня на разные тона. По столу гуляли ступки, стаканы, книги. Платье со стены полетело в противоположный угол. Весь пароход трещал и дрожал. Сколько раз я вставал, зажигал электричество, чтобы убрать катавшиеся во все стороны предметы. Только уж под утро удалось заснуть. Утром та же качка, всё окутано густым пепельным туманом. Седые волны дробятся о борт, изредка прыгая на палубу. Сыро и холодно (10°С.). Полезли было в трюм, но там было небезопасно. Ящики, поставленные один на другой, беспокойно двигались и мы, вынудив несколько штук и не желая рисковать быть раздавленными, вышли на палубу. Американцы, конечно, увидев, что мы что-то вынули, сейчас же сбегались разбирать вещи по принадлежности, а сами ведь пальцем не ударят, чтобы найти что-нибудь.

Теперь вечер. Сидим у меня в каюте. Я пишу дневник, Александр Геннадьевич что-то тихо наигрывает на гитаре и напевает, Николай сидит на полу; в дверях, прислонившись к косяку, стоит Василий и оба безмолвно слушают его тихое, унылое пение, а снаружи монотонно шипит ветер и холодные волны однообразно плещут у борта.

20 июня. Алеутские острова. Меня разбудил стук в дверь и голос Александра Геннадьевича: «вставай, землю видно». Вскочивши и выругавшись при этом, я стал торопливо одеваться. И было с чего торопиться, в каюте не было 10 градусов тепла и вылезать из под тёплого одеяла не совсем было приятно.

Выйдя на мостик, я был поражён диким величием картины, открывавшейся перед нашими глазами.

Налево океан закутался густым туманом, а направо облака разошлись и яркое солнце лило потоки света. И тут прямо из воды отвесно поднимались величавые массивы гор, безжизненных, мрачных, лишь только кое-где тронутых бледно-зелёными пятнами растительности. Вершины их, покрытые снегом, ослепительно блестели на солнце, а там, дальше за ними, вершины ещё выше ушли в облака и только низы их пестреют чёрными и белыми пятнами. Это мыс Мортон.

Над нашими головами низко, низко идут облака, летят стада птиц, но на берегах ещё не видно жизни.

Оставив вправо мыс Мортон и пройдя несколько миль по прежнему направлению, мы круто завернули на запад и вошли в бухту. Тут между капитаном Джонсоном и Лемашевским возник спор, где остановиться: в Дютш Харборе или в Уналашке.

Лемашевский стоял за последнее и Карл Иванович принял его сторону; таким образом мы прошли мимо Дютш Харбор. Там стояло несколько судов, три военных американских, одно английское и два, три купеческих.

Тут есть и угольная станция. Теперь здесь грузится один пароход, вернувшийся, не дойдя до Кэп-Нома, потому что встретил массу льдов.

В Уналашке, которая отделена от Дютш Харбора только небольшим мысом, первое, что бросилось нам в глаза, — это была деревянная русская церковь, с зелёным куполом, небольшая, но очень красивая, или так мне показалось, может быть, потому что на меня сразу повеяло чем-то родным. Не дойдя нескольких десятков сажен до берега, пароход остановился и спустил на берег шлюпку. Вернувшись с берега Рейнер и Альфред Маркович указали нам подойти к пристани, и через несколько минут мы бросили сходни.

Наконец-то мы увидели твёрдую землю после десятидневной непрерывной качки. Немудрено, что первым нашим желанием было сойти на землю и мы с Геннадьичем отправились прямо к селению.

Уналашка — очень маленькое селение, десятка в три-четыре домиков. Расположены они на самом берегу залива под горами, от которых отделены речкой. Десятка два из этих домиков построены совершенно однообразно, вроде временных бараков и покрашены в один и тот же тёмно-красный цвет. На каждом из них номерок. Это жилища алеутов, которые раньше промышляли для Alaska Commercial Company, а теперь на неё работают, за что Компания даёт им жилища. Внутри домики очевидно чистенькие, везде видны кисейные занавески и цветы на окнах. Постройки эти очень легки, по-видимому просто из тоненьких досок. Надо иметь большую привычку жить зимою в такой лёгкой постройке; но к этому здесь привыкли, потому что природа здесь довольно суровая: не смотря на 20 июня горы ещё все покрыты снегом.

Почти посредине селения мы увидели школу, на которой была прибита доска с надписью rev. John Veniaminoff¹, а дальше церковь. За селением в левом углу бухты виднелось кладбище, к которому мы и направились.

По дороге мы встретили несколько мальчиков алеутов, со смуглыми лицами, с чёрными жёсткими волосами и большими продолговатыми чёрными глазами, и очень были изумлены, когда они, поравнявшись с нами, обратились к нам: «Здравствуй». Ведь, с 67 года Алеутские острова проданы Американским штатам, а всё-таки русское влияние остаётся.

По дороге к кладбищу мы увидели на лугу массу фиалок, совершенно без запаха, но крупных, тёмно-фиолетовых. На кладбище же было много всевозможных цветов; тут были и незабудки, и анютины глазки, и полевой лютик и ещё много, раньше мною не виданных. Мы с Геннадьичем, как дети, бегали по горе, собирая цветы и через несколько времени у нас было по большому букету в руках. Как приятно было размять ноги, чувствуя под собою твёрдую почву, а не качающуюся палубу, подышать чистым горным воздухом, в котором ощущался запах травы, цветов.

¹ «Его Преподобие Иван Вениаминов» — имеется ввиду Митрополит Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Попов- Вениаминов; 1797-1879), первый православный епископ Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки, святой Русской Православной церкви. — прим. OCR.

Побежавши, мы с удовольствием растянулись на зелёной траве после жёсткой и узкой паровой койки.

Кладбище помещается на горе и разделяется на православное и не православное. Православное окружено изгородью из колючей проволоки, католики и протестанты лежат вне ограды. Некоторые могилы обнесены решёткой и украшены цветами. Встречаются и мраморные небольшие памятники над похороненными здесь моряками.

Возвращаясь с кладбища, мы были встречены Григорием, сказавшим, что здешний священник болен и просит меня к нему.

Там я нашёл Карла Ивановича и Лемашевского, разговаривающих с больным.

Священник, по фамилии Рысев, старик 72 лет, высокого роста, с добрым, болезненным лицом. Всю свою жизнь он посвятил своей миссии, всю жизнь он провёл на этих суровых островах; здесь он похоронил своего сына, здесь же и сам умрёт. Какое глубокое уважение чувствуешь к этому человеку, скромному, нетребовательному носителю идеи просвещения, видя незатейливую обстановку его маленького домика, замкнутого среди полудиких людей в суровой пустынной стране, и какая глубокая пропасть лежит между ним и теми католическими и американскими миссионерами, которые живут в Корее, Китае, связывая свою миссионерскую деятельность с политической агитацией и подчас пользующихся такой роскошью, которой можно только завидовать. А здесь сама простота. Тут же его дочь — настоящая алеутка, также жена миссионера, и с ней хорошенькая дочка, девочка лет 10, с маленьким ребёнком на руках, у которой только смуглый цвет лица да чёрные большие глаза говорят, что она креолка, Все они так любовно называют его папенькой, все говорят правильно, хорошо по-русски, только у него самого по временам вырывается «yes».

Осмотрел я его и ребёнка, обещал принести лекарства и пошёл на судно. Там уже матросы ловили рыбу и очень успешно. Вытащили с десятков крупных, чуть не по аршину длиною рыб. Следовательно сегодня будем иметь за ужином свежую рыбу. Недурно, после надоевших уже консервов.

Под вечер мы с Геннадьичем и Альфредом Марковичем отправились через гору в Дютш Харбор. Там собственно ничего не было интересного. Два или три домика на берегу, лавка и склад угля; вокруг же болото. По

дороге обратно мы были удивлены тем, что вся трава вокруг была выжжена. Интересно было узнать, для чего это. Дело разъяснилось. По пути на Аляску сюда заезжают американские золотоискатели, одержимые золотой лихорадкой; им везде чудится золото, и вот среди них распространено мнение, что по дыму можно узнать, есть ли в земле золото, поэтому-то они и выжгли всю траву вокруг.

21 июня. Проснулся сегодня утром и чуть не закричал от холода. В каюте было меньше 7 градусов Реомюра. Ярко светит солнце, вода в бухте совершенно зелёного цвета, а вокруг на фоне бледно-голубого неба, как белые зубцы, блестят снежные вершины. Утром приготовил священнику лекарство и отнёс ему, научив, как принимать. Он очень благодарил меня и просил взять на память две котиковых шкурки. Шкурки были неподкрашенные, седые, мягкие как бархат. Было у меня искушение взять их, но, зная, как дорого они ценятся здесь, я отказался. Мы приценились здесь в магазине и с нас запросили по 15 долларов за штуку.

После обеда мы с Геннадьичем отправились в горы и наметили себе одну вершину, с которой должен был открыться прекрасный вид на окружающее. Но ошиблись дорогой, напрасно поднялись на одну довольно большую сопку, с которой пришлось спуститься, и сильно устали. Стало жарко, а мы были в тёплых куртках; поэтому мы долезли только до полосы снега, сажен на сто высоты и легли отдыхать. Вид и отсюда был прекрасный. Внизу, как на ладони, раскинулась Уналашка, дальше виднеется Дютш Харбор и суда в бухте, а ещё дальше море, теряющееся в туманной дали. Вокруг нас, куда ни взглянешь, снежные, причудливых форм вершины. Вон как будто кратер потухшего конусообразного вулкана, громадная воронка которого глубоко входит внутрь горы, вон совершенно белая, как сахарная голова, вершина, уходит в облака, а там тёмный обрыв соединяет море с облаками. Дико, пустынно вокруг. Тишина страшная, мёртвая, только по временам раздаётся карканье ворона, да клёкот орлов, пролетающих над нами. Я раскинул руки и неподвижно лежал, глядя вверх. Большой, белоголовый орёл, пролетая, заметил меня и, делая круги, стал спускаться. Уже когда он был близко я выхватил револьвер, послал в него пулю и промахнулся. Ещё несколько раз мы оба пробовали стрелять, но безуспешно, и пошли к берегу. По дороге набрали на водопровод, водою из которого пользуются

жители Уналашки. Довольно высоко на горе есть озеро с чудной водой и от него вниз проложены к Уналашке тонкие трубы.

Здесь мы продали бывших у нас на судне овец по 10 долларов за штуку, а сами купили целого быка по 25 цент. за фунт, т.е. по 50 копеек. Как видите, цена недурная. Здесь живёт несколько человек русских, которые и вышли нас провожать. В 6 часов вечера мы вышли из Уналашки и только что попали в открытое море, как нас начало бросать, как мячик. У меня в каюте бутылка с молоком слетела и ударилась в умывальник, разбив его вдребезги. Теперь я по милости моря без умывальника. Понемногу все начинают сваливаться; лучше лечь от греха.

22 июня. Берингово море. Качка сильная, дует холодный встречный норд-вест и мы идём не более шести узлов в час. В воде уже только 4½ градуса; очень заметно, что мы в северном море. Почти все лежат в каютах, китайцы так и не вылезают на палубу, а у них довольно-таки душно и скверно на носу. Представьте их нечистоплотность вообще, тот специфический запах, который идёт от китайца, запах опиума и следы морской болезни, и вы поймёте, что за атмосфера в их каютах. На днях Рейнер (фамилия старшего помощника капитана) заглянул было в их каюту, его немедленно стошнило. Большого труда нам стоило заставить их всех вынести на палубу койка, чтобы их хоть обдуло ветром. В это время мы успели проветрить и облить карболовой кислотой их помещение. Всё-таки стало менее противно.

Вечером по обыкновению ко мне в каюту пришёл Геннадьич и Василий. Геннадьич взял гитару и заиграл унылые народные русские мотивы.

Василий, за неимением места, сидел на пороге и слушал, подперев рукой голову. На его лице, худощавом, с острым носом, бедной белокурой растительностью и узкими воспалёнными бесцветными глазами, отражалось и жадное внимание, и в то же время видно было, что под впечатлением родных мотивов его мысль переносится на далёкую родину. А песня, жалобно журча, всё лилась, и лилась.

Он уже несколько раз тряхнул головой, зачем-то поправил картуз, моргнул красными веками, но наконец не выдержал и как-то, не то крякнувши, не то вздохнувши, сказал. — «И хорошая же это песня! Так и потянуло в Россию. Что я шатаюсь здесь даром? Вот заработаю у вас деньги и марш в Петербург».

«А давно разве ты не был у себя дома-то?»

«Дома-то я был два года тому назад, а вот в Петербурге давно не был. Хочется мне побывать там. Как кончил я свою службу, а я семь лет прослужил во флоте, поступил я на службу к графине Г. лакеем. И служил я это у ней целый год. Оно было место ничего, хорошее, да у самой графини характер больно глупый, то она зря бранится, то зря хвалит. Бросил, значит, я это место и уехал к себе домой. Там поступил на службу сторожем на границе Вятской губернии и пробыл целых три года. Наскучило, и думаю я себе: зачем я сижу здесь, надо и свет посмотреть, да и жалованья больше получать. Отправился я, понимаете-ли вы, на пароходе в Царицын, и хорошее место нашёл, буфетчиком в гостиницу. Это дело мне знакомое, я последние-то три года в море тоже при буфете был. Жалованье мне дали хорошее, да и доходишко тоже был. Не усидел и тут. Через 4 месяца отправился в Астрахань и поступил на пароход помощником буфетчика. И тут бы, конечно, хорошо было, да поссорился с буфетчицей, а она была любовницей капитана, ну, мне и выдали расчёт. Хорошо, что машинист дал рекомендацию и поступил я снова в Астрахани официантом на шхуну в Каспийское море. Тут тоже можно было бы служить, да как-то не ужился и уехал в Узун-Ада. Куда, думаю теперь деться? Однако нашёл место и поступил стрелочником на железную дорогу на 14 рублей. В скором времени начальник участка взял меня к себе в лакеи и прибавил от себя ещё 5 рублей. Из Узун-Ада я и начал переезжать по всей линии Закаспийской дороги, она тогда строилась. Служил и в Самарканде, и в Маргелане, и в Коканде. Прошло без малого три года, постройка кончалась, и уехал я к себе домой в Костромскую губернию.

Дома, понимаете ли вы, как-то не жилось: и дела подходящего нет, да и привык шататься. И вот зимой перед Рождеством собрался я в Нижний. Нашёл попутчика за два с полтиной и поехали. Приехал, конечно, давай искать места. А места нет. Вот, говорят, есть место в духовной семинарии. Пошёл, спрашиваю. Есть, говорят, место сторожа, пять рублей в месяц жалованья. Хочешь, говорят, так приходи через две недели, возьмём. Стал я это думать: что-же, ведь это обидно, служил на пароходах, в гостинице, зарабатывал до 60 рублей, а тут на пять рублей, да ещё ждать две недели. Нет, располагаю, не стоит. Так и не пошёл. Стал дальше расспрашивать. Говорят, в село Богородское на кожевенный завод требуется народу. Пошёл пешком, тут всего вёрст сорок. Пришёл, спрашиваю работы. Нет, говорят, не надо. Куда деваться? Пошёл опять в Нижний. И познакомился я тут с одним человеком, тоже без работы

сидит, гроша денег нет. Поговорили с ним, подумали и решили, пока зима, идти в Астрахань, чтобы к весне туда поспеть. Собрались и пошли берегом. Дошли это мы до Лыскова, тут что-то у нас расстроилось и пошёл я один, пошёл на Княгинин, на Пензу. А в Пензе раздумал идти в Астрахань, дай, думаю, пойду на Дон. Расспросил, конечно, дорогу и пошёл. Шёл я это 800 вёрст, через Усть-Медведевскую станицу, Новочеркасск, пришёл в Ростов. Нет работы. Что-же, говорю себе, шёл далеко, не ворочаться-же, лучше дальше идти. Пошёл в Таганрог, Мариуполь, Керчь — нигде работы нет.. Ну, думаю, поеду в Одессу. Пошёл на пристань, нашёл пароход, который идёт в Николаев. Иду к помощнику капитана: «Ваше, говорю, благородие, довезите за работу до Николаева». «Ладно, говорит, садись». Дошёл до Николаева, там помощник мне дал рекомендацию на другой пароход до Одессы. В Одессе опять никакого дела. Поработал я недалеко от Одессы, около Очакова на постройке дома и прослышал, что нужен народ во Владивосток на постройку китайской железной дороги. Вернулся в Одессу и сговорился на Добровольном Флоте за работу доехать до Владивостока. Я за проезд, понимаете ли вы, нигде не плачу, и зачем я буду платить, ежели я работать могу. Доехал я это до Владивостока и прослужил на железной дороге довольно долго старшим рабочим, да сбили меня люди: «идём, говорят, золота искать, его, слышь, здесь много». — Думал я, думал и захотелось мне сразу разбогатеть. Бросил службу, пошли втроём. Три недели бродили мы по лесам, один раз китайцы чуть не перебили, отощали, измучились, а золота и знаков не нашли. Ну, говорю я товарищам, бродим мы, бродим, и всё без толку. Коли хотите ещё искать, я вам не товарищ, а поеду я в Нагасаки. И захотелось мне уехать в Америку, говорят, там можно много денег заработать. Ездил я много, отчего, располагаю, и тут не попытать счастья. Доехал, конечно, за работу до Нагасаки и остановился в номерах у одной еврейки. Разговорились. Узнала она, что хочу я ехать в Америку, и говорит мне: «Будь проклята, говорит, эта Америка, я там четыре тысячи рублей потеряла. И ты, говорит, не езди». А мне что терять, думаю я, коли у меня ничего нет. Ну, конечно, пришёл на пароход, прошу взять за работу до С.-Франциско. Нет, говорят, нельзя. Как же быть тут? Коли мол так, я и зайцем проеду. Так и сделал. Пришёл на пароход часа за два до отхода. А когда стали отходить, залез в ватерклозет и просидел там, пока не отошли.

Выхожу, а помощник, у которого я просился, навстречу. «Ты, говорит, как сюда попал? Ведь я говорил тебе, что нельзя!» — «Делайте, говорю я ему, что хотите». — «Ну, ступай, говорит, чёрт тебя дери, за это работать в угольную яму». Был у нас на пароходе ещё один заяц — американец, так того заставили паруса чинить. Записали это нас, значит, матросами на 20 рублей в месяц. А пришли мы в С.-Франциско, велели расписаться в получении. Что сделаешь? расписаться-то расписались, а денег, конечно, не получили, надо быть капитан получил за нас. В С.-Франциско иду я к консулу. Вот мол, я, конечно, приехал, Ваше Превосходительство, сюда работать, так не оставьте советом. «Да ты, говорит, не знаешь говорить по-здешнему, а здесь без языка то плохо. Поезжай-ка ты обратно, вот тебе мой совет». И капитан того парохода, на котором я пришёл, тут же. «Согласен, говорит, взять его на обратный рейс». Ещё бы не согласен, думаю, я работаю, а ты за меня жалованье получаешь. И согласился я было, да потом и думаю: Зачем же я приехал-то в Америку. Нет уж, коли приехал, так посмотрю, как здесь люди живут, не пропаду, чай, с голоду. Так больше к консулу и не пошёл. Нашёл я русских, здесь их много в С.-Франциско. Начали меня угощать, в театр повели. А я им говорю: денег-то братцы, у меня ведь нет. Ну, больше и не водили меня в театр, оставили. И начал я бродить по городу, работы искать. Что было денег, все истратил. Нет, думаю себе, пойду-ка я в деревню. Ходил долго, всё спрашивал, нет-ли русских, наконец нашёл. Оказались евреи. «Вот, говорю, ищу работы, да языка здешнего не знаю». «Трудно, говорят, здесь без языка-то, да мы тебя не оставим, поможем. Работай у нас». Стал я у них работать. Проработал недели три, кормят, а о жаловании ничего не говорят. Что же, думаю, служить без жалованья то, да и надоело. Попросил расчет. Дали мне за три недели полтора доллара. Не много же вы даёте, а что сделаешь. Взял полтора доллара и пошёл куда глаза глядят. Иду по дороге, спрашиваю: Work have You, значит нет ли работы. «No work». Наконец, в одном месте на минах (он произносит уже по английски «майнах*») говорят: yes, we have. Почём, спрашиваю, в день. Два с половиной доллара. Хорошо, говорю, согласен. С обеда же и начал работу. Поставили меня в такое место, что согнувшись пополам и то негде повернуться, и дали тачку. Ну, и работа же! Спина трещит, согнувшись поработать, в голове точно в кузнице молотами бьют, воздуху нет. Однако проработал до вечера. Very good man, говорят. На другой день дали работу полегче. И проработал я это больше месяца. Надоело, не

могу, значит, на одном месте сидеть долго. Побродяжу, думаю, ещё. Попросил расчета. Взял и пошёл. Конечно, первым делом в трактир, saloon по-ихнему; ну, там стаканчик другой виски, потом пива, смотришь, дня через три денег-то уж ни гроша. Опять работать надо. Пошёл искать, и нашёл по два доллара с четвертью. И то ладно, думаю, а идти-то туда миль сорок. Ну, хорошо, попался попутчик, какой-то американец, покормил меня, выпили, и у него тоже все деньги вышли. Пришли на работу, водопровод для приисков надо делать, земляная работа, конечно. Ну, ничего, проработал месяц; опять надоело. Отправился в С.-Франциско, побродил там, работы всё нет. А тут вдруг слышу, что в экспедицию в Сибирь люди нужны. Слава Богу, думаю, и Америка уже надоела, народ-то ведь здесь ни во что не верит, чорту молится, да и есть нечего. Вот и поступил к вам».

Сидим мы молча и слушаем одиссею нашего Василья. И думаю я, в другое время, при других условиях из него вышел бы, пожалуй, или Ермак или Семён Дежнёв. Ведь такой же страстью к путешествиям отличались и наши предки: ушкуйники и запорожцы, такие же любители приключений, с Ермаком завоевали Сибирь. Но время прошло и нет уже места для подвигов. И сам я разве не потому мотаюсь по белу свету? Разве не то же желание видеть всё новое и новое руководит мною?

А за дверью каюты свистит и воет ветер; холодные брызги дождя стучат в окно и мелкой пылью летят по палубе. Качает; пароход скрипит и стонет. Кругом туман; холодно и неприветливо встречает нас Берингово море.

24 июня. Вчера море с утра побаловало нас прекрасной погодой. Проснулся я рано и почувствовал, что качки никакой нет. Отворил дверь каюты и просто замер: море бледноглубое с сероватым оттенком было гладко, как зеркало. По голубому небу высоко, высоко плыли редкие прозрачные облака, светило солнце и на горизонте ярко освещённые им блестели вершины острова Св. Матвея. Тишина полная, воздух чистый, свежий. Даже как будто тепло, хотя в тени всего 8°R. Все стали веселее, бодрее; слышатся шутки, смех. Но недолго это продолжалось. Вечером с северо-запада полез туман, подул холодный ветер и поднялась качка. Лежали мы опять на мостике, на своём излюбленном месте, и незаметно провели время до 11 часов. Так было светло, что можно было читать совершенно свободно. Геннадьич велел себе принести спальный мешок на мостик и улёгся там. Холод и сырость страшная. Уговаривал его идти

в каюту, не хочет, только уже после полуночи удалось сманить его вниз, соблазнивши тем, что в буфете есть ананасы.

25 июня. Густой молочный туман, сыро, холодно, в воде только $4/9^{\circ}$ R. Шли тихим ходом, то и дело давая свистки. Вдруг перед обедом мы услышали как будто эхо от нашего свистка. Что это значит? Неужели берег близко? Опасно идти дальше, так как в 10 саженях ничего не видно, можно и на берег наскочить. Бросили якорь и спустили на воду шлюпку. Сел на неё Рейнер с матросами, присоединился и Геннадьич. Все были так уверены, что берег близко, что не взяли ни пресной воды, ни хлеба. Взяв курс на север, шлюпка отвалила и тотчас-же скрылась в тумане. Американцы засели за карты, а я ушёл к себе в каюту и сел писать дневник под жалобный вой сирены. Иногда просто за душу схватывает этот пронзительный отчаянный вой.

Через несколько часов шлюпка вернулась. Уходили они далеко, даже и сирену уже не стало слышно, а берега не нашли, встретили мелкий плавучий лёд и вернулись, боясь сбиться с курса.

Ночь совершенно белая, да это даже и не ночь, а так только, как будто пасмурнее стало ненадолго. Мы сидим в каюте Геннадьича и потягиваем вино, под предлогом, что празднуем прибытие в русские воды.

Так как туман не рассеялся, а капитану по-видимому хочется поиграть в карты, то мы ночуем на якоре.

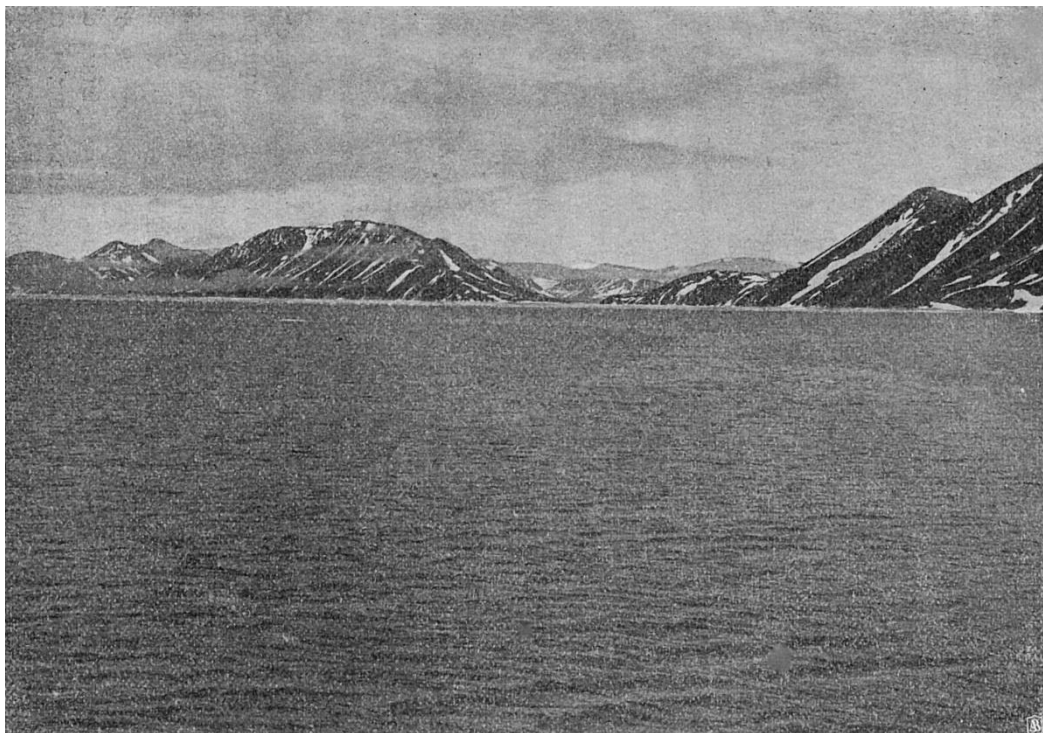
ГЛАВА IV

По берегам Чукотского полуострова

Бухта Провидения — Мы находим подозрительный пароход <Progress> — Встреча с чукчами — Кладбище — Чукотское селение — Юрты — Мы переходим к мысу Чаплина — Селение Уныын — Одежда чукчей — Охота у чукчей — Беспорядки на судне — Спиритическая подкладка экспедиции — Наш капитан — У мыса Новосильцева — Неожиданная встреча с золотоискателями — Мягков остаётся на берегу у устья р. Марич — Мы идём на Аляску.

26 июня. Бухта Провидения. Утром туман стал как будто ещё гуще. По пароходу разнёсся слух, что капитан спустит наш большой вельбот и сам отправится в туманную даль искать обетованную землю. Мне совсем стыдно стало, наверное, покраснел даже. Ведь я его всегда считал

человеком весьма способным... просидеть целые сутки за карточным столом, и вдруг оказывается, что это не единственное его достоинство. Смотрю, спускают вельбот, оснастили. Ну, думаю, сейчас поедут: смотрю дальше, мачты снова вынимают, кладут. В бот спускается младший помощник и два матроса; сейчас, верно, и сам капитан пожалует. Вдруг чувствую, что наш пароход тронулся. Что за история? Смотрю, а на мостике стоит капитан, окружённый целой ватагой американцев, пошёл и я наверх. Капитан даёт один за другим свистки сиреной, и мы слышим эхо, раздающееся непосредственно вслед за свистком. «Берег близко», говорит капитан. «Совершенно верно, по карте так выходит, отвечаю я, но мне кажется, эхо здесь ни при чём». Тут поднялся страшный спор. Все американцы настаивают, что это эхо идёт от берега, от гор.

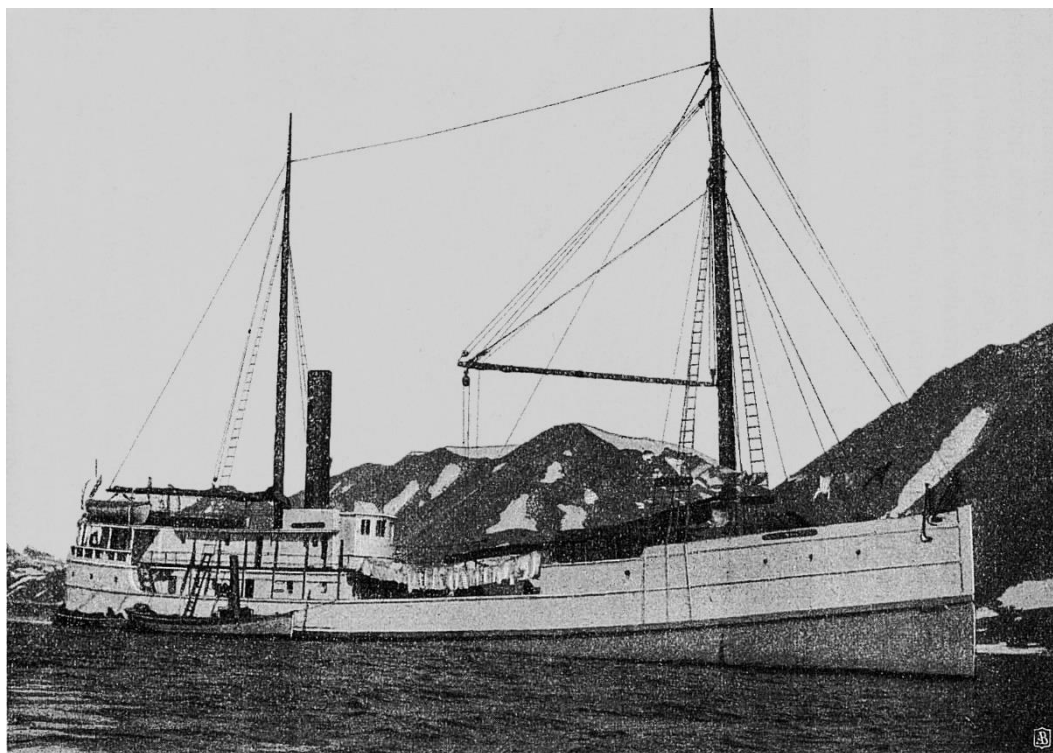

Вид берегов в бухте Провидения.

Я же утверждаю, что это эхо идёт от облаков тумана, окружающих нас. Привожу им скорость распространения звука и говорю, что если эхо раздаётся непосредственно после основного звука, то отражающая поверхность должна быть очень близко. «Ну, да ведь это в науке, отвечают мне, а в жизни бывает иначе, вот капитан говорит, что эхо от берега, значит, это так и есть.» Так мы и не сошлись во мнениях. Часа два спустя показали льды, а за ними в тумане на горизонте какие-то полосы, которые через несколько времени оказались горами. Американцы были в

восторге и кричали: «практика взяла вверх над наукой», и совершенно упустили из виду, что ночью мы стояли милях в двадцати от берега.

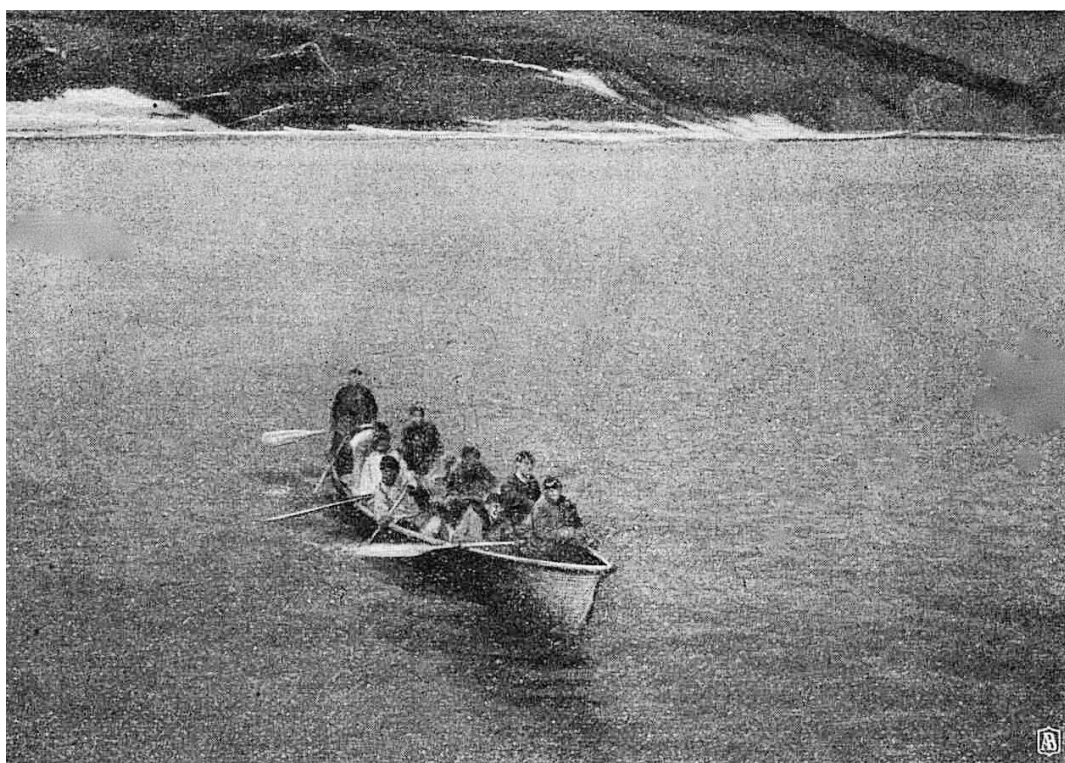
Чем ближе мы подходили к берегу, тем яснее становились чёрные массивы огромных голых гор, покрытых белыми пятнами снега. Эти мрачные, суровые горы, туман, серое море, покрытое плавающим льдом, пронизывающая сырость и холод производят какое то особенное, подавляющее впечатление. Кажется, что мы попали в какой-то новый, сказочный мир.

«Самоа» в бухте Plover.

Пароход, пройдя немного на запад, повернул прямо на север и мыплыли уже в самой бухте, медленно пробираясь между льдинами. Все столпились на мостике и в бинокль рассматривают обетованную землю, на носу стоит помощник капитана и командует движением судна. По временам чувствуется слабый толчок, треск льда. Вот вдали в глубине будто чуть заметно поднялся дымок. Что это? Жильё или пароход «Якут», который должен придти сюда и привести нам рабочих. Смотрят с напряжённым вниманием и каждый говорит, что видит. Иному кажется два парохода, другим даже три. Вот ниже дыма показалась чёрная полоска над водой и на ней какие-то тёмные пятна. Решают, что это юрты чукчей.

Как медленно идёт пароход, так и хотелось бы дать полный ход, чтобы скорее узнать действительность.

Чукотская байдара.

Вот уже ясно видно, что за низкой косой, на которой расположилось несколько юрт, стоит один пароход, а от берега к нам плывёт лавируя между льдинами шлюпка. Сомнения нет, это «Якут» и он выслал нам навстречу шлюпку.

Вот уже и шлюпка близко и мы различаем на ней какие-то тёмные фигуры в странных костюмах. Это не шлюпка, а чукотский каяк и в нём чукчи. Вот мы поравнялись с ними, кричим им. В ответ слышатся радостные крики и смех. Они приближаются и гребут рядом с пароходом. В лодке несколько мужчин и две женщины, все с непокрытыми головами, в меховых рубахах, поверх которых накинута какие-то широкие мешки из пузыря. У женщин на спинах какие то горбы, которые оказались ребятами, и матери, несмотря на холод и льды кругом, вытаскивают их по временам, чтобы покормить грудью. У всех лица довольно смуглые и очень грязные, что даже с парохода видно. Мы уже проходим мимо кошки, за которой находится маленькая бухта Plover, и идём к стоящему там судну. Что это за судно? На корме развевается русский флаг, но не военный, а трёхцветный, надпись ещё трудно разобрать, но вот

уже видно и её. Судно называется «Progress». Странно! Русский флаг на корме и иностранное название.

Мы бросили якорь. Через несколько минут от Progress²² отошёл паровой катер и пришёл к нам.

Из него вышли трое. Один пожилой господин, с умным энергичным лицом, инженер Шоклей, как он отрекомендовался, другой Вандерлиб, молодой здоровый, краснощёкий человек, и наконец, третий, высокий, сухощавый норвежец — командир судна. Они прежде всего спросили капитана, поздоровались с ним и затем Шоклей ушёл к Робертсу, передать ему какие-то бумаги. Затем Богданович пригласил их в свою каюту на

Молодой чукча

чашку чая. Из разговоров выяснилось, что это странное судно пришло сюда тоже искать золото. Они сказали, что судно принадлежит владивостокскому купцу Юлию Бриннер, а Шоклей — начальник экспедиции, что они доходили до мыса Дежнёва, кое-где на берегах искали золото, но не нашли и теперь возвращаются обратно. Посидев несколько минут, они уехали, но катер вернулся, привезя к нам ещё какого-то господина в форменной фуражке с кокардой. Оказалось, что это отводчик, взятый на «Progress», чтобы сделать некоторые отводы в Гижиге. Он жаловался, что Шоклей возит его насильно на судне, а ему нужно вернуться во Владивосток. Слу-

шали мы всё это, но как-то всё было странно: и это иностранное судно под русским флагом, вышедшее из Владивостока, якобы не зная, что получена уже г. В-м концессия по всему Чукотскому полуострову, эта иностранная администрация экспедиции русского купца, знакомство Шоклея с Робертсом, и этот чиновник, насильно возимый по Берингову морю. Мало чувствовалось доверия к их словам.

Под утро «Progress» ушёл, по словам Шоклея, во Владивосток.

Мы в этот день впервые ступили на нашу землю. На берег мы вышли вместе с американцами, но потом с Мягковым ушли от них берегом моря.

Вокруг ни кустика, не только что деревья, под ногами или голая галька или мох и тощая грязно-зеленая травка с мелкими цветочками без запаха, над головою туман. И горы, и покрытое льдами море теряются в этом тумане. Холодный ветер несёт в лицо мелкую водяную пыль и пронизывает до костей. Дико, сурово и неприветливо вокруг. Резкие крики гусей, чаек, да треск ломающегося льда — вот звуки, оживляющие эту мёртвую природу.

Сильный порыв ветра прорвал туманное покрывало и перед нашими глазами выросли гигантские, чёрные, лишённые растительности горы, покрытые лишь пятнами снега. Вершины их, как будто висели над головой, готовые рушиться и раздавить нас.

Мы пошли к горам и стали карабкаться по острым каменным обломкам. Под ногами внутри горы что-то глухо ворчало и гудело. Становилось жутко при этом подземном шуме среди мёртвой природы.

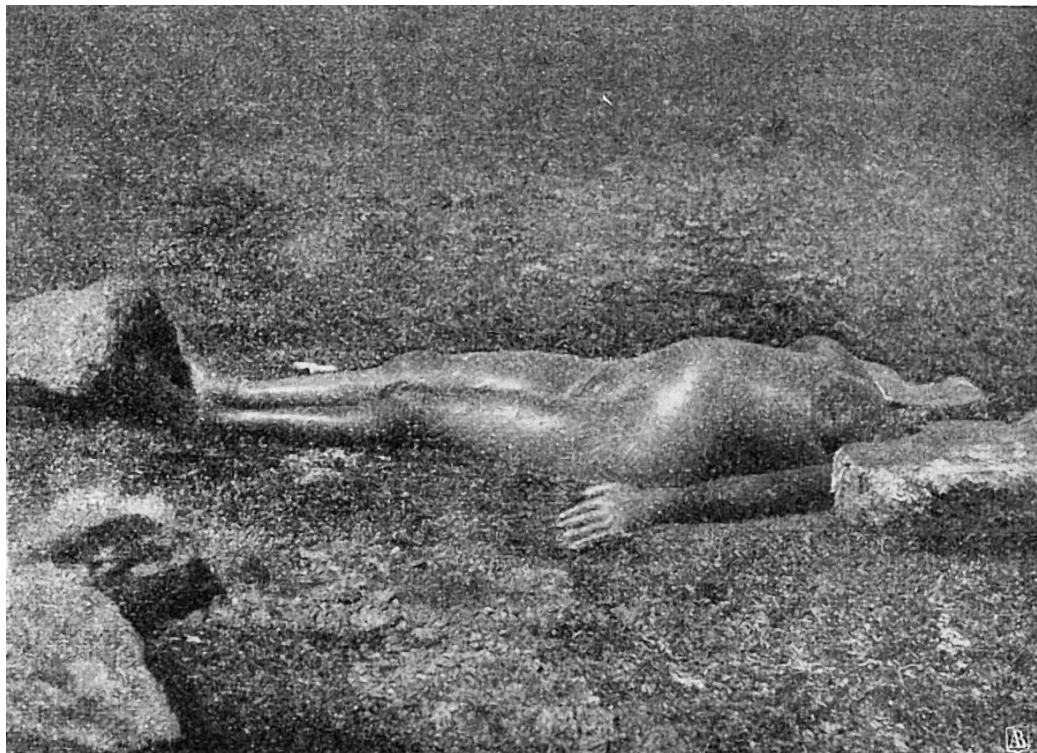
Это шумели ключи, бегущие с гор под камнями. Мы разошлись друг от друга.

Вдруг слышу, Мягков кричит:

— Иди сюда, скорее!

Я побежал к нему и увидел, что он стоит и показывает между камней человеческий череп. Оказывается, мы попали на кладбище. Вокруг нас там и сям виднелись разбросанные по камням человеческие кости. Чукчи очень чтят память своих покойников, но хоронят их весьма оригинально. После смерти покойник остаётся четыре дня дома, причём никто из посторонних не может входить в юрту, где он находится. По истечение этого срока, покойника торжественно кладут в санки и несут на руках, если это случается летом, а зимой везут на собаках, в горы, где у них всегда находятся кладбища. Там покойника совершенно нагого кладут на камни и вокруг него выкладывают овал из камней. Рядом с телом кладут трубку, ножик, ложку, наконечник от стрелы, оселок, а у женщин ещё напёрсток и гребень. В ногах кладут палки от носилок или от саней. Сани разбивают, а одежду покойника и ремни режут на куски и прикрывают камнем. Так и остаются трупы тлеть на открытом воз-

духе. Надо думать, что собаки, вообще плохо питающихся здесь, не брезгают покойниками, так как костями засыпана вся гора сверху до низу, и при этом нет ни одного цельного скелета. По множеству костей можно предположить, что это кладбище очень древнее, и что селение, находящееся внизу было прежде гораздо больше.

Способ погребения у чукчей.

28 июня. Сегодня утром решили отправиться в экскурсию на поиски золота. Я присоединился к компании наших золотоискателей. Вышли мы на катере, а сзади на буксире привязали шлюпку. В бухте встретили массу льда, который сюда загнало южным ветром. Наш маленький катер ловко лавировал между льдинами, временами только уменьшая ход. Туман рассеялся и льды заблестели на солнце. На пути мы спугивали целые стада птиц, которые, сделав круг над нашей головой, тотчас же опускались снова на воду.

Через полтора часа мы подошли к устью Оленной реки. Она впадает в море в самом начале Бухты Провидения, с западного её берега. Пристать к берегу было трудно. Сильный прибой прижал к берегу массу льда, который движется и ломается. Дно усеяно камнями. Поискавши спокойного тихого места и не найдя его, мы решили поставить катер на якорь, а сами пристать к берегу на шлюпке. Но и то было не легко. В лёд попасть опасно; можно раздавить шлюпку, да и самим не выбраться; на

камнях при прибое тоже не совсем удобно, дно пробить можно. Выбрали место, где камни были поменьше, повернули шлюпку носом к берегу, и подбрасываемые волнами выкинулись на берег.

Шлюпка только крикнула, сзади налетела волна и, прежде, чем мы успели выскочить на землю, нас окатило с ног до головы. В кармане у меня лежали сигары, спички, всё это размокло. Пока выгружались прочие, я, схватив ружьё, побежал на охоту. Птицы было очень много. Целые тучи уток и чаек носились над широкой лагуной, отделённой от моря косой, и покрывали песчаные острова на ней. Но они были очень осторожны и, издав далеко заметив меня, поднимались с резкими криками и перелетали дальше. С трудом мне удалось убить несколько штук.

С каким удовольствием я бродил по широкой долине Оленней реки. Река течёт параллельно бухте Провидения на юг по долине, защищённой с двух сторон высокими горными хребтами, разбиваясь на несколько рукавов. Наши золотоискатели, переходя с места на место, пробовали пески, и нашли знаки золота. Все обрадовались. Ведь сегодня первый раз стали искать и сейчас же нашли. Было уже поздно, и голод давал-таки себя знать, пора была возвращаться. Опять пришлось бороться с бурунами; отходить от берега гораздо труднее, чем приставать, опять нас обливает холодной волной, но, сделав несколько усилий, мы выбились из бурунов и пересели в катер. Там Альфред Маркович уже сварил на котле нам чаю и мы, закусывая и болтая, дошли до парохода. Хотел было лечь спать, но вышел на палубу. Смотрю, Карл Иванович стоит с ружьём и ждёт тюленя. Остановился и я. Подождали несколько минут. Тюлень выставил из воды голову. Карл Иванович выстрелил, на звук выбежал Мягков, и мы, схватив багор, бросились в нашу душегубку. Такая у нас имеется, в ней можно сидеть только вдвоём и она течёт. Плавали вокруг судна, но тюлень не показывался. Это нас мало огорчило, так приятно было прокатиться по гладкой воде бухты при бледных сумерках, заменяющих ночь. А тюленей здесь много; то и дело высовывают они из воды свои круглые головы и с любопытством осматривают пароход. Вчера Пикар уже убил одного.

29 июня. С самого утра погода прекрасная. Туман поднялся, сгустился в облака и лёгким белым поясом опоясал тёмные горы. Полосы снега в горах заблестели на солнце. Изумрудная, гладкая поверхность бухты пестреет белыми пятнами льда. А сверху, с огромного бледно-голубого купола неба, солнце приветливо льёт свои лучи, как бы желая

вознаградить землю за те скучные, томительные дни, когда оно пряталось в холодный туманный покров. К борту подошли две чукотские лодки. Чукчи, узнав, что я врач, приехали просить лекарств. Я посмотрел их и, к сожалению, не нашёл ни одного здорового. У большинства болели глаза, все без исключения кашляли, у многих — какие-то лишай, струпья на коже, покрытой слоем жира и грязи. Удовлетворив их, насколько было возможно, я отпустил их домой, сказав, что после обеда приеду к ним и ещё посмотрю их.

Пообедав, я взял фотографический аппарат и съехал на берег.

На берегу валялись кучи китовых костей, очевидно китов здесь много.

Чукчи у юрты.

Я обошёл все юрты, осматривая и фотографируя чукчей. Юрт здесь было всего три и ещё палатка на берегу. Трудно передать то впечатление, которое произвёл на меня осмотр жилищ чукчей и их самих.

Юрты строятся так: разравнивается место в форме круга и обносится рядом камней; в землю врываются китовые кости, за неимением леса, что и составляет остов юрты. Для этой же цели идут всевозможные обломки дерева. Остов сверху покрывается моржовыми и лахтачьими шкурами, крепко связанными ремнями. Таким образом, получается круглый шатёр, с вершиной обыкновенно немного эксцентрично расположенной. Чтобы сильные ветры не сорвали покрышки, по бокам на ремнях подвешиваются тяжёлые камни, крепко натягивающие крышу.

Внутренность юрты разделяется на два отделения: спальня и общее помещение. Спальни помещаются у стороны, противоположной двери, и представляют собою ящики, вышиною вершка два, шириною в сажень и такую же длиною. Ящик этот сделан из шкур и накрыт ими в несколько рядов, пол устлан также оленьими шкурами и вход завешан пологом из шкур. Такой же ящик представляет собою спальню для целой семьи; если же в юрте живёт несколько семей, то для них имеется несколько таких спален.

Чукчи у юрты.

В переднем же отделении, иногда очень свободном, помещается имущество хозяев: шкуры, мясо, ружья и другие охотничьи принадлежности. Здесь же на полу, посередине находится очаг, на котором они готовят себе пищу, тут же в очень ненастные зимние ночи они держат своих ездовых собак. Подойдя только к юрте, вы поражаетесь неприятным тяжёлым запахом. Вокруг юрт валяются полуобглоданные кости, обрывки шкур и всякие отбросы, тут же можете встретить и дохлую собаку. Но при входе в юрту этот запах становится гуще, тяжелее, и вы с трудом можете пробыть в ней несколько минут. Это ещё всё ничего, но надо набраться как можно больше храбрости, чтобы поднять полог спальни и просунуть туда голову. Там вас встречают такие запахи, что и крепкого человека начинает тотчас же мутить. По своей силе и остроте ощущения это может только сравняться с диссекционным залом анатоми-

ческого театра в самый разгар работы. Спальни освещаются и согреваются тюленьим жиром, который наливается в маленькую чашку и неугасимо горит, распространяя невозможный чад и копоть. Чукчи спят здесь совершенно нагие, вповалку, вместе и мужчины и женщины, и взрослые, и дети, и иногда, говорят, приглашают к себе любимую собаку. Можете себе представить, какая атмосфера получается в спальне; просто надо удивляться, как они могут жить и не задохнуться.

При моём входе в одну юрту, мне сейчас же указали на одну женщину. Она совершенно нагая вылезла из за полога. Её голова была покрыта струпьями; воспалённые, гноящиеся веки с трудом поднимались, распухшие запекшиеся губы показывали белые дёсны, сухие жёсткие волосы на голове перепутались и образовали что-то в роде кошмы. Железы на шее распухли, из груди вместе с сиплыми звуками голоса вырывались свистящие хрипы. Жёлтая, сморщенная кожа была покрыта слоем жира и грязи. Это было что-то ужасное! Она просила меня помочь ей. Я обещал, успокоил, как умел, но что я мог тут сделать? Наш пароход уйдёт сегодня ночью, а лечить эту женщину нужно целые месяцы, потому что у ней найдётся целый десяток болезней.

В другой юрте я нашёл больную женщину, подобную первой и ещё больного ребёнка нескольких месяцев; когда его повернули лицом ко мне, я, человек привычный, невольно отвернулся. Маленькое, красное, сморщенное лицо ребёнка представляло один сплошной струп.

И немудрено: одет он в грязные шкуры, его носят на спине, под одеждой, такой же грязной, сосёт он грязную грудь своей матери, мытья не знает. А вот молодая девушка, она была бы, пожалуй, не дурна, но за ушами и на шее у неё гноящаяся короста.

Видеть этих несчастных, сознавать, что я мог бы им помочь, но никак ни при том образе жизни, какой они ведут, сознавать, что мои сведения не применимы, сознавать полное своё бессилие в данном случае, было больше, чем тяжело.

Я отправился назад на судно. По дороге мне встретилось несколько чукчей. Разговаривая со мной, они улыбались. Они ещё могут смеяться в таком положении. Жить среди голых гор, камней, не видя ни листочка, ни деревца, даже летом, во льдах, под холодным ветром в постоянной сырости.

Питаться тюленьим мясом, жиром,дохлым китом, который выбросит им море, спать в вонючих шкурах в грязи дымной юрты. Что это за

жизнь? А ведь живут, шутят, смеются. Вот до чего может дойти нетребовательность! Вечером на судне у нас было много разговоров, американцы всем недовольны, и открыто это выражают. Сегодня Робертс не пустил на работу китайцев, говоря, что здесь золота нет и работать не стоит, и что китайцы наняты для ручной, а не для земляной работы. Что же это значит? Разве поиски золота не связаны с земляной работой.

Чукотские женщины.

«Якута» всё ещё нет, и Робертс уже говорит: «Якут» для меня совершенно не нужен, пусть он нас ищет, а я не намерен его ждать». Вообще отношения стали плохими. Вечером вернулся с Оленной речки Мягков и сказал, что золото встречается в каждой чашке.

30 июня. Мы стоим у мыса Чаплина в виду селения Уныын означенного на картах Indian Point. Погода прекрасная, тепло, тихо. Американцы наши всей компанией, захватив китайцев, отправились на берег, с гордостью заявив: «Вот это настоящий Кэп Ном, вот где надо искать золото. Через полчаса отправились и мы за ними.

Выйдя на берег, на котором ещё лежал снег, мы пошли через село. Селение Indian Point расположено на плоской узкой косе, мысом выдвинувшейся в море; это самое большое селение на Чукотском полуострове, из всех тех, которые мы потом видели. Число жителей около 300. Юрты

здесь гораздо больше и лучше, чем в бухте Провидения; некоторые поверх шкур крыты ещё парусиной. Даже есть три деревянных домика, сколоченные из толстых досок с окнами, в которых имеются рамы и стёкла. Это — магазины, построенные американцами; в них лежат вместе с мехами и другими чукотскими товарами также и американские. Очевидно, американцы посещают их часто.

Чукчи у юрты.

Ещё на берегу мы видели несколько десятков больших вельботов, у них же выменянных. Нас сейчас же окружила целая толпа чукчей и мы в сопровождении её пошли через село. Чукчи здесь здоровее и чище, чем в бухте Провидения. Из женщин встречаются некоторые довольно недурные; они несколько не боязливо и очень доверчиво, приветливо, но с чувством собственного достоинства разговаривают с нами. Большинство из них понимают по-английски, а некоторые и говорят. Чукчи — хорошо сложенные, среднего роста люди (средний рост мужчины приблизительно 2 арш. 5½ и 6 вершков, женщины 2 арш. 3 и 4 вершка), широкоплечие, сильные и выносливые, кожа лица и тела смуглая, лицо округлое или овальное, скулы не выдаются, глаза карие или чёрные поставлены прямо. Растительность на лице совершенно отсутствует или, если встречается, очень редкая. Волосы на голове чёрные, прямые и очень густые. Мужчины стригутся в кружок и затем выстригают или выбривают темя, оставляя таким образом вокруг головы венчик волос

в вершок ширины. Женщины носят две косы. Они все татуируют себе лицо таким образом: по лбу идут две синие полосы вертикально и спускаются по краям спинки носа, затем на подбородке идут две или три дугообразные линии выпуклостью кверху или три вертикальные полосы; на щеках тоже встречаются такие дугообразные полосы. Кроме лица женщины татуируют плечи и грудь.

Вид селения Уныин на мысе Чаплина.

Мужчин татуированных не видно. Одежда чукчей вся состоит из шкур. Мужчины носят широкие рубашки из оленьих шкур мехом внутрь или наружу, с широким открытым воротом, отороченным собачьим мехом, подпоясанные ремнём, на котором висит нож в кожаных ножнах. Штаны носят они узкие, или из тюленьей шкуры мехом наружу или из оленьей мехом внутрь, и сапоги или из оленьих ножек, так называемых камасов, или из выделанной и продымлённой тюленьей кожи с подошвой из лахтака. Эти последние совершенно непроницаемы для воды и очень легки.

Зимою поверх этого они надевают другую меховую рубашку (кухлянку) и на голову небольшой малахай.

Одежда женщины состоит также из широкой рубашки, соединённой под одно с широкими штанами (вроде костюма клоуна) и небольших сапог из разноцветных шкурок.

На руках носят варежки и перчатки, иногда в четыре пальца.

У более состоятельных подола кухлянки, сапоги, рукавицы и шапки украшены причудливым узором из маленьких разноцветных кусочков шкурок, что напоминает вышивку и бывает очень красиво, или вышиты разноцветными нитками.

Женщины носят бусы и очень любят всякие украшения.

Встречаются иногда кухлянки, сшитые из выделанных птичьих шкурок, преимущественно уток, пером наружу, что тоже очень оригинально и красиво, или выделанных ошипанных шкурок, похожих на тонкую очень мягкую лайку.

Магазин в селении Уныын.

В сырую погоду поверх мехового костюма они надевают широкие рубашки из пузыря, которые хотя и промокают, но не пропускают через себя воду, или, наконец, рубахи из парусины, доставляемой им американцами.

Костюм детей тот же, что и взрослых. В отношении гигиены такой костюм представляется безусловно неудовлетворительным. Правда, он тёпел и приспособлен для сурового климата, но так как чукчи надевают шкуры прямо на голое тело и, раз надев его, носят до тех пор, пока он не износится совершенно, а он благодаря своей прочности носится долго, то, конечно, он пропитывается потом, салом, загрязняется и является причиной различных кожных болезней. Пройдя по селу, сплошь усеянному костями и всякой всячиной, даже изломанными ружьями системы

Винчестера, мы вышли на берег, где американцы пробовали золото. Но золота они не нашли даже знака, и несколько смущённые потихоньку направлялись на пароход. По дороге зашли в магазин, где Уайт уже успел купить шкуру белого медведя и несколько шкур лисиц. Вообще, наши американцы оказались хорошими покупателями и, пока мы, русские, ходили рассматривать юрты чукчей, они уже успели закупить груду шкур и других вещей.

Мы разбрелись по селу. Вдруг слышу раздаётся протяжный свисток а затем крики: «доктор, на судно, там несчастье!»

Я бегом бросился к берегу, куда уже со всех сторон спешили наши. Все вскочили в шлюпки, как попало, и поплыли к пароходу.

Флаг на мачте приспущен.

Все встревоженно придумывают, что такое случилось.

Оказалось всё очень просто. Робертсу надоело сидеть и он решил сняться с якоря; поэтому он дал приказание разводить пары и свистком собрать всех на пароход. Карл Иванович вышел из себя. На самом деле нахальство было большое, не обращать внимания на начальника экспедиции и распоряжаться без его ведома судном. Вообще нами американцы мало стесняются.

Карл Иванович сделал выговор, приказал прекратить пары, а взамен этого спустить паровой катер и отправился исследовать берега, севернее Indian Point'a.

Я не поехал с ними, а, взяв фотографический аппарат, снова отправился в селение.

Чукчи очень заинтересовались аппаратом и тотчас же окружили меня густой толпой. Не скажу, чтобы это было приятно, так как от них шёл отвратительный запах горелого жира, но они так искренно по-детски радовались, видя на матовом стекле уменьшенное изображение предмета, и с такою готовностью позировали, что я долго провозился с ними. Окружённый толпой мальчишек, я пошёл к берегу, усеянному огромными льдинами и сел отдыхать.

Вдоль всего берега на некотором расстоянии друг от друга сидели чукчи с ружьями в руках, а у самой воды стояли их лёгкие лодки, готовые сейчас же к спуску на воду. Я очень заинтересовался этой охотой.

Чукчи превосходные стрелки. Чуть только за несколько десятков сажень показывается из воды голова тюленя, как чукча вскидывает ружьё; раненый тюлень судорожно кувыркается, и брызги крови летят в

стороны. Он нырнул, но с берега к нему уже птицей летит лёгкий челнок, а на носу с гарпуном в руке стоит чукча и зорко смотрит по сторонам. Раненый тюлень показывается на поверхности, в него снова летит пуля, а затем и гарпун догнавшего его чукчи. Крючок глубоко врезывается в тело животного и удар копья кончает его жизнь. Надо видеть быстроту и ловкость охотников, а ведь это иногда совсем мальчишки лет 12-15.

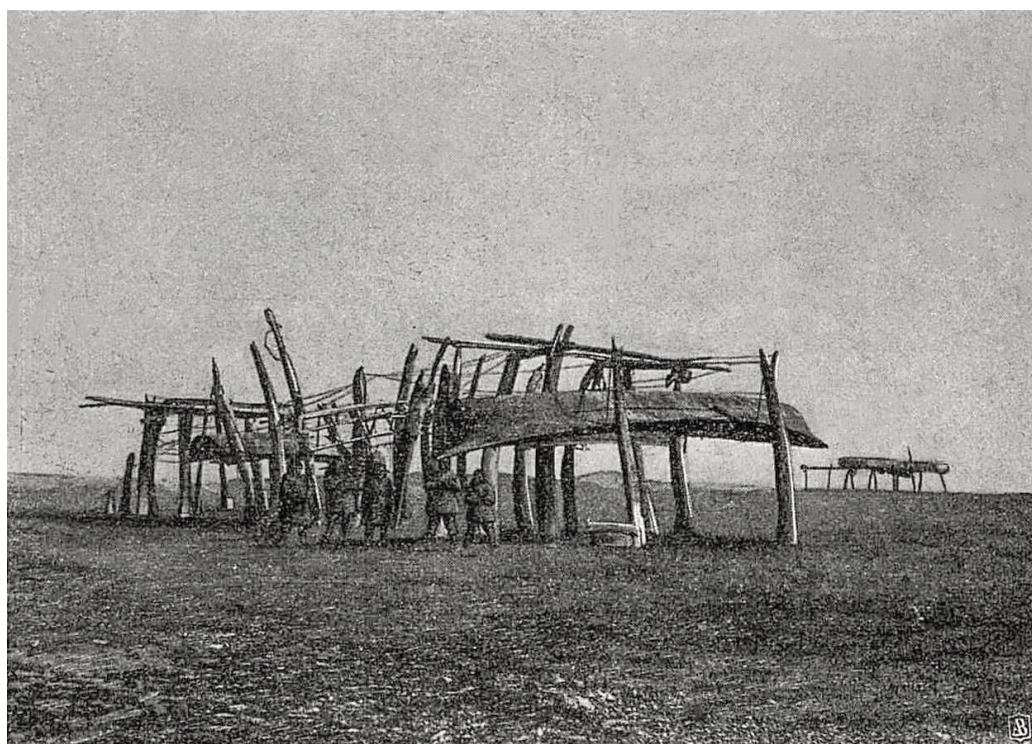
Возвращаясь к пароходу, я зашёл к одному чукче, который знал несколько слов по-английски, и он мне показал своё оружие. Вооружены они теперь все винтовками системы Винчестер 44 калибра, которые им в большом количестве привозят американские китобои в обмен на шкуры. В каждой юрте вы находите Винчестер, а иногда и несколько. Кроме ружья, для охоты на тюленя и моржа они употребляют гарпун. Он сделан у них очень остроумно. На длинной деревянной палке, аршина 2-3, оканчивающейся небольшим конусом из моржового клыка, надевается также костяной наконечник с железным остриём, от наконечника идёт длинный тонкий ремень из тюленьей кожи вдоль древка и у нижнего конца его придерживается петлёй; при метании гарпуна, конец его вонзается в тело и заседает там, древко же отваливается, и плавает. Тюлень таким образом попадает на крючок и держится на длинном ремне. Для добывания его чукчи употребляют или копья, с железными наконечниками, или стрелы.

Луки и стрелы у них также имеются, но ружьё их почти совсем вытеснило. Для охоты же на птиц, когда они перелетают стадами, чукчи употребляют особый метательный инструмент. Он состоит из пяти слегка закруглённых кусков кости с грецкий орех величиною, привязанных на верёвках из жил, концы которых соединены. Такой снаряд они бросают прямо в стадо и он, распластавшись в воздухе, запутывает или ушибает птицу, чукчи же подбирают и добивают её.

Вечером во время ужина пароход был осаждён чукчами, приехавшими продавать свои товары. Группа женщин столпилась у двери в столовую. Они хватали остатки с наших тарелок и тут же их с жадностью пожирали.

Им вынесли из кухни всё, что осталось от ужина; они выложили всё прямо на палубу и торопливо руками запихивали себе в рот куски пищи с неподдельным удовольствием.

Вечером вернулись наши приискатели; они доехали почти до мыса Мертенса. Ответ их был не совсем удовлетворительный; золота они не нашли, но породы по берегу оказались весьма подходящие к породам Кэп Нома.

Постройка из китовых костей для сушки байдар.

1 июля. Сегодня утром вышла история. Робертс, крайне недовольный Карлом Ивановичем, начал браниться на палубе. Бранился он довольно громко и энергично, пока Карл Иванович не послал сказать, что если он не перестанет или повторит ещё, то его придётся высадить. Пошли переговоры, Робертс и Ринар даже паспорта свои требовали, говоря, что желают составить свою экспедицию, а с нами продолжать не могут. Но их убедили, что это невозможно, и они по-видимому неохотно покорились.

Около обеда мы были уже в проливе Сенявина и вошли в бухту Глазенапа; дальше в пролив идти ещё невозможно, он полон льдом. Поэтому наскоро осмотрели берег бухты. Бродя по берегу, мы увидели недалеко от берега на голом каменистом холме одиноко стоящий крест. На кресте был прибит железный листок с короткой надписью «Здесь покойся Егор Пурин, писарь клипера «Гайдамак». Умер 30 июля 1875 года».

Вокруг тихо, пустынно, мёртво. Голые немые горы стоят вокруг и берегут эту одинокую могилу, а внизу плещет холодное прозрачное море,

покрытое льдом. Да, он покоится здесь; здесь — покой смерти. И только у самого креста, между камней, забился маленький пучок бледных незабудок, как будто голос того, кто лежит под этим крестом, что он помнит о своей далёкой родине, хоть и прикован здесь уже долгие годы. Грустно и жутко как-то. Может быть кому-нибудь из нас придётся остаться здесь.

Чукчи на борту «Самоа».

Выйдя из бухты, мы повернули назад и, обойдя с востока остров Аракам, пошли к северу. У берегов ещё был везде лёд, залив у бухты Мечигмен был полон им и мы принуждены были идти дальше. Под утро мы были у мыса Новосильцева, при входе в бухту Св. Лаврентия. Но и эта бухта была набита льдом и мы остановились на якоре в нескольких верстах от мыса.

Наши спутники американцы глядят на нас волками. Вечером мы стояли с Мягковым в буфете и закусывали. Туда же пришли Уайт с Ляндфильдом, и у нас завязался разговор, который скоро перешёл на злобу дня и мы наговорили друг другу много неприятных слов.

Нам стало ясно, что мы совершенно разно понимаем цель экспедиции и план её, что американцы считают Карла Ивановича только ширмой, начальником признают Робертса, а себя хозяевами экспедиции. Ясно стало нам, что дело дальше гладко у нас не пойдёт и что хорошего

нам, русским, ждать от американцев нечего. Как противны они нам стали, и вместе с тем, сколько в них смешного. Можете себе представить, ведь в нашей экспедиции большую роль сыграли духи! Подкладка нашей экспедиции спиритическая. Наш плотник Чарльз Скрентон как-то, это было год тому назад, отправился к гадалке медиуму. Через неё духи сообщили ему, что он поедет далеко на выгодную работу, но не разбогатеет и будет принуждён уехать, так как умрёт один из близких ему людей. Но на другой год ему предстоит поездка ещё более дальняя в неизвестные края и там он найдёт богатство. Он запомнил это предсказание. Весной прошлого года он уехал на Аляску и работал там; вдруг получает сообщение, что его мать больна. Он бросает работать и едет в Нью-Йорк. Его мать умирает. Через некоторое время он стороной слышит, что на берегах Сибири найдено много золота. Случай сталкивает его с Робертсом и он, видя, что половина предсказания уже сбылась, решает, что обещанная ему земля, где он найдёт богатство, и есть Сибирь. Он уговаривается с Робертсом и затем рассказывает ему, что поведали духи.

Мыс Новосильцева с NO.

Робертс, из ума выживший старикашка, видит в этом хорошее предзнаменование и Скрентон становится Маскотой нашей экспедиции. Он до того верит в свою счастливую звезду, что никому не даёт ступить на берег прежде себя. Эта громадная фигура, с лопатой в руке и чашкой под

мышкой, грузно выходит на берег и сейчас же с поверхности начинает пробовать пески. Конечно, ему не удаётся найти золото и он категорично заявив: «здесь нет золота», так же важно идёт к шлюпке, а за ним тянутся и прочие американцы.

Теперь я понимаю, почему нашу экспедицию один из русских в С.-Франциско назвал пёстрой экспедицией. В самом деле, кого только у нас нет: русские, англичане, американцы, евреи, норвежцы, китайцы, поляки, мексиканцы, финляндцы и даже один осетин. Кроме того и с точки зрения дела, такая же пестрота. Инженера только два: Карл Иванович и Рикар, ну, ещё идёт к делу Александр Геннадиевич, как бывший горный студент. А дальше кто? Робертс — дряхлый старичишка, у которого глаза сами закрываются, так что мы прозвали его Виём: «Поднимите мне веки, не вижу!». Он, говорят, прекрасно знает золотое дело, но по видимому он его знает на бирже, а не в песках.

Уайт, бывший дипломат, изрядно выпивающий теперь, называет себя представителем капитала. Стерн тоже капиталист. Даулен никогда и не был на золотом деле. Скрентон отец — плотник, сын его работал на фабрике консервов, закупоривал банки. Бикар — набивальщик чучел; Ляндфильд — не разберёшь кто, так как он говорит, что кончил два факультета, дослужился в армии до чина капитана, и много ещё чего говорит про себя. Но наружность его, что-то не походит к его титулам. Ещё я узнал один курьёз. Наш мистер Стерн титулуется майором. Оказывается, он и не был никогда в военной службе, а масонский майор. У нас даже больше есть. Наш капитан Jahnsen — масон 32-й степени, он страшно гордится этим, всегда показывает свой крест, который висит у него на брелоке, и с гордостью говорит, что достиг самого высокого масонского чина, выше же его только один принц Уэльский, который — масон 33-й степени. Он показывал нам свою карточку, где он снят со своим багажным приказчиком-мальчишкой, тоже масонским генералом. Сняты они в какой-то удивительной форме. В треуголках, с белым страусовым пером, при шпагах и шпорах. Jahnsen очень чванится своей формой.

Среди наших путешественников есть и ещё масоны, но только низших степеней. У них висят на часовых цепочках какие-то таинственные жетоны. Я ещё в С.-Франциско слышал от Фёдорова об американских масонах. Он говорит, что это общество весьма распространено в Америке и довольно тесно сплочено; но из его рассказов видно, что эти общества

вовсе не походят на бывшие европейские масонские ложи. Религиозной подкладки никакой нет, а просто общество взаимопомощи, куда члены вносят известные суммы и за это получают повышения в степенях. Иначе и трудно было бы допустить, чтобы такой, к тому же совершенно не интеллигентный и грубый человек, и пьяница как наш Jahnsen, мог получить высшую степень.

2 июля. Мы стоим у мыса Новосильцева. Карл Иванович с Мягковым и Альфредом Марковичем отправились на шлюпке на берег, а я занялся драгированием.

У меня большая неприятность: так и не могу найти, куда заложили мои грани, заказанные в С.-Франциско. За них было заплачено, и они должны бы быть где-нибудь в трюме, но поиски мои были тщетны, и я пользуюсь железным кругом обтянутым сеткой. Очень неудобно, хотя сегодня поймал несколько крабов, креветок и одного рака отшельника. Рыбы совсем не видно.

Часа в три вернулись с берега наши и сообщили нам кое-что интересное. Они нашли на берегу целую партию рабочих, высаженную сюда с «Прогресса» и живущую в палатке на берегу. Выходит, что Шоклей нас надул, как и тот русский чиновник, который был с ним; они говорили, что кончили розыски и уж уходят на юг. На деле же оказывается, что они высадили для разведок партию, и два дня назад ночью заходили сюда, но льды так сплотились у берега, что никаким образом пристать не было возможно, и «Прогресс» ушёл обратно. Партия эта уже с 21-го июня ищет здесь золото. Она снабжена и провиантом и углём очень щедро. Очевидно, они рассчитывали основательно работать здесь.

Через час двое из этой партии были у нас на «Самоа»; каково же было моё удивление, когда я узнал в них Бахарева и Малафеева, своих спутников в экспедиции по Северной Корее, которую мы совершили осенью в 1898 году. Кто бы мог сказать, что мы встретимся снова здесь под самым полярным кругом. В сравнении с этими двумя рослыми молодцами наши китайцы просто пигмеи, жалко смотреть. Да и американцы тоже уступят.

Угостил их на радостях пивом и разговорились. Оказывается, Шоклей гораздо лучше нашего распорядился с наймом рабочих. Он нанял во Владивостоке русских по 30 руб. в месяц, китайцев и корейцев ещё того дешевле, а мы платим никуда негодным заморышам китайцам по 60 долларов в месяц, да и то на условиях для нас не выгодных.

На вопрос, нашли ли золото, Малафеев ответил, что до сих пор нет, но чёрного и красного шлиху много.

Прощаясь, я снабдил их хиной, которой у них не доставало, и они мне в обмен за это прислали четвёрку Богдановского табаку, которому я страшно обрадовался, так как американский мне не нравился.

Вечером, мы с Мягковым, когда на пароходе все улеглись, вынесли на мостик бутылочку калифорнийского винца, изюму, консервированных ананасов и наслаждались. Небо пепельно голубого цвета, опоясанное розовой лентой зари, прозрачный свежий воздух, причудливой формы белые льдины на гладкой стальной поверхности моря, угрюмые тёмные горы вдалеке и этот мягкий белый свет, — всё это так не походило на ночь, что нам совсем не хотелось спать, а контраст этих гор, льдов и ананасов с виноградным вином, привёл нас в весёлое настроение. Мы провозглашали тосты за дорогих нам людей, оставшихся в далёкой Европе и с полярного круга посылали им свои сердечные приветы.

Мне захотелось испытать силу света, и я ровно в 12 часов снял фотографию с одного американца, выползшего на палубу. Экспозиция была в 3 секунды и снимок получился поразительно отчётливый.

3 июля. Позавтракав пораньше, мы на шлюпках отправились на берег. У берега стоял ещё почти сплошной лёд; мы лавировали между льдинами и иногда заходили в тупики; приходилось возвращаться. Случалось проходить едва не касаясь бортом о высокие, подтаявшие снизу, льдины. Временами перед нашим носом такие льдины грузно переворачивались и шлёпались в воду. Но мы счастливо прошли между ними и высадились на берег. Я направился к стоянке Малафеева. Устроился он недурно; недалеко от деревни Гидоней, он разбил палатку на сухом ровном выступе берега, со стороны моря обнёс её забором, в палатке настлал из досок пол и поставил себе кровать, а перед палаткой сложил печку с плитой. В довершение всего над палаткой водрузил русский трёхцветный флаг.

Потолковав с ним, я отправился в горы, где, как мне сказали, лежат два только что похороненных покойника. На самой вершине горы между скалами я нашёл их. Они уже начинали разлагаться и запах шёл от них довольно острый, так что снимать фотографии было не особенно приятно. Пересилив брезгливость, я снял фотографии и даже совершил небольшое преступление, обокрав их могилы, то есть взял те предметы,

которые чукчи кладут около покойника. Я заметил, что лежат они одинаково, головою к северу. Мне бросилось в глаза ещё очень неприятное обстоятельство. Вода, стекающая с кладбища, идёт в ручей, который спускается к деревне Ендогай, из которого берут и воду; нельзя сказать, чтобы было приятно пить воду оттуда.

С кладбища я опять вернулся к стоянке и меня пригласили обедать. Выпили по рюмке разведённого спирта и закусили щами с курицей. Конечно, это были консервы, но мне очень понравились, так как вечные супы из маринованных устриц или конденсированного молока страшно надоели. Нас случайно собралось четверо, бывших в корейской экспедиции, и как то сразу припомнились наши встречи, трудности пути, а больше курьёзы, и мы снова перенеслись от этих льдов, тундры, вонючих юрт и звероподобных чукчей туда, где зеленеют рисовые и чумизные поля, где журчат изумрудные горные реки среди гордых скал, поднимающих свои острые вершины высоко к голубому небу, в объятия нежных белых облаков. Вспомнились дремучие леса, лёгкие чистые фанзы и добродушные корейцы в своих широких, белых костюмах, и нас потянуло снова туда.

А здесь опять эти американцы. Они вчера что-то советовались и теперь вдруг переменили тактику, став очень любезными; но это меня не успокаивает; *quidquid id est timeo Danaos et dona ferentes*.

После обеда я занялся разборкой аптеки, которая имеется у Малафеева, в это время к нам подошли чукчи. Некоторых из них рабочие уже лечили и очень удачно.

Был один такой случай. Пришёл мальчик, у которого по всей щеке был какой то лишай, рабочие прежде всего вымыли его мылом, потому что он был невообразимо грязен, затем промыли лишай карболкой и намазали борным вазелином. Через два дня лишай почти исчез. Видя это, чукчи стали мыть себе лица и просили мыла. Очевидно, будь у них перед глазами хорошие примеры, они переняли бы многое, но этих примеров нет. Русские их почти совсем не посещают, раз в несколько лет, а американцы приезжают только для торговли. Один из пришедших чукчей, который себя считает старшиной этого селения, жаловался и вполне основательно на то, что русские их забыли.

— Мы знаем, что у нас, чукчей, — говорил он, — и у вас, русских — один царь. Но вы к нам не ездите, а американцы привозят нам и муку, и

ружья, и табак. Что бы мы делали без ружей? Американцев мы больше знаем и понимаем их язык, а русского совсем не знаем.

И он безусловно прав. Надо бы было завести, хоть, наподобие Американских Штатов, таможенные крейсера, которые бы ежегодно объезжали наши восточные берега. Много у нас в России забытых, медвежьих углов, но чукотский полуостров, кажется, самый несчастный из них.

Маленький пациент-чукча совсем освоился со своими врачами-работчиками, он даже в шашки научился играть, и играет уже довольно хорошо. Я с удовольствием сыграл с ним партию.

Подошёл Альфред Маркович, и мы отправились на шлюпке под парусом на южную сторону мыса, где нас поджидали Карл Иванович и Мягков. Они страшно измучились и не могли дотащить через горы. Забрав их, мы плавно поплыли между льдин к нашему «Самоа».

Американцы после ужина затеяли стрельбу из револьверов по бутылкам. Чем же они в самом деле хуже Тарасконцев. Но им что-то не счастливилось, и они напрасно выпустили около сотни зарядов. Не смотря на выстрелы над окном моей каюты, я, намучившись днём бродить по горам, заснул крепчайшим сном.

5 июля. Мы идём к Кэп Ному. Погода опять портится. Дует ветер, холодно и туманно.

Вчера, сделав Малафееву заявление о прекращении работ, что он выслушал, как нечто ожидаемое, говоря, что Шоклей предупредил его об этом, мы снялись с якоря, и перешли к проливу Сенявина с северного входа.

День был ясный, тёплый, в тени $12\frac{1}{2}^{\circ}\text{R}$. Море гладко, как зеркало, в бухтах ещё много льду.

В устье речки Мариш решено было высадить Мягкова с тремя русскими, финляндцем и двумя китайцами, а самим идти в Кэп Ном, так как «Якута» мы ещё не нашли, а американцы продолжают настойчиво требовать, чтобы их свезли немедленно в Ном.

Берег у устья Мариш низкий, пологий, за ним небольшая возвышенность, покрытая тундрой, а дальше горы. Вокруг ещё много снега, но там где его нет, пробилась травка и в ней масса разнообразных цветов, с очень сильным приятным запахом. Здесь мы нашли душистые незабудки, они отличаются от наших коротким стебельком и несколько более интенсивным цветом. На самом берегу у небольшой бухточки мы разбили две палатки, настлали дощатый пол, и над палаткой водрузили

русский флаг. Так хорошо, уютно было тут. В тесную каюту возвращаться не хотелось, не хотелось встречаться с нашими спутниками, и я остался тут до самого утра. Развели костёр, согрели чайничек и, лёжа на песке, потягивали тёпленький чай с коньяком. Недалеко от палатки были три чукотских юрты, и один из чукчей подошёл к нам. Говорить он умел только по-своему и нам приходилось объясняться мимикой. Когда ему предложили чаю, он с громадным удовольствием стал отхлёбывать из кружки, но при этом страшно морщился от боли. Губы у него все были потрескавшиеся, кожа с дёсен и языка сошла. Очевидно, плохо приходилось бедняге в отношении пропитания. Развели в бутылке марганцевого кали, велели полоскать, и снабдили его чаем, сахаром и хлебом. Попив чайку, он кивнул нам головой в знак благодарности и поплёлся восвояси. Я тоже простился и уехал на «Самоа».

Ночью вышла история. Как ночь — капитан напился, и завалился спать. Под утро Лемашевский, проснувшись, вышел на палубу и ужаснулся. Северный ветер гнал прямо на нас в пролив огромное ледяное поле. Оно было уже близко и надо было, как можно скорее, уходить; Лемашевский разбудил капитана и сказал ему об опасном положении. Тот вышел на палубу, посмотрел вокруг посоловелыми глазами и пробормотав, что никакой опасности нет, и что он уже 17 лет командует судном, ушёл к себе в каюту. А льдина всё подвигалась; ещё несколько минут — и она навалится на якорную цепь. Побежали будить помощника. Тот быстро вскочил, разбудил команду и якорь был взят. Но промедли две минуты, могло выйти худо. В лучшем случае мы потеряли бы якорь. Северный вход в пролив был запружён льдом и мы, повернув к югу, пошли в Indian Point. Там нам сказали что не видали военного судна. Значит, «Якут» ещё не пришёл. Пришлось уступить американцам и идти в Ном.

Из Indian Point'a мы взяли на судно двух чукчей с товарами, которые они везли продавать в Ном.

ГЛАВА V

Аляска

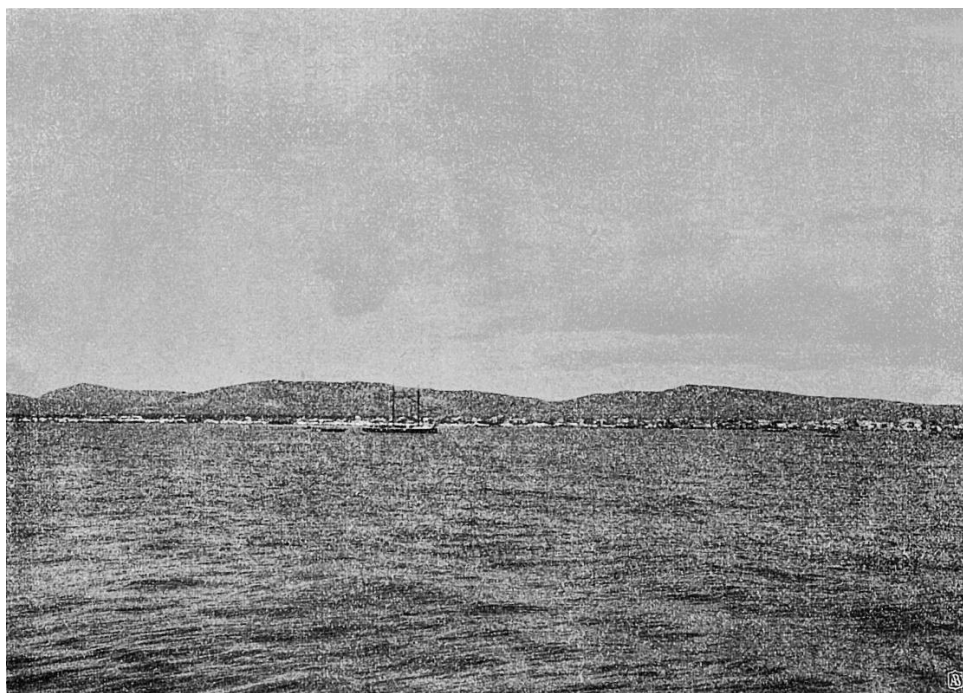
Ном — Золотое дело — Воспоминания о продаже Сев. Американских владений.

6 июля. Ном. Выйдя утром на палубу, я увидел что-то необычайное. Весь берег на много миль в длину представлял собою настоящий лагерь. Палатки, палатки, и палатки, сколько тысяч этих палаток — трудно и сказать. На рейде целый лес мачт всевозможных пароходов, барок и шхун. Вот и Ном, золотой город, выросший в несколько месяцев. Берег очень пологий, песчаный, нет никакой бухточки и суда стоят в открытом море. Мы бросили якорь верстах в двух от берега и на шлюпке отправились в город. Пройдя буруны, мы вошли в устье маленькой речки Snake River и подошли к пристани. Оживление было страшное. Улица узкая настолько, что едва можно разъехаться, битком набита народом! По обеим сторонам какие-то, точно картонные, сколоченные наскоро из тонких досок, дома, иногда трёхэтажные, увешанные вывесками. Везде, куда ни взглянешь, американские флаги. Все трактиры, а они чуть не в каждом доме, полны народом. Шум, говор, толкотня, вообще, как будто праздничное гулянье. По деревянным тротуарам не протолкаешься, идёшь по грязной дороге и глядишь только, как бы не ударили дышлом в голову. Езда на лошадях и собаках непрерывная.

Странно кажется, что такая масса народу бродит по улице покуривая, руки в карманы, перекочёвывающая из кабачка в кабачок. Можно было бы ожидать, что золотая горячка заставит всех усиленно, жадно работать, а тут этого-то и не видно.

По грязи, лужам мы дошли до магазина Alaska Comerc. Comp., спросить, нет ли писем с родины и затем отправились осматривать город и работы. Но последней мы увидели очень мало. Кое-где на берегу копаются несколько человек, промывают в чашках или на небольших роках. Золотоносный песок близко, всего футах в двух от поверхности, это так называемый красные песок — ruby sand, состоящий из мелких гранат. Золото, хотя не особенно крупное, находят в каждом лотке; просто удивляешься, почему такая масса народу не работает. Весь берег изрыт ямами; его уже достаточно обеднили за истёкшие годы, но так как работа велась на скорую руку, не рационально, то конечно золота остаётся

ещё много и здесь. По всему берегу в несколько рядов раскинуты в беспорядке палатки. Тут и магазины всевозможные, аптеки, фотографии, трактиры, доктора, адвокаты, каких только нет вывесок! И все они прекрасно зарабатывают. Особенно адвокаты и доктора. Для последних здесь дела особенно много. Не мудрено, что здесь много болеют: жить приходится в палатке, в постоянной сырости, под холодными ветрами.

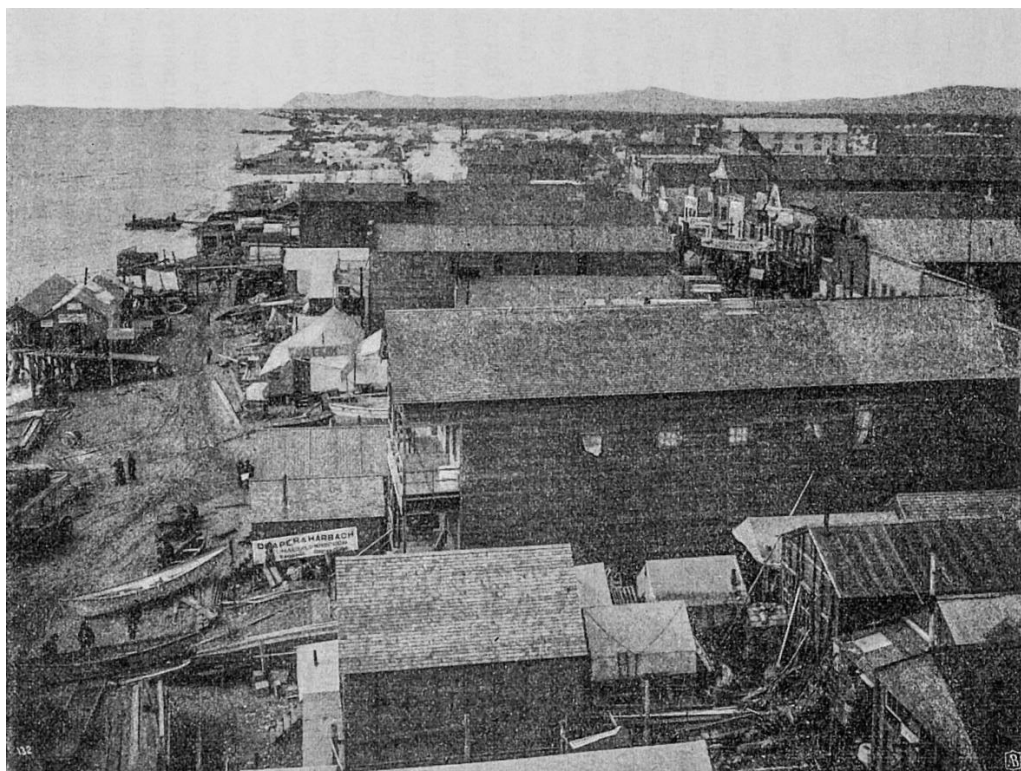

Вид города Нома с моря.

Мы дошли до карантина, обнесённого неглубокой канавой и обозначенного жёлтыми флагами. Там были расставлены палатки для оспенных больных. Эпидемия оспы здесь сильно распространяется. Говорят, многие умирают от воспаления в лёгких и каких-то тифоидов. По дороге мы зашли закусить в один из ресторанов, который был ничто иное, как обыкновенная палатка, только больших размеров. Там на керосиновой печке нам приготовили завтрак; весь завтрак состоял из пары яиц и чашки кофе с хлебом, и за это мы заплатили по 50 центов т.е. по рублю. Отсюда мы прошли через Snake River по мосту, заплатив по 10 центов за переход, и пришли к построенной уже здесь железной дороге. Железная дорога идёт здесь на расстоянии 5 миль до Anvil Creek, поезд идёт 30 минут — за проезд пассажира берут 1 доллар, небольшие грузы оплачиваются по 2 цента с фунта. Смотришь и поражаешься. И всего-то только полтора года прошло, как было открыто здесь золото, а теперь здесь город в 20 т. жителей, не считая окрестностей, железная дорога, электрическое освещение у некоторых крупных фирм, строят уже водопровод

из Anvil Creek и, говорят, к будущему году проведут телеграф из ближайшего города.

Вот это так по-американски.

Вид города Нома.

Вернувшись на главную улицу, которую мы в шутку прозвали Невским проспектом, мы встретили нашего капитана Jahnsen'a в довольно уже пьяном виде, что-то удивлённо рассказывающего у двери в кабак. Весь этот шум и толкотня нам уже достаточно надоели и мы захотели вернуться на судно. Но тут нас ожидало неприятное известие. Вода отлила, в устье стало так мелко, что шлюпка пройти не может. Приходилось сидеть до вечера и ждать прилива. Посидев ещё некоторое время на улице и подождав, когда наши бока перенесли порядочный массаж, мы отправились в кафе обедать.

Cafe Royal, которое мы выбрали, был большой деревянный сарай, довольно чистый, обставленный столиками с чистыми скатертями. Цены здесь были более, чем приличные; за бифштекс 1 д. 50 ц. т.е. 3 рубля и всё в этом роде. Пообедали и думаем, что же делать дальше. Богданович с женой решился остаться ночевать на берегу, но мне уже наскучило шататься по улицам в грязи и устал я изрядно.

Пошли мы с нашим Василием к нашей шлюпке и, растянувшись на дне её, сейчас же заснули. Долго ли мы спали, неизвестно, но только проснулись от каких-то толчков в шлюпку.

Оказывается, это капитан пьяный вваливается в шлюпку и, не умея сохранять равновесие, падает через каждую скамейку. Что же, думаю, будет теперь делать наш тюленеобразный капитан. Смотрю, берёт руль, ставит его на место и командует сопровождавшим его матросам сесть на места. Воды уже немного прибыло и он, не смотря на поднявшийся с моря страшный ветер, решил сейчас же плыть на судно. Тронулись и удачно прошли уже устье.

Но тут-то и началась история.

В самом устье реки образовался бар и надо было его обходить держась берега. Ветер гнал с моря огромные волны, около берега ревели буруны. Пришлось поставить шлюпку боком к волне, и при первой же волне нас откинуло к берегу, ударило о дно, руль вылетел и в руках капитана остался только румпель. Капитан ругался и что-то говорил, такое бессвязное, что матросы начали действовать по своему благоусмотрению, и нас чуть не перевернуло тут же. Но как-то удалось, напрягши все усилия, поставить шлюпку в разрез волне, и вот мы через буруны уже выходим в море. Частые, крутые, с седыми гребнями, буруны остались позади, и мы качаемся на больших, тяжёлых волнах моря. Теперь можно рассчитывать, что мы доедем, но тут опять происшествие. Ветер срывает с головы капитана шляпу и по воде несёт её к берегу. Капитан просто из себя вышел: «Goddam, назад, к берегу!» Хотя назад ворочаться не особенно хотелось, но матросы послушались, перестали грести и нас быстро потащило к берегу. Вот и шляпа. Капитан пробует её поймать багром, никак не может попасть в неё, тычет багром в воду, а нас всё несёт к берегу. Толпа народу собралась на берегу и смотрит на наши манёвры.

Шляпа, наконец, поймана, но мы уже среди бурунов. Капитан снова ругается, кричит «вперёд», хватает весло и вместо того, чтобы направить шлюпку, неловким движением ставит её боком к волне. Момент, и волна летит через нашу шлюпку, разбиваясь о наши спины и прыгая по банкам; ещё волна, шлюпку перевёртывает килем вверх, мы все летим в холодную воду, нас подхватывает волной и швыряет на берег, где десятки рук ловят нас и шлюпку.

Слава Богу, мы вне опасности, но за то мокры до костей. Хорошо ещё, что камней на берегу не было, и что берег был близко, а случись это по-дальше от берега и не пришлось бы нам об этом рассказывать.

Холодно было страшно, просто зуб на зуб не попадал, и мы бегом бросились в кабачок, выпить стакан коньяку. Кстати сказать, кабаки здесь целую ночь не запираются и всё время набиты народом, прислуги две смены, каждая работает, по 12 часов. Буфетчик получает в день 15 долларов т.е. 450 долл. в месяц. Жалованье, от которого не отказался бы всякий.

Улица в Номе.

Главная улица Номы живёт и ночью. Повсюду слышится пение, звуки музыки и граммофонов. Здесь есть даже театр, но тоже в американском духе. В кабаках, под хрипкое пение довольно отвратительных певиц, иногда разукрашенных синяками на лице, публика играет в карты, кости, рулетку. Доллары ручьями льются из одного кармана в другой. За прилавком весы для взвешивания золотого песка, который из рук золотоискателя немедленно же переходит в руки кабатчика. Дороговизна, конечно, страшная. На вывеске написано «All drink 25 ¢», то есть, спросите вы рюмку виски или маленький стаканчик пива, всё равно вы отдадите полтинник. Потолкавшись и обогревшись в кабачке, мы закусили в Cafe Royal и пошли спать в номера. Ещё раньше Альфред Марко-

вич нашёл чуть не единственный в Номе свободный номер, и он оказался на третьем этаже, правильнее сказать, просто на чердаке под самой крышей. В номере потолка не было, а была очень круто покатая крыша. Стены были из тоненьких дощечек. Всю меблировку представляла одна раздвижная койка, стул и таз для умывания. За все эти удобства с нас взяли за ночь 3 доллара, хотя нам с Альфредом Марковичем и пришлось спать на одной койке. Печей, конечно, не было и, после случайной морской ванны, мне ещё долго не удавалось согреться.

Устье реки Snake и вид на рейд.

7 июля. Утром, попив кофе, мы отправились на Anvil Creek. За пару лошадей туда и обратно с нас взяли 30 долларов. Таковы здесь цены за провоз. От Номы до Anvil Creek очень недалеко, вёрст 7 или 8, дорога идёт по тундре. Мокрая глинистая или торфяная, она вся колыхается под экипажем, лошади вязнут и идут шагом. Не будь таких хороших лошадей, нам и не выбраться бы отсюда. Да и не стоило сюда привозить плохих; провоз лошадей от С.-Франциско до Номы стоит страшных денег. Наш извозчик так объяснял нам этот вопрос: «За провоз пары лошадей, телеги и тонны овса я заплатил 1000 долл., и это было не убыточно. Ведь пара лошадей зарабатывала до 300 долл. в день. В час пара лошадей стоит 10 долл., а упряжка собак 5 долл.; а теперь подвезли много лошадей и плата понизилась до 30 долларов в день».

Часа через два мы были на приисках в Anvil'e. Прииски расположены вдоль по течению ручья, текущего в узкой долине и впадающего в Snake River.

Среди разных пород, которые встречаются в долине этой речки, преобладают известняк, слюдяной сланец, кварц, небольшое количество гнейса и гранит.

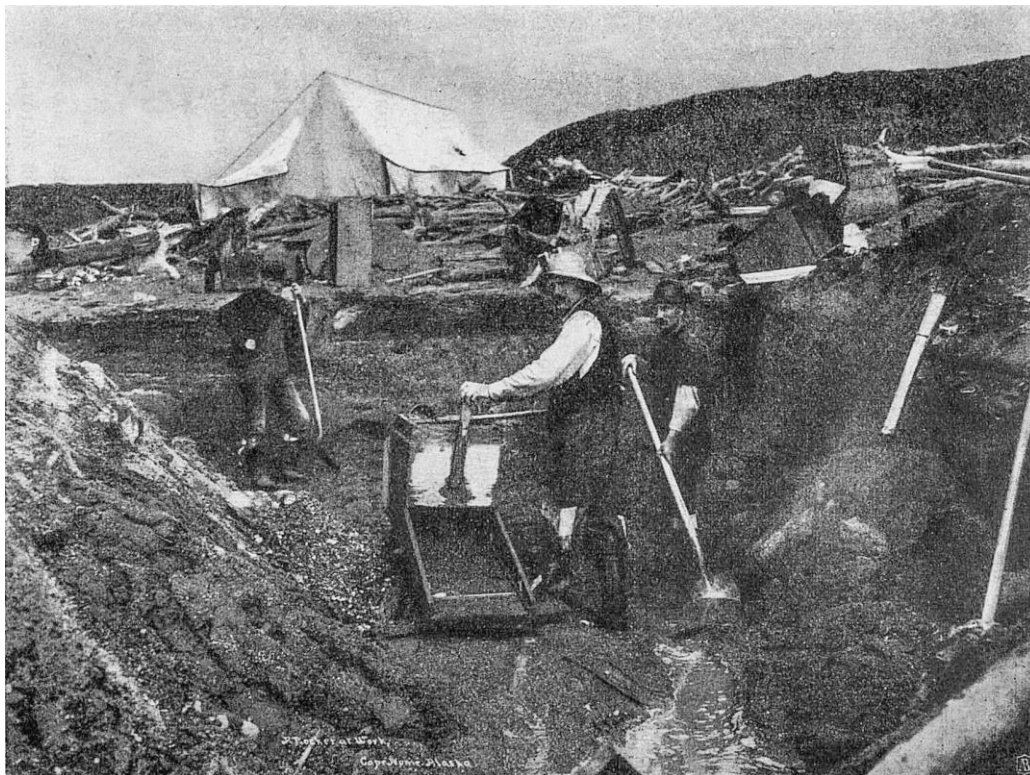
Разработка береговой россыпи: промывка на шлюзах.

Содержание золота огромное. Пески золотоносны с самой поверхности, но добыча идёт с постели. При нас золотоискатель взял на пробу один лоток песку. Там оказалось золота почти на доллар и довольно крупного. Представьте себе, сколько получается его при промывке массы песков. Промывка золота здесь ведётся на шлюзах. Вода для промывания проводится по широкому брезентовому рукаву несколько выше прииска и потом пропускается в длинный жёлоб, на дне которого приколочены поперечные дощечки. Рабочие лопатами сыплют золотоносный песок в жёлоб и струя воды сама разбивает пески и откидывает гальку, золото же задерживается за перекладинами. Золото находится и на постели (bed rock) и в прослойках красного и чёрного песка. Магнитного железняка встречается очень много и очень крупного. Содержание золота в песках доходило в богатых частях россыпей до 3 золотников на пуд¹. Это какая-то сумасшедшая цифра! По отчётам агента от монетного двора в Вашингтоне Anvil Creek дал в 1900 году около 750,000 долларов, а E. Lindblom, один из владельцев приисков на Anvil Creek, говорит, что на этом ручье добыто не меньше 1,800,000 долларов².

¹ Т.е. 780 г./тонну. — прим. OCR.

² Богданович, «Очерк Нома».

Рабочие на приисках получают в день 5 долларов, за содержание вычитается 2 доллара. Действительно, содержание здесь баснословно дорого. Возвращаясь с осмотра приисков, мы зашли в маленькую грязную палатку, именуемую рестораном, хотя она совсем не походила на ресторан, и поставлена была просто на болоте, пола не было и грязь была ужасающая.

Разработка береговой россыпи промывка на рокере.

За завтрак, состоявший из пары яиц и тоненького кусочка ветчины, заплатили по доллару. Во сколько бы обошёлся порядочный обед из трёх блюд при таких ценах?

На возвратном пути по тундре к Ному, мы на тундре видели тоже пробные шурфы и столбики, на которых значилось, что эти участки тундры принадлежит Tundra Mining Co. Исследования тундры ещё только начинаются. Золото оказывается и здесь, и в хорошем количестве.

На глубине 15 футов содержание золота определяют от 2 до 10 золотников на 100 пудов.

На берег мы приехали ещё довольно рано, был отлив, поэтому нам опять пришлось бродить по городу. Зашли опустить письма на почту. Контора помещается в маленьком грязном бараке; он битком набит

народом, даже на улице стоит целая толпа. Это всё отправляющие на родину деньги. Чтобы судить о количестве переводимых из Нома денег, достаточно взглянуть на одну цифру: 3 июля было сделано 68 денежных переводов на сумму 64,108 долларов¹.

С почты мы зашли в фотографию, здесь их несколько и они работают очень хорошо; купили себе снимки Нома и заплатили конечно не дёшево; по дороге в одном из магазинов приобрели несколько унций золота. Оно ценится здесь по 16 долларов за унцию.

Съев в ресторане скверный обед за 1 долл. 50 цент., мы вечером вернулись на судно. Там меня ожидала неприятность. Убитые мною, для коллекции, птицы, которых я оставил на мостике привязанными к рее, куда-то исчезли. Американцы свалили вину на собачонку Робертса, Спата, с которой тот никогда не расстаётся и даже на палубу не отпускает без попонки. Но это что-то подозрительно. Уж очень часто у меня пропадают птицы.

Самородок золота с Anvil Creek весом больше фунта.

8 июля. Стоим у Нома; погода холодная, ветер, сырость. Сегодня вечером решили идти отсюда. Американцы с китайцами отправились на берег за 6 миль от Нома практически ознакомиться с промывкой здесь

¹ В течение июля и августа из Нома сделано денежных переводов на 262,000 долл. или в среднем по 11,000 долл. в день. — Богданович.

золота. Робертс, Уайт, Даулен и Скрентон остаются в Номе для дальнейшего изучения распространения золотоносных пород, а остальные едут с нами на наши берега. После всего виденного становится обидно; ведь и эти берега когда-то были нашими; России принадлежали Аляска, Алеутские острова и много других и всё это 1866 году было продано Соединённым Штатам за 7.200.000 долларов. У России осталась только довольно узкая полоса моря. Теперь только видно, как невыгодно была произведена эта продажа. До продажи это всё огромное пространство считалось «областью пушнины» и приносило незначительные доходы. Но с конца 70-х годов, начинают развиваться рыбные промыслы и теперь рыбы, в консервированном виде, ежегодно вывозят отсюда приблизительно на 5 милл. долларов. Пушной промысел падает, вследствие уменьшения количества котиков, но одно коммерческое предприятие Alaska Commerc. Comp, уже выплатило правительству Соединенных Штатов с 1870 года по 1890 год одной арендной платы 7.000.000 долларов.

Эти цифры ничего не значат в сравнении с цифрами добываемого ежегодно золота. Возьмём хоть Клондайк. В Клондайке за 1899 год золота было добыто на 16 милл. долл., а в настоящем году добывается ещё больше. За истёкший год в одном округе Номы было добыто золота на 2 милл. долл.; но теперь прииски растут, как грибы; золотоискатели идут на север и нашли уже золото у мыса Йорк и в заливе Кларенс. И если теперь взять сумму доходов, получаемых ежегодно с бывших русских владений, то получится круглая цифра в несколько десятков миллионов. И те почти пустынные прежде края, населённые эскимосами, алеутами и другими дикими племенами, теперь наполняются энергичными американцами, вырастают новые города, жизнь начинает бить ключом. Обидно до слёз, что вся эта область для нас безвозвратно потеряна, а ведь о существовании золота было известно уже давно. Ещё в начале пятидесятых годов горный инженер Дорошин, по поручению Российско-Американской Компании, искал золото на островах Ситке, Кадьяке и Кенанском полуострове. Он нашёл знаки золота и настойчиво рекомендовал заняться изысканиями дальше, вполне надеясь на хорошие результаты, но это дело так и заглохло. И теперь у нас есть такие места, например, Камчатка; золото найдено, но не разрабатывается и страна остаётся такой же дикой и пустынной.

ГЛАВА VI

По берегам Чукотского полуострова

«Якут» найден — Заболевает Лемашевский — Снова в Номе — Опять неприятности — Возвращаемся на русские берега в Северном Ледовитом океане — До Колючинской губы и обратно — Американцы отказываются работать.

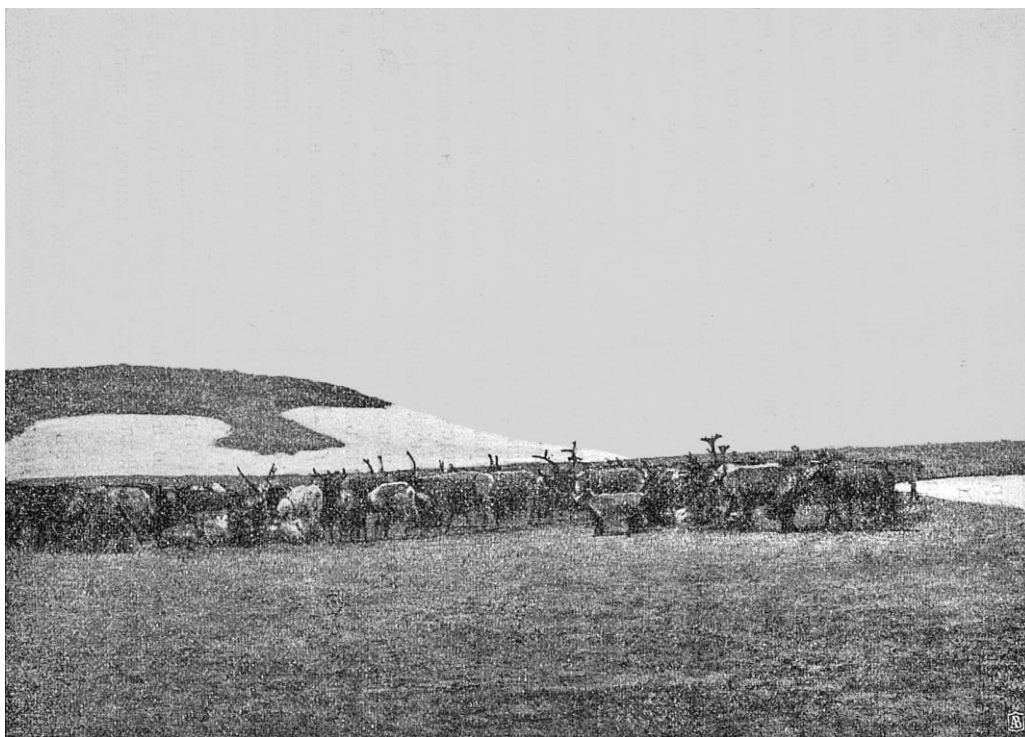
14 июля. Несмотря на то, что четверо из американцев остались в Кэп Номе, неприятности на пароходе продолжаются. Так как освободилось четыре койки, то Карл Иванович велел переместиться и оставить две каюты свободными, чтобы туда поместить потом русских. Пикар, которому было предложено переселиться с молодым Скрентоном отказался, говоря, что не желает быть в одной каюте с мужиком. Альфред Маркович предложил ему перейти к Ляндфильду. Ляндфильд наговорил ему дерзостей. «Вы, — говорит, — никакого права не имеете распоряжаться каютами Робертса и Уайта, и вообще пора прекратить эти глупости, иначе Робертс с вами справится и вам будет плохо».

Это уж из рук вон. В С.-Франциско этот Ляндфильд был совершенным Молчалиным, и Робертс за него просил, взять его хоть на мостик, а теперь он грозит. Удивительны взгляды наших американцев. Каждый вечер можно видеть их всех вместе играющими в покер и даже стюарды сидят тут же; стюарды пожимают им руки; старший Скрентон дружески хлопает по плечу Робертса и спрашивает: «Как здоровье, Джордж?», а теперь Пикар отказывается спать в одной каюте со Скрентоном, говоря, что он мужик.

10 июля мы пришли к стоянке Мягкова в Сенявинском проливе. Золота Мягков тут не нашёл, хотя чёрного и красного шлиху много. На другой день снарядили партию и отправились: русские на материк, американцы на остров Аракам, но золота так и не нашли. Я же, взяв сеть, отправился в лагуну устья р. Марич половить рыбы, но неудачно, рыбы совершенно не было. Зато птицы масса. На лагуне плавают стада уток; в тундре стон стоит от птичьих голосов. Мелкой птицы масса и она совсем ручная, бросишь камнем — вспорхнёт и сядет за несколько шагов. Комаров целые тучи, жалят страшно; майор Стерн даже совсем распух. Чукчи пригнали на берег стадо оленей и мы купили несколько штук. Цены поразительные; за оленя берут два кирпича чаю, а кирпич чаю

стоит около полтинника. За столько же можно купить кухлянку — рубашку из оленьей шкуры. Вообще чай здесь представляет большую ценность и само название «кирпичный чай» — почти единственное известное чукчам русское выражение, которое они произносят «кырпыч чай». Есть ещё только «шакар», что значит сахар.

Купленные нами олени тотчас же были убиты и ободраны. Чукчи делали это так, выбрав получше оленя, они набрасывают ему на рога петлю, валят оленя на землю и втыкают ему в сердце небольшой, узкий ножик; довольно неприятная картина. Очень испуганными, добрыми глазами смотрит олень на окружающих, точно прося пощады, затем вздрагивает, когда нож входит в его сердце, начинает рыть землю ногами, глаза закатываются под лоб и, вытянувшись, он умирает. Тут же с него сдирают шкуру и вынимают внутренности; и на залитой кровью земле валяются тела оленей, вывороченные шкуры и внутренности.

Стадо оленей у устья р. Марич.

12-го мы снялись с якоря и перешли в бухту Коньям. Бухта глубокая, длинная, окружена высокими горами и представляет прекрасную стоянку для судов. Сделали пробы и в одном месте, в ручье, на дне которого лежало много кварца, нашли знаки золота.

Я сижу и набиваю чучела, а так как птицы быстро портятся, то воздух в моей каюте стал больше, чем неприятный, и Лемашевский говорит, что к нему в каюту доходит вонь. Вечером перешли в бухту Аболешева,

в глубине которой находится чукотское селение в три юрты. Не дойдя до него, мы стали на якорь и на другой день утром отправились на берег на поиски золота, но золота не нашли. Капитан говорил, что ночью, часа в 3, он видел в проливе Сенявина дым, как бы от парохода. Может быть это и «Якут», а мы как раз спустили пары и не можем двинуться. Вернулись мы с поисков на пароход, а обед оказывается съели. Спрашивается, для кого же готовят обед, коли все партии ещё на берегу, а обед съеден. Выходит, только для пароходной прислуги. Младший стюард сегодня ни за что, ни про что ударил по лицу чукчанку; она заплакала и пожаловалась. Бою был сделан выговор, но он рассердился и ответил, что замечания не заслуживает. Поздно вечером вернулся с берега Пикар; он привёз с собою маленького песца, пойманного в горах; хочет вырастить и отвезти в Америку. Ему посчастливилось найти знаки золота, хотя и ничтожные. Весь день наливались пресной водой. Сегодня вдруг оказалось, что вода, налитая для котлов, совершенно солёная. Старший механик сваливал вину на Рейнера, что тот зачерпнул солёной воды, но при пробе из шлюпок вода оказалась пресной. Оказалось, что сам Хине открыл кран и пустил солёную воду. Из-за этого мы простояли ещё часа три. Под вечер мы пошли к мысу Чаплина и заметили судно, идущее туда же. Это оказался «Прогресс»; он шёл из бухты св. Лаврентия, где снял свою партию, и привёз нам известие, что «Якут» стоит в бухте Лаврентия с 9 июля. «Прогресс» передал нам письмо от командира «Якута» г-на Н.¹, где тот сообщал, что пришёл в назначенный срок в бухту Провидения и дожидается нас. Наконец то мы получим русских рабочих! Мы немедленно повернули и пошли на север в бухту св. Лаврентия.

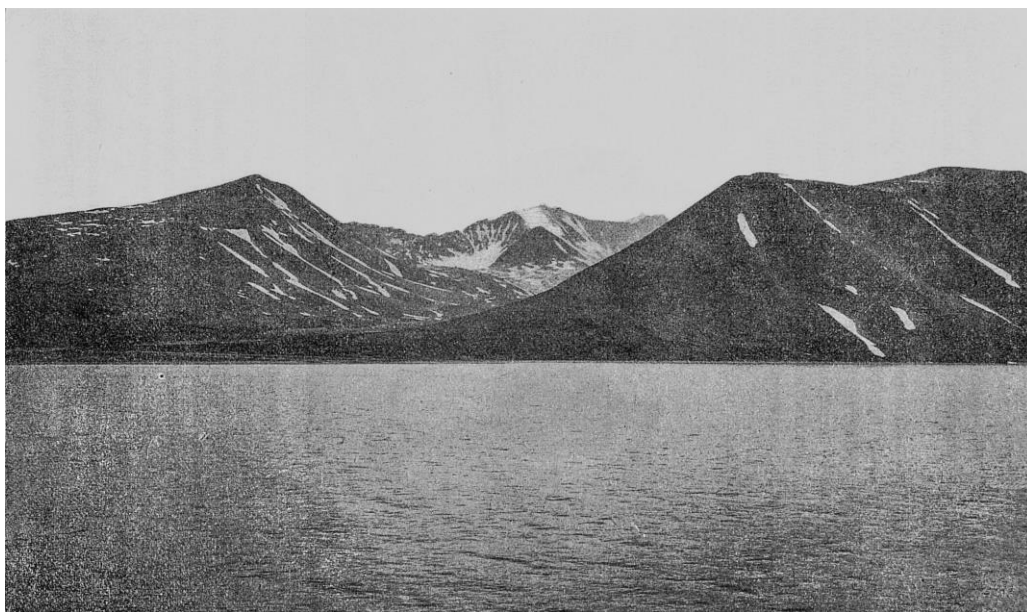
22 июля. Целую неделю я не писал дневника. Как то рассеялся, завертелся — сначала «Якут» был виною, а затем болезнь Лемашевского.

15 утром мы входили в бухту Лаврентия, причём дело не обошлось без курьёза. Капитан не узнал мыса Новосильцева, принял Мечигмен за бухту св. Лаврентия и бросил якорь южнее мыса Новосильцева. Утром ему растолковали в чём дело, и он пошёл в бухту св. Лаврентия, но, встретив там много льда, хотел было уже бросить якорь. Стоило большого труда убедить его продвинуться за остров Литке, где мы заметили стоящее судно.

Льда было действительно очень много, но он был редкий и мы потихоньку пробрались между льдинами за остров Литке. Там стоял «Якут»

¹ Капитан 2-го ранга Александр Александрович Новаковский 1-й. — прим. OCR.

и ещё китобойная шхуна «Корвин». На «Якуте» нас встретили очень любезно и пригласили обедать. С каким удовольствием мы ели щи с кашей и кетовую тёшку, после американской стряпни на «Самоа». В самом деле, почти ежедневные супы из консервированных устриц и конденсированного молока нам так надоели, что и думать о них было противно. Да и офицеры были такие добрые, славные, компания составила дружная, и мы остались ночевать на «Якуте».

Вид в бухте Аболешева.

На «Самоа» у нас неприятность. Захворал старик Лемашевский. Дело началось с пустяков; его ужалил комар, он расчесал укушенное место, а потом растёр его щёткой с мылом; щётку же перед этим таскала по палубе наша собачонка. На месте укуса образовалось небольшое пятнышко, а на другой день на локте появилась зыблющаяся опухоль, температура быстро поднялась. В опухоли показался гной, и мы с врачом «Якута» г-ном Г.¹ сделали разрезы; гной вышел, но воспаление распространялось всё выше и выше, температура поднималась и положение стало серьёзное. Больному уже 65 лет, и это внушает опасение.

Должно быть неприятностям и ссорам у нас на «Самоа» не будет конца. 17 числа мы приняли с «Якута» трёх матросов, пять казаков и двенадцать рабочих. Капитану Jahnsen'у это почему-то очень не понравилось. Не знаю, от неудовольствия ли, или по привычке, он напился.

¹ Коллежский секретарь Павел Иванович Гомзяков (1867-1922), поэт и прозаик, участник Русско-Японской войны, первый врач российского подводного флота. — прим. OCR.

Пьяный он вышел на мостик и, увидав казака, стоящего на вахте у каюты Лемашевского по приказанию Карла Ивановича, начал его гнать вниз. Казак не уходил. Тогда капитан бросился с кулаками на Василия, вышедшего на шум, и между ними произошла баталия. Ещё до этого у капитана была драка с одним из его матросов, причём капитан дрался веслом, а матрос доской и друг друга порядочно поколотили. Капитану всё было мало; увидав, что он не может сладить и казак с мостика не уходит, он схватил револьвер и бросился с ним на казака. Его успели схватить, втолкнуть в его каюту и запереть, а у двери каюты на часы поставили его помощника. Вот каков у нас капитан, и какова же может быть дисциплина! На другой день капитан плакал, просил у Карла Ивановича прощения и клялся на масонской библии больше не пить.

Матросы с транспорта «Якут».

Другой скандал был уже из рук вон — «Якут» ушёл в ночь с 18 на 19-ое, а мы передвинулись к мысу Нуньямо, и послали на берег Мягкова с партией на разведки. 20-го было решено высадить в глубине бухты св. Лаврентии Ляндфильда, Пикара и Скрентона-сына с партией китайцев. Николай, который заведовал выдачей провианта и инструментов, собирал всё нужное для партии и выкладывал на палубу. Ляндфильд потребовал у него выдать ему ещё одну палатку и новые инструменты сверх списка, сделанного Карлом Ивановичем. Николай отказался сделать это

без приказания Карла Ивановича, Ляндфильд приказал Скрентону самому спуститься в трюм и взять, что нужно. Николай загородил дверь. Тогда Ляндфильд командует: «Бей его!».

Скрентон изо всей силы ударяет по лицу Николая, так что разбивает ему в кровь щёку и сшибает с ног. Николай, обезумев от боли и оскорбления, схватывает топор, но на шум сбежался уже народ, и Николая обезоружили. В руках американцев уже блестели револьверы. Вот до чего дошло дело.

Карл Иванович позвал капитана и Стерна и советовал им принять меры, чтобы подобных беспорядков не повторялось. Затем в каюте Карла Ивановича собрались русские члены экспедиции, чтобы разобрать инцидент. Большинством решили заставить Ляндфильда извиниться и дать слово впредь вести себя тихо, а Скрентона-сына высадить в Кэп Номе. Я остался при особом мнении, что надо высадить в Номе обоих. Вечером прошли в глубь бухты Св. Лаврентия и нашли там маленькую парусную шхуну «Веру». Послали урядника с казаками в форме спросить, что это за шхуна. Командир её приехал на «Самоа», и заявил, что они золотоискатели, и пришли сюда, не зная хорошенько о правах концессии В-аго. Карл Иванович, показав документы, просил их удалиться. Те покорились, хотя с большой грустью. По их словам, они понесут 15 тысяч убытка. Шхуна ушла, а за ней ушли и мы, высадив Ляндфильда и Пикара с партией китайцев. В бухте ещё много льду, и когда мы стояли там за островом Литке, то часто приходилось менять места, уходя от льдин.

Мы направились в бухту Мечигмен, которая уже освободилась ото льда; вход в бухту очень тесный между сходящимися с берегов плоскими кошками. Входить было рискованно и поэтому была выслана вперёд шлюпка для промера. За шлюпкой потихоньку мы продвинулись между кошками, но тут капитан почему-то свернул к югу и пароход сел на мель. Пробовали было дать задний ход, чтобы сойти с мели, но оказывается сели плотно и решили ночевать на мели.

24 июня. Вчера только после обеда удалось сняться с мели, заведя с кормы два якоря. Мы перешли в глубь бухты. Вечером заболела наша спутница: жар и кашель. Лемашевскому ежедневно делаю разрезы, но опухоль идёт всё выше, температура очень высока, надежды всё меньше и меньше. Сегодня после обеда удалось выбрать время и съехать на бе-

рег. Какая прелесть там: тишина, тепло, трава, цветы, у берега тихо плещет море, а дальше всё горы и горы, не страшные, чёрные, а нежные, подёрнутые голубой дымкой лёгкого тумана. По траве порхают бабочки, жужжат шмели. Как то не похоже даже, что мы находились под самым полярным кругом. Сегодня самый жаркий день, какой мы наблюдали; на воздухе, в тени 22° С, а в воде 12° С.

Третьего дня и вчера у нас шла усиленная меновая торговля с чукчами. Теперь на нашей улице праздник. Прежде американцы успевали из под нашего носа покупать всё интересное, а теперь у нас есть в числе казаков один — урядник Третьяков, который хорошо говорит по-чукотски, поэтому и мы можем говорить с чукчами. Через него чукчи нам сообщили, что на южном берегу бухты Мечигмен, недалеко от входа в неё, находится каменный уголь, и привезли образчик его. Если это правда, то уже это одно может дать доходы. До Кэп Нома отсюда пути немного более суток, а там тонна угля ценится никак не меньше 25 долларов, а иногда, к зиме цена эта увеличивается вдвое, втрое. Чукчи говорят, что пласт выходит близко к морю; если это так, то это не хуже золота. А золота здесь не оказалось, хотя по мере удаления в глубь бухты, породы резко меняются и может быть там дальше и есть золото. Мягков сегодня просился отпустить его с маленькой лёгкой партией, пройти из бухты Мечигмен в вершину Колючинской губы, но Карл Иванович отказал. Рикард и Стерн с другой стороны уже говорят, что пора бы было идти в Кэп Ном за Робертсом.

26 июля. Вчера вечером высадили Мягкова с партией несколько западнее мыса Новосильцева, а сами пошли в Сенявинский пролив к реке Марич, чтобы налиться пресной водой. Ужасное неудобство не иметь на судне опреснителя, хорошо ещё, что на нашем берегу много удобных мест для наливания водой. У берега, где высадили Мягкова, ещё очень много толстого льду. Карл Иванович осматривал берег и нашёл, что породы недурны.

Сегодня утром мы пришли к речке Марич, но водой не запаслись, так как ветром загнало в лагуну много солёной воды. Чтобы не потратить времени, мы отправились в бухту Коньям и высадили там ещё партию рабочих под начальством Петрова.

День был прекрасный. В воздухе пахнет травой, цветами, пёстрым ковром покрывающими берег. Снег на горах стоял и они пестреют ярко-зелёными пятнами молодой травы. В тундре щебечут птицы. Природа

проснулась после долгого десятимесячного сна под холодным белым покрывалом, и приветливо улыбается солнцу, разбудившему её своими горячими поцелуями. Сам как-то оживаешь и стараешься полной грудью вдохнуть в себя, как можно больше воздуха. На берегу прозрачного, как хрусталь, весело журчащего между камнями, ручья, поставили маленькую, чистенькую палатку.

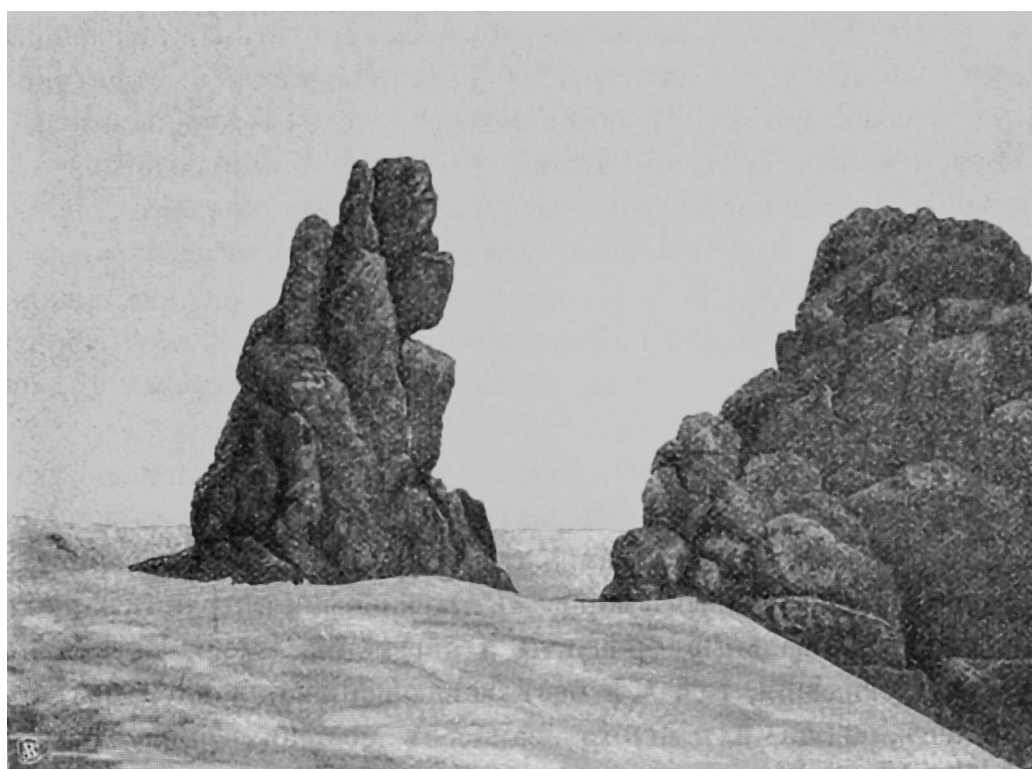

Селение Ендогай на мысе Новосильцева.

С каким бы удовольствием я остался здесь в этой палатке, вместо того, чтобы ворочаться на опротивевший «Самоа», но там меня ждёт Лемашевский, которому я вчера сделал последний разрез почти от плеча до локтя, больше уже негде и резать, а ему всё не лучше, появилась рожистая краснота на левой стороне груди.

Из Каньям-бей мы снова пошли к Марич и в этот раз запаслись водою. К нам с визитом пришли чукчи и один из них, старый знакомый, которому я дал полоскание для рта, теперь искренно жал мне руку, с радостью показывая здоровые уже язык и дёсны. Как немного нужно, чтобы расположить к себе человека, и как обидно, что чукчи совершенно лишены этой самой необходимой помощи. О них как будто совершенно забыли за дальностью расстояния. Ничто не привлекает в этот поистине медвежий угол. Хоть бы золото нашлось. Тогда сюда прибыла бы масса народу, и чукчи получили бы пример более культурной жизни, да и некоторые материальные выгоды. Будь пример, и чукча, конечно,

переменился бы, ведь поняли же чукчи в селении Ендогай, что значить чистоплотность и стали мыть лица, как я выше упоминал. Они к тому же очень доверчиво относятся к советам более культурных людей, многие обращались ко мне и врачу судна «Якут» Г-ву за советом, и мы давали им лекарства с грустным чувством, что все наши средства являются лишь слабыми паллиативами и что мы бессильны перед такими могучими врагами, как суровая природа и полнейшая некультурность. Того, что мы видели до сих пор, достаточно, чтобы сказать, что условия их жизни совершенно антисанитарные. Копоть от освещения их юрт порождает массу глазных болезней, большинство страдает хроническим воспалением век и соединительной оболочки глаза, не редкость и бельма. Обычай спать без одежды на полу вповалку, тесно прижавшись друг к другу, способствует передаче кожных болезней, а так как при их нечистоплотности и негигиеничности костюма кожные болезни являются самыми обыкновенными, то очевидно они и передаются с поразительной лёгкостью.

Гранитные скалы на вершине мыса Новосильцева.

То же можно сказать и о сифилисе. Хотя ко мне никто не обращался с этой болезнью, но, по слухам, она очень распространена здесь и, кроме того, я нашёл на кладбище в бухте Провидения два черепа, на которых видны глубокие, весьма характерные следы сифилиса.

Из детских болезней есть основание предполагать здесь корь. Резкие перемены температуры, душная, наполненная копотью и различными миазмами атмосфера спальни, и переход к страшным, суровым морозам с сильными ветрами снаружи вызывают повальные бронхиты и пневмонии, что я видел в бухте Провидения, где все без исключения кашляли и болели. Наконец, пища их плоха, запасов больших они сделать не в силах, и хронически, ежегодно к весне, они испытывают голодовку; поэтому не мудрено, что у них встречаются различные расстройства пищеварительных органов и цинга. Странно, что русские почти не посещают Чукотского полуострова, хотя бы даже с коммерческими целями; ведь считают же американцы выгодным заходить сюда для меновой торговли. С другой стороны, не мешало бы и правительству обратить внимание сюда, и посылать суда для охраны берегов хотя бы от эксплуататорской торговли иностранцев. А то как будто все забыли об этом отдалённом уголке нашей России и никому до него нет дела. Совсем другое отношение мы видим на противоположном нам американском побережье. Там с самого начала навигации и до конца крейсируют таможенные крейсера, охраняя свои берега. Почему бы и России не завести такие суда?

От речки Марин мы пошли по проливу к мысу Чаплина и по дороге встретили небольшую американскую шхуну «Анонконда». Расспросив её, мы узнали, что она идёт из Кэп Нома для меновой торговли с чукчами. Вот и подтверждение того, что я сказал.

От мыса Чаплина мы взяли курс на Кэп Ном.

30 июля. Всё наше пребывание в Номе было сплошным тяжёлым кошмаром. Едва мы бросили якорь, как явились Уайт и Стерн с Рикардом и пригласили Карла Ивановича в каюту капитана. С первых же слов Уайт начал излагать кондиции, на которых Робертс соглашался ехать. Во первых, он предлагает ехать в Ледовитый Океан, так как он знает, что золото там есть. Во вторых, он сам желает распоряжаться американцами и китайцами. Наконец, он требует, чтобы по окончании розысков в Ледовитом Океане его доставили в Ном и точно назначили день возвращения.

На два первых условия Карл Иванович согласился, но от третьего наотрез отказался, и прекрасно сделал, так как дальнейшие события по-

казали, что в Ном лучше не приезжать. Эти события — скандалы, которые ежедневно делал наш капитан Jahnsen. В первый же день он привёз на «Самоа» какую-то весьма подозрительную даму и они вместе обедали в кают-компании; вечером, отвезя её на берег, он вернулся совершенно пьяный и стал кричать на весь пароход, что он не собака, чтобы работать по праздникам, что он не желает продолжать экспедиции и остаётся в Номе; пусть ищут другого командира.

Разбудил меня и Альфреда Марковича, опять гнал с мостика вахтенного казака и долго ещё не мог успокоиться. На другой день он покорился и повёл судно несколько южнее Номы; возвращаясь обратно в Ном он страшно торопился на свидание и едва не разбился. Я сидел в своей каюте, вдруг чувствую, как сразу дали стоп машине. Выбегаю на палубу — оказывается мы полным ходом неслись на берег и свернули, когда до него оставалось только несколько сажен. Ещё минута, и мы бы разбились. Вечером он опять привёз на пароход свою даму, и она оставалась здесь всю ночь, а утром, накормив и напоив, он торжественно доставил её на пароход, идущий в С.-Франциско. Вообще, он ничем не стесняется. Жители Номы смеются над нами, так как вокруг «Самоа» всегда плавают масса бутылок. Словом, он превратил наш пароход в какой-то неприличный кабак.

Но это ещё не всё. Сегодня он отправился на берег в таможенную и заявил, что на «Самоа» находятся вооружённые ружьями и револьверами русские матросы и казаки, попавшие на судно без его ведома и желания. Вернулся он в сопровождении таможенного чиновника, который заявил Карлу Ивановичу, что по американским законам в их водах иностранцы не могут быть вооружёнными, и что на основании заявления капитана о нежелании иметь на судне вооружённых иностранцев, он просит выдать ему всё оружие. Карл Иванович заметил ему, что солдаты даны русским правительством для защиты интересов концессии и потому оружие им нужно, а судно зафрахтовано для экспедиции на русских берегах, следовательно русские на нём могут иметь оружие. Тогда капитан просто отказался идти, и предложил Карлу Ивановичу искать другого командира, которому он сдал бы судно.

— Пусть капитан изложит свой отказ письменно — сказал Карл Иванович.

— Этого я не желаю — ответил Jahnsen.

— В таком случае, я прошу таможенного чиновника, быть свидетелем вашего отказа.

— Но я отказываюсь только в том случае, если вы не довольны мной. Тогда я бросаю оба якоря и жду, кого пришлёт мой хозяин Ганефе.

Видя, что Jahnsen пьян и желая кончить разговор, чиновник сказал ему:

— Пока вы в американских водах, вы можете взять у русских оружие, или при мне поручить кому-нибудь это.

— А вот доктор может взять это на себя, я ему доверяю, — говорит Jahnsen.

— Ну, вот и отлично, — заключил чиновник, и, отведя в сторону Альфреда Марковича, шепнул ему:

— Я вижу, что капитан пьян, и советую вам уходить скорее отсюда, чтобы он не сделал ещё какого-нибудь скандала.

Вечером все собрались и мы снялись с якоря. Тут-то и вышел финал. Я только что кончил перевязку Лемашевскому, и он заснул, вдруг слышу, наш «Самоа» свистит изо всей мочи. Бегу на мостик и прошу капитана не свистать так, чтобы не будить больного, Карл Иванович просит тоже, выбегают Уайт и Стерн, но капитан продолжает неистово свистеть каждому пароходу.

— Я здесь на мостике хозяин! Я знаю, что делаю, — кричит он.

Карл Иванович, зелёный от злости, вбегает на мостик.

— Перестаньте же, наконец, свистеть.

— Убирайтесь отсюда, я здесь хозяин, — отвечал капитан.

— Goddam, с...н с...н, слушай же, наконец, что тебе говорят — кричит вне себя Карл Иванович.

— Я здесь хозяин, что хочу, то и делаю! Стоп! Отдать якорь! — ревёт капитан.

В это время мы с разбега чуть чуть не врезались в корму другого судна и свернули, пройдя саженьях в двух от его борта.

Команда высыпала вся наверх, но приказание капитана исполнено не было, якорь не бросили. Уайт и Стерн увели капитана в каюту, успокоили его, а на мостике остался бедный Вейнер, которому приходится работать и за себя и за капитана, причём он получает жалованья всего 90 долларов в месяц. Если сравнить с тем жалованьем, какое получают наши американцы, просто обидно становится за него; например, Даулен

получает тысячу долларов в месяц, Ляндфильд — 500 долларов, плотник Скрентон и Пикар по 250 доллар. и даже мальчишка Скрентон получал по 100 долларов в месяц.

Наконец-то мы ушли из Нома и идём теперь в Кэп-Йорк, посмотреть прииски. Настроение у всех самое тяжёлое. Работа до сих пор не спорится; отношения с американцами натянуты донельзя, капитан Бог знает что делает, и в конце концов болезнь Лемашевского, которому всё ещё не лучше. Температура высокая, нервен и капризен стал ужасно — чем всё это кончится?

Селение у устья речки Нуньямо в заливе Св. Лаврентия.

5 августа. Обстоятельства поправляются, Лемашевскому стало лучше, опухоль уменьшается, температура падает. Снова является надежда, что он останется жив, и это доставляет нам большое утешение в нашем неприятном положении. За эти дни мы много поплавали. От Кэп Нома прошли к Кэп-Йорку, и оттуда перешли через Берингов пролив в бухту Св. Лаврентия. Благодаря туману, мы целую ночь не могли войти в бухту и только утром 1 августа прошли в глубь бухты к стоянке Ляндфильда, чтоб снять партию. Золота Ляндфильд здесь не нашёл, хотя его ответ имеет мало цены. Они работают уж чересчур поверхностно, не глубже 5 футов, да и то кажется занимались больше набивкой

чучел оленя. Сняв партию, мы пошли к мысу Новосильцева за Мягковым. В этот день Робертс, промывая песок с того места, где был оставлен Мягков, нашёл в нём две золотники. Этого было вполне достаточно, чтобы американцы пришли в азарт. В каюту Карла Ивановича прибежал Стерн; его лицо, всегда такое благообразное, стало жадным, он задыхался и, как горохом, сыпал словами.

— Золото, золото, м-г. Богданович, Робертс нашёл золото!

— Где он нашёл его?

— В песке, где остался м-г. Мягков.

Побежали на палубу, а там уже собрались все американцы и рассматривают в лупу песок в блюдечке.

— Вот оно, вот оно — золото. Робертс только песок увидел и говорит: тут есть золото, а он не ошибётся.

В песке действительно видны две маленькие золотинки.

— Скорее туда, к Мягкову, — торопят американцы.

И мы пошли полным ходом по бухте; но едва вышли из неё, как наш «Самоа» начало швырять, как мячик. Вокруг туман, ветер крепнет. Под вечер подошли к стоянке Мягкова. На палубу вышел капитан.

— Ветер крепкий и волнение большое, на шлюпке ехать опасно, пождём до завтра — говорит он.

И почти вслед за его словами мы видим, как от берега отделяется шлюпка и, ныряя в волнах, то совершенно исчезая, то взлетая на вершину волны и как будто совсем от неё отделяясь, направляется к нам.

Через полчаса Мягков, загорелый, покрасневший от ветра, входит на палубу.

— Золота нет — слышится его голос.

Американцы не верят и решают все отправиться на берег.

На другой день все поехали и даже бур с собой захватили, пресловутый и знаменитый бур Робертса, о котором так много они говорили. После обеда отправились на берег и мы, немного поколесили в тумане, и подъехали к русскому флагу, одиноко развевавшемуся на берегу.

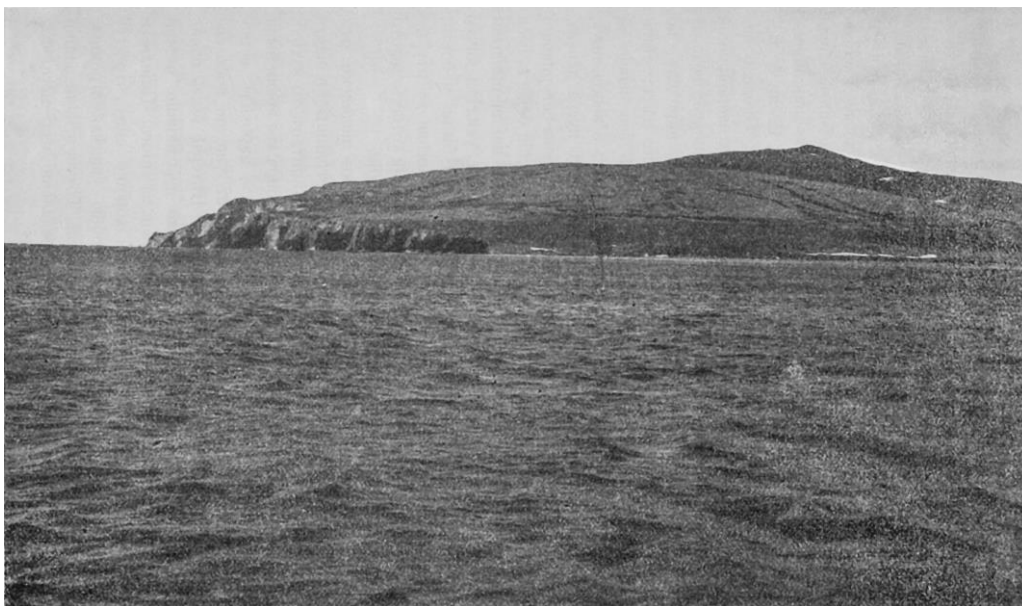
Оказывается, золота американцы не нашли, а бур, гордость Робертса, оказался настолько негодным для работы, что с досады его бросили на берегу; а ведь за него заплатили 400 долларов. Осмотрев ещё бич, мы вернулись на пароход, и, переговорив, решили действовать так: на этом месте оставить Николая с полупартией, а Мягков с другой половиной

садится на судно, и мы идём на север. Море совершенно очистилось, не видно уже ни одной льдинки.

Сняв Мягкова с рабочими и дополнив запас Николая, мы взяли якорь и перешли к мысу Литке. Утром стоял густой туман, закрывавший от глаз всё окружающее. Рассчитав, что берег должен быть от нас на западе, мы на двух шлюпках отправились на исследование. Когда мы отошли от парохода и очутились среди густого тумана, молочно белым покрывалом опутавшего лодку и оставившего нам кругозор в несколько сажен, мне показалось, что мы более, чем когда-либо, отрезаны от мира. Если компас соврёт, мы можем вместо берега уйти в море и будем там носиться, кто знает, сколько времени. А если поднимется шторм, выдержим ли мы. Тем более, что мы против всяких правил не взяли ни воды, ни хлеба; так и случилось: от качки и неровной гребли компас стал вертеться кругом. Хорошо, что мы вспомнили, что у нас в карманах маленькие ручные бусоли; они нам помогли, и через несколько времени впереди нас послышался глухой шум прибоя, а затем показались огромные, мрачные прибрежные скалы, отвесно падающие в море. Массы птиц с резкими криками срывались с них, испуганные нашими голосами и кружились над головами. Мы повернули па север и скоро пошли под скалами. Версты через две, скалы окончились, и мы пристали к пологому берегу в устье небольшой речки. Весь берег был покрыт розовыми пятнами гранатного песка, но при промывке золота не оказалось, а глубоко забивать шурфы мы не могли, так как не имели с собой даже простой помпы. Поднявшийся ветер разогнал туман, вышло солнце и перед нашими глазами открылась дивная картина. Суровое зеленоватое море гонит свои холодные волны на могучие прямые скалы, и дробясь у их подножья белой пеной брызжет вверх, а дальше за мысом Литке видна небольшая спокойная бухточка, окружённая пологими зелёными горами. У скал стаями летают топорки, бакланы, утки, всевозможные чайки.

На следующий день (4 авг.) мы перешли немного севернее, под мыс Дежнёва (мыс Восточный) и две партии, русская и американская, отправились на разведки. Туманно и холодно, дует свежий ветер и волнение усиливается. Около полудня капитан, не говоря ни слова, взял якорь и перешёл на милю к северу. Было уже около 3-х часов, а наши приискатели ещё не возвратились, да и как они найдут теперь «Самоа», если он переменил место, а туман такой, что в десяти саженях ничего не видно.

Попросил капитана давать свистки сиреной; начали раздаваться один за другим отчаянные вопли сирены. Часа в четыре показалась шлюпка с американцами, пришедшими на свисток, а наших всё нет. Стали беспокоиться, не заблудились ли, это так нетрудно. Около 6 часов показалась, наконец, шлюпка со стороны, противоположной берегу. Так действительно и вышло, они заблудились; возвращаясь с берега, они взяли обратный курс на пароход, но его не нашли, конечно. Ехали часа два, а его всё нет; стали уставать. Что же оставалось делать? В тумане всё равно не найдёшь судно, приходилось ворочаться на берег и ждать там, пока прояснится, ждать без куска хлеба, без куска дерева, чтобы хоть согреть воду. А здесь на берегах дерева совершенно не выкидывает. Завидно смотреть на американский берег, весь заваленный плавуном. Совсем было приуныли наши, поплыли обратно, но вот дунул ветер и вдалеке Карл Иванович увидел мачту судна. Поспешно взяли курс и через полчаса были у борта, измученные, голодные, так как с утра не имели во рту ни макового зёрнышка. Зато они принесли хороший ответ: золото встречается в каждом лотке, хотя и очень мелкое.

Мыс Дежнёва (Восточный) с севера.

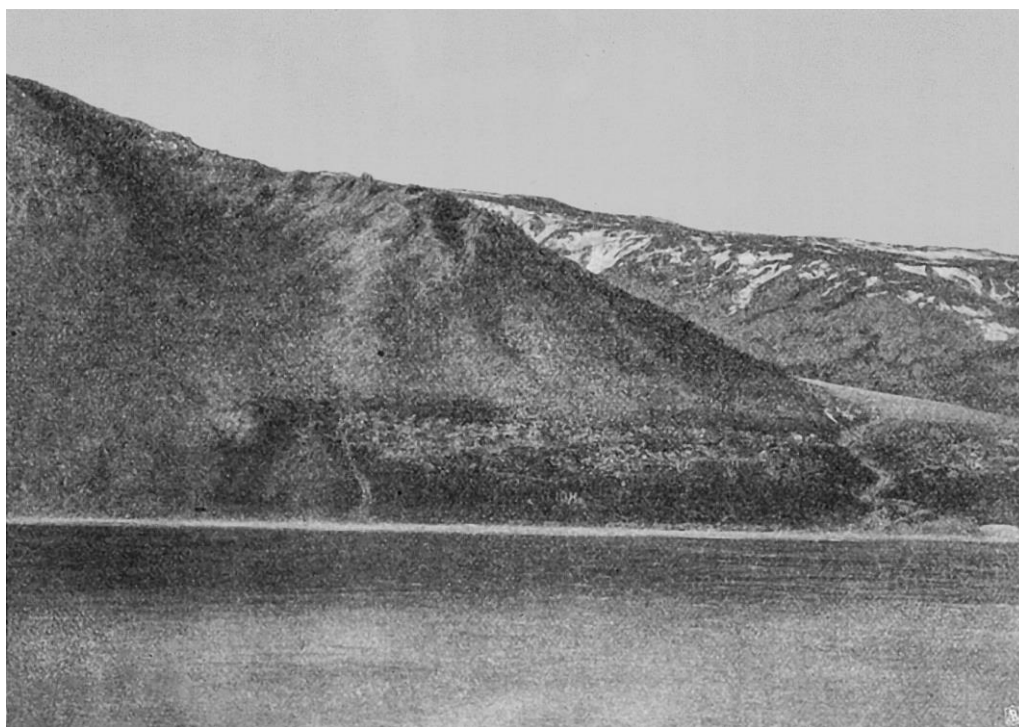
Ночью мы обходили мыс Дежнёва. Шли мы недалеко от берега, закутанного туманом. Ветер был страшный и наш несчастный «Самоа» качался немилосердно. Капитан то и дело останавливал пароход и бросал лот. Глубина всё время была около 30 сажен. Во время этих остановок, пароход ворочало ветром, относило, и капитан наконец уже не мог со-

образить, в каком месте мы находимся. Ветер был очень силен, оставаться на якоре в море было невозможно, нужно было зайти за мыс Дежнёва и укрыться за ним. Пошли и чуть было не врезались в самый мыс; хорошо ещё, что туман разорвался, и мы прямо перед собою увидели огромные отвесы мыса и слышали шум прибоя. Тотчас дали задний ход и стали обходить мыс, держась подальше от него. К утру волнение усилилось и наш вельбот, висевший на шлюпбалках, смыло волной; пришлось в темноте искать его, а теперь ночи уже стали темнее; но, не смотря на волнение, нашли и снова подняли на палубу, пропавшими же оказались только четыре весла. Весь обход продолжался четырнадцать часов. Но когда, сегодня утром, туман рассеялся, то оказалось, что мы прошли миль на десять севернее, и должны были возвращаться. Бросили якорь против селения Уэллен, расположенного под самым мысом Дежнёва с северной его стороны. Селение это состоит из нескольких юрт. Чукчи имеют вид здоровый, крепкий, и очевидно живут более или менее достаточно; это видно по объёму их юрт и товарам, которые они привезли нам на судно; чукчи здесь совершенно не имеют признаков монгольского племени. Они высоки, плотны, глаза прорезаны прямо, скулы совсем не выдаются, нос продолговатый, хотя и с низкой переносицей; кожа лица загорелая, тёмная, но кожа тела белая, почти как у европейца. Волосы носят так же, как и другие чукчи, живущие южнее. Некоторые говорят по-английски, но плохо, и никто по-русски. Только один приветствовал нас, говоря: «здорово». Американцы очевидно нередко посещают их, так как у них имеются и вельботы и ружья Винчестер в достаточном количестве.

Весь день у нас на судне толпились чукчи, обменивая свои товары. Я не торгуясь давал им столько, сколько они запрашивали; купил пять шкур песцов за 6 кирпичей чаю, и четыре больших моржовых клыка за 4 кирпича; собственно говоря, это страшно дёшево, и немудрено, что американские китобои не упускают случая вести меновую торговлю с чукчами. Любопытнее всего мы купили большую шкуру белого медведя. Чукча просил за неё ружьё Винчестер 44 калибра, мы давали ему ружьё, чехол, патронташ и коробку патронов, но чукча не взял этого, говоря, что ружьё слишком легко и мало, а ему нужно длинное, тяжёлое ружьё. Долго он торговался, мы даже на берег успели съехать, наконец согласился отдать шкуру за 80 кирпичей чаю, т.е. почти вдвое дешевле, чем мы ему предлагали. Вообще в их торговле нет никакой правильной

оценки; берут они то, что им нужно в данное время и часто гораздо меньше по стоимости, чем им предлагают. Иногда их требования очень курьёзны. У одного из наших матросов, они отрезали почти все пуговицы с его бушлата, надавав ему разных шкурок, ремней и разной разности. Тут же мы накупили целую коллекцию мелких фигурок из моржовой кости, весьма искусно вырезанных ножом. Фигурки изображали разных животных: оленей, собак, лисиц, тюленей, головы моржей, птиц, даже целые упряжки собак с нартами, и всё это за каких-нибудь два-три кирпича чаю, горсть бисеру, плохонькие ножи и тому подобные малочценные предметы. Американцы наши торговали широко. Несмотря на то, что мы им часто говорили о запрещении выменивать на спирт, они очень ловко и незаметно это производили, уводя чукчей к себе в каюты, или уходя на берег и выменивая товары в юртах. Наша спутница заметила, как Уайт угощал на берегу чукчей виски, а Рейнер привёз что-то похожее на бутылки в маленьком саквояже. Младший помощник даже лучше ухитрился. Я ему как-то дал резиновый мешок для горячей воды, употребляемый вместо согревающего компресса, а он им воспользовался потом для перевозки в нём на берег виски.

Пробовали искать золото; забили шурф футов 6 глубины, но ни золота, ни шлихов, не оказалось.

Селение Нуукан на мысе Дежнёва.

6 августа. Сегодня мы подвинулись на несколько миль к северу и стали в устье большой лагуны, намереваясь запастись пресной водой. Карл Иванович и Мягков уехали на берег для разведок ещё с утра, а в полдень весёлой компанией тронулись на берег и американцы. Через несколько времени с берега послышалась страшная пальба — это они работали. Собственно, они почти всегда так работают; к полудню собираются, берут с собой обильный запас вина, пива, закусок и ружья. На берегу прежде всего охотятся, а потом уже принимаются за исследование, но глубже трёх-четырёх футов они не идут и возвращаются обратно.

Разведка на берегу к югу от мыса Дежнёва.

Запастись водой не удалось. Ветер поднялся сильный и капитан, взявшийся управлять катером, в устье лагуны посадил его на мель; большого труда стоило с неё сняться. В самой лагуне наши чуть не опрокинулись и едва-едва выбились. К вечеру снялись с якоря и пошли дальше к северу. Воды пресной на судне уже почти не было, а та, что была, уже испортилась. Надо было идти прямо в Колючинскую тубу, где есть речки.

Идя около берега, капитан заметил воду, падающую со скалы, и остановили судно.

— Вот где мы можем запастись водой, — обрадовался он.

Вода с высокой скалы падала в море и с первого же взгляда, видно было, что взять её невозможно. Я высказал своё мнение, но капитан ответил:

— Я шестнадцать лет хожу по берегам Калифорнии и очень часто беру воду из водопадов.

Я остался при своём мнении и даже подержал пари на полдоллара с помощником, что воды они не возьмут. После ужина решили осмотреть место; поехали почти все; вода с высоты саженей 10, с силой падала на каменную плиту, около которой была только небольшая полоса песку. И высадиться-то было трудно в бурунах, а они ещё хотели взять воду, невзирая на страшную силу, с которой она падала. Но капитан заупрямился:

— Я сказал, что возьму — и возьму! Завтра утром сколотим жёлоб, подставим его под струю, и нальём шлюпки.

Пришлось уступить и мы остались ночевать на якорь. Ночи стали уже тёмные, длинные, кругом стоит туман, по палубе барабанить дождик. Температура воды уже только 34° F (1° C).

11 августа. Стоим мы в Колючинской губе и ждём хорошей погоды, чтобы можно было выбраться отсюда и уйти к югу. Два последние дня дул сильный NW и не было возможности даже спустить шлюпку. Сегодня вечером ветер утих, и Мягков, чтобы не терять времени, в полночь отправился на катере на берег.

Я остановился в дневнике на том, как мы стояли у берега, думая брать воду. Конечно, как и надо было ожидать, это оказалось невозможным. В семь часов утра ветер усилился, а капитан, проигравший накануне до полночи в карты, поднялся только в девять часов. Стали готовить лотки для приёма воды, сделали, уложили и отправились; через четверть часа вернулись обратно.

— Ну что же, много взяли? — спрашиваем.

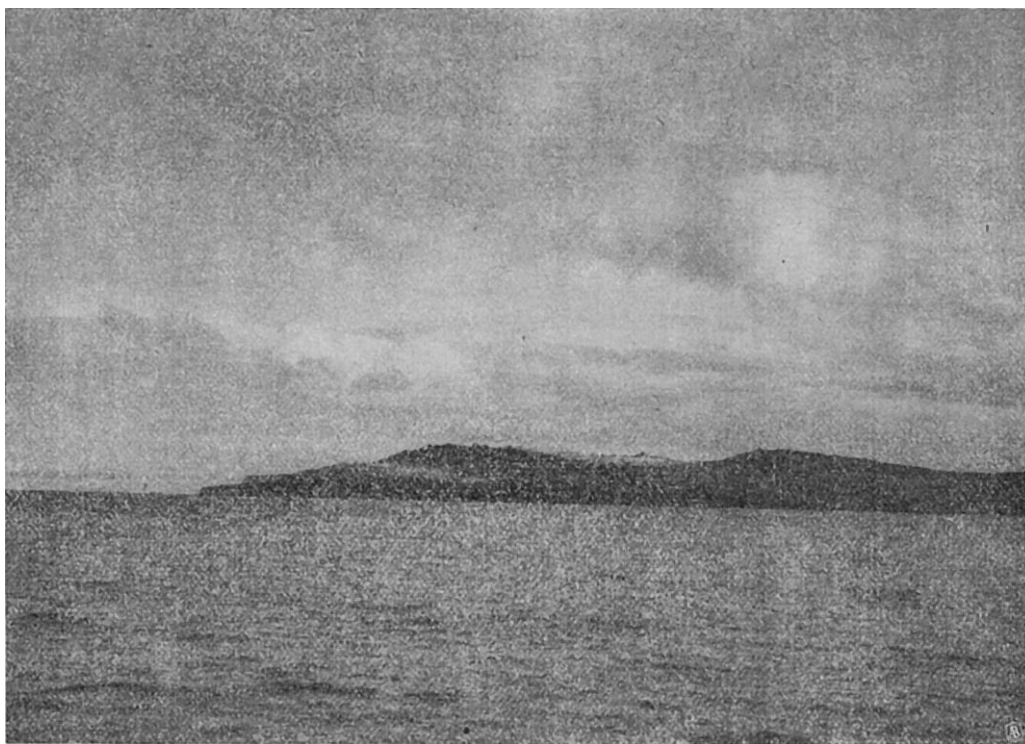
— Невозможно, буруны сильные, подойти нельзя — отвечает помощник.

— Слава Богу, теперь у нас много воды и какой прекрасной! — обращается к капитану Мягков, выходя на палубу.

Капитан проворчал что-то и ушёл на мостик. Взяли якорь и пошли на север, потеряв, благодаря упрямству капитана, около 18 часов. К вечеру

мы обходили мыс Сердце-Камень. Он имеет весьма характерную физиономию: вся его вершина как щетиной покрыта отдельными камнями, издали кажущимися как будто башенками.

За Сердце-Камнем мы попали в густой туман, из за которого не нашли входа в Колючинскую губу и принуждены были провести ночь на якоре в открытом море; а ветер всё крепчал, качка стала очень сильной. На другой день туман стал редеть, и мы пошли ближе к берегу, но не скоро ещё попали в бухту. Оказывается, что вход в неё совершенно не похож на то, что показано на картах. На всех картах вход показан шириною в несколько десятков миль, на самом же деле вход имеет всего мили две-три в ширину. Хорошо ещё, что мы не рискнули идти ночью, и не было шторма, а очень немудрено было вылететь на берег и разбиться.

Мыс Сердце-Камень в Сев. Ледовитом Океане.

И странное дело, на всех картах этот вход одинаково показан очень широким. А ведь столетие тому назад, здесь была русская экспедиция под начальством капитана Биллингса, и в её описании, составленном капитаном Сарычевым, говорится на стр. 30-ой: «Устье Колючинской губы имеет ширины 4 мили» (из записок сержанта Гилева). Очевидно, это сведение было положительно всеми оставлено без внимания, а в руководство были приняты позднейшие сведения. Норденшильд, зимовавший в этих местах, исследовал Колючинскую губу зимой, когда она была покрыта льдом и снегом, и, очевидно, не заметил двух длинных

кошек, идущих с запада и с востока, и сужающих вход в бухту. Кошки, на самом деле, очень низкие, и их немудрено не заметить зимой. Они покрыты тощей растительностью, и массой мелких озёр пресной воды, которой мы и запаслись. Вечером съехали на берег поохотиться и набили из четырёх ружей около двухсот куликов. Их здесь такая масса, что просто некогда ружья зарядить, и они совсем не напуганы. Из четырёх пород куликов здесь есть одна очень интересная: кулик-колпик; с носом расплюснутым в маленькую овальную лопаточку. Берега кошки покрыты массой выкидного леса, местами лежат целые кучи огромных стволов. В этом отношении берег Ледовитого океана гораздо счастливее берега Берингова моря и пролива, где море не выкидывает ни щепки. На кошках виднеются следы прежних жилищ чукчей, по новых селений нигде не видно. Золота на кошке не нашли, хотя Ляндфильду посчастливилось найти три золотишки, которые он и показывал в лотке. Мерзлота здесь начинается четверти на две под поверхностью. На другой день воду уже нельзя было брать; ветер подул сильный с северо-запада, температура сразу низко упала. Волны расходились и в бухте. Наш «Самоа» качается с боку на бок, как в открытом море. Картина стала угрюмой; мутно-зелёные волны шумят у борта, без перерыва, как будто ворчат, что ветер их поднял; небо всё закутано облаками, вокруг стеной стал пепельно-серый туман; ветер обдаёт палубу холодным дождём, яростно свистя и шипя теребит снасти, сердито хлопает дверями, стучится в окна. Если выйдешь на палубу, он сейчас же забирается под пальто, старается сорвать шапку.

Сегодня ветер с утра стал осыпая нас снегом — это первый снег. К вечеру, когда ветер стих и туман поднялся, мы увидели, что горы уже покрыты снегом. Надо собираться и уходить отсюда, потому что температура всё падает, ветер дует северо-западный и может скоро принести льды, которые всегда толпятся у земли Врангеля. Норденшильд остался зимовать здесь потому, что не заметил, как принесло ветром льды и отрезало ему путь к Берингову проливу.

Мы провели время здесь всё-таки не даром. Мягков снял вход в бухту и ближайшие берега, сделал промеры и вообще исправил карту, так что теперь можно безопасно входить в бухту. Бухта для стоянки очень хороша; она широка, а в длину и конца её не видно; фарватер глубиною 15 саж. и больше, идёт по западному берегу, саженьях в двухстах от кошки,

к восточному же становится мельче. Бухта окружена невысокими горами с закруглёнными вершинами, на юго-западе виднеются более высокие горы.

Чукотская байдара и палатка.

19 августа. Стоим в малом проливе Сенявина, запасаемся свежим мясом, водой и чистим машину. Из Колючинской губы мы вышли 11-го, только что улёгся ветер. Подходя к Сердце-Камню, мы увидели в море стада моржей в несколько десятков голов; издали ещё были видны их огромные клыки, достигающие иногда до 14 вершков длины. Это был первый и единственный случай, что мы видели моржей. У Сердце-Камня постояли недолго, пока Карл Иванович осматривал берег; ещё остановка была на следующий день у селения Нуукан, расположенного на самом мысе Дежнёва, на небольшой площадке среди скал. Тотчас же нас окружила целая флотилия шлюпок, нагруженных шкурами. Торговля пошла страшная, накупили массу шкур; удивительно дёшево иногда можно покупать шкуры. Мне удалось купить шкуру белого медведя за 10 кирпичей чая, 8 фунтов сахара и охотничий нож. Шкура была прекрасная, длины от хвоста до головы 4 аршина с чем-то, и с густой желтоватой шерстью; такую же шкуру Лемашевский, теперь выздоравливающий к нашему общему удовольствию, выменял за 18 кирпичей чая. Хорошо выделанная оленья шкура стоит обыкновенно 1 кирпич чая, столько же стоит шкура лисы или песца. Вообще, дешевизна страшная, и американцы пользуются ею в широком размере, при всяком удобном случае пуская в ход виски, за которые здесь всё можно купить. Не мешало бы сюда заглядывать русским, это было бы выгодно и для них и для чукчей.

Чукчи плывут за судном.

Окончив торговлю, мы направились к югу, к плоскому берегу, который находится под мысом Дежнёва, где нашими было найдено золото. Накануне Карл Иванович дал приказание Пикару выйти на этот берег с партией китайцев, и Альфред Маркович приготовил всё необходимое для снаряжения партии ещё накануне. Когда же мы подошли к назначенному месту, Пикар говорит:

— Мистер Робертс запретил мне высаживаться на берег.

— Тогда пусть Пикар напишет мне, что Робертс запрещает ему повиноваться мне, — говорит Карл Иванович.

Пикар ушёл и через несколько минут вернулся.

— Робертс запретил мне давать что-нибудь письменно.

— Тогда вы повторите это устно при свидетелях.

— Хорошо, я согласен. — И он повторил.

Итак, американцы прямо уже отказываются работать, отказываются повиноваться Карлу Ивановичу. Ну, что-ж делать? Силой работать не заставишь, а времени тратить нельзя, его мало уже остаётся, надо как можно скорей работать.

Карл Иванович приказал готовиться на работу всем русским и всем китайцам.

Через несколько времени в каюту Карла Ивановичу является китайский босс, т.е. подрядчик их артели и говорит ему.

— Мы нанимались на работу у мистера Робертса, и раз мистер Робертс прекратил работы, то прекращаем и мы, потому что хозяином считаем его.

Таким образом и американцы и китайцы работать отказались, а у нас остается только трое русских рабочих.

Тогда Карл Иванович посылает на работу казаков и русских матросов, и они без ропота, с видимым удовольствием едут на берег. Вообще надо отдать справедливость, наши русские рабочие и солдаты не только отличаются прекрасной дисциплиной, но даже прямо интересом к работе, желанием работать. Жаль, что не все рабочие у нас; две партии Николая и Петрова ещё не сняты, а если бы они были тогда с нами, мы не особенно бы огорчились отказом китайцев и американцев, всё равно никуда негодных, как работники. Мы все съехали на берег. Поставили рокер, забили шурф и работа началась. При шурфе остался Карл Иванович, а мы с Мягковым отправились осматривать соседние речки, он к югу, я к северу по берегу. Порода в речках оказалась оказалась очень хорошими. Всё дно речек состояло из кварца, слюдяного сланца и гнейса, и раз золото есть на самом берегу при устье этих речек, то надо думать, что его ещё больше в верховьях их.

Не обращая внимания на забастовку большей половины экспедиции, русские продолжали работать на этом месте два дня, пока ясно не убедились, что золото здесь действительно есть, и взяли для промывки в Петербурге несколько пудов песков.

Робертсу и компании надоело сидеть на одном месте, и они заявили, что требуют отвезти их в Кэп Ном и высадить, так как экспедицию считают оконченной. Карл Иванович ответил им, что он в Кэп Ном не пойдёт; во-первых, потому, что надо ещё идти снимать партию Николая и Петрова, нельзя же их бросать на берегу, а во вторых, времени осталось мало, осмотреть же надо ещё весь южный берег полуострова от бухты Провидения до реки Анадыря, поэтому нельзя тратить время на поездку в Ном. Американцы говорили, что это посягательство на их свободу, и что они требуют у капитана, как их согражданина, немедленно доставить их на американский берег.

Карл Иванович ответил на это, что, как члены экспедиции, они должны подчиняться её начальнику, и посягательства на их свободу он не видит никакого, а капитан в силу контракта также должен ему подчиняться.

Тогда американцы умолкли.

От мыса Дежнёва мы пришли к партии Николая, оставленной под мысом Новосильцева и сняли её. Партия работала усердию, забивала шурфы в 26 четвертей глубины, но золота не нашла. Отсюда мы прошли

в бухту Коньям-Бсй за партией Петрова, которая сидела на берегу уже около трёх недель.

Золота они также не нашли, хотя втроем за это время забили до 30 шурфов и некоторые из них до 22 четвертей глубины.

Теперь мы собрались все, и можно было идти на разведки южного берега. Оставалось запастись водой, оленями, и почистить машину, которая уже месяц была не чищена. Чтобы не потерять ни одного дня, мы перешли в малый пролив Сенявина и стали около острова Шурлука, против входа в третью, неописанную ещё бухту.

Рабочие были разделены на три партии и посланы на берег, китайцы также наконец уступили и несколько человек вышли на работу.

Американцы твёрдо стоят на своём. Им впрочем недурно живётся. Пьют, едят, играют в карты, для развлечения ездят на берег поохотиться, погулять, торгуют с чукчами, пользуясь нашим отсутствием, и накупили уже несколько ящиков шкур. Сегодня ездили в селение на острове Шурлуке, и Даулен променял свои ружья, которые ему были выданы для экспедиции, на шкуры.

Они очень любезны, заходят ко мне в каюту, разговаривают. Особенно Уайт. Он всё время делится со мной своими восторгами от окружающей нас картины.

— Это превосходно, это поразительно красиво, точно в Швейцарии! — восклицает он.

Вокруг действительно очень хорошо, и несколько напоминает швейцарские озёра, хотя, конечно, не в тех грандиозных размерах.

Теперь у нас машина вычищена, вода запасена, мясо куплено. В 9 часов вечера мы снялись с якоря и потихоньку идём проливом, чтобы завтра утром быть в бухте Провидения.

ГЛАВА VII

Наш арест в Номе

Мы становимся пиратами — Суд.

20 августа. Нас насильно везут в Кэп Ном. Вчера мы все спокойно разошлись по каютам и заснули, в надежде проснуться в бухте Провидения. Просыпаюсь сегодня утром и чувствую, что пароход идёт на всех парах. Что это значит? Ведь, судя по времени, мы должны уже стоять в

бухте. Бросаюсь к компасу — оказывается идём на восток. Куда же это? Конечно, в Кэп Ном. Выскакиваю на палубу, вокруг вода, берега не видно. Так и есть, нас везут в Ном.

Спускаясь в кают-компанию, встречаю Мягкова.

— Ты знаешь, — говорит он, — что мы идём в Ном?

— Знаю, я по компасу увидел это.

— Ведь это чёрт знает, что такое! Ведь это насилие! Я после этого руки им подавать не буду.

В это время входит Рикар.

— Good morning Mr. Micgkoff!

Мягков поворачивается к нему спиной, Рикар уходит из столовой.

Проглотив чашку кофе, выхожу на палубу и встречаю Альфреда Марковича.

— Знаете вы, что мы идём в К. Ном?

— Не может быть?! — изумился он и даже глаза протёр себе.

— Я вам верно говорю.

— Что же это значит?

— А вот потом увидим.

Подходит Карл Иванович.

— После перевязки заходите ко мне в каюту все, и мы обсудим наше положение.

Собрались все. Мягков из себя выходит.

— Позвольте, Карл Иванович, мы силой заставим их повернуть, ведь сила на нашей стороне, у нас много ружей и людей.

Нет, это невозможно. Они могут не испугаться угрозы, и выйдет кровопролитие. Я не сомневаюсь, что мы возьмём верх, но прольётся много крови и за это в ответе будем мы. Мы должны будем завладеть судном, и поверьте, что тогда мы будем кругом виноваты и никто за нас не заступится. Лучше вытерпеть сейчас обиду и дипломатически окончить это дело. Раз мы правы, то нет сомнения, мы можем с честью выйти из этого неприятного положения.

Альфред Маркович пошёл наверх пригласить для объяснений капитана, который стоял на мостике, окружённый всей оравой американцев. Они, оказывается, всю ночь провели тут. Капитан ответил, что не пойдёт и обернулся к нему спиной.

Тогда Карл Иванович посылает к нему с письмом казака — Jahnсен письма не принимает и отсылает его обратно. В каюту является Ляндфильд.

— Капитан желает говорить с вами, Карл Иванович, у себя в каюте! — говорит он.

— Я желаю от него официального ответа через помощника, отвечает Карл Иванович. Через несколько минут является старший помощник и говорит:

Капитан желает говорить с Богдановичем в своей каюте, в присутствии Альфреда Марковича и ещё одного русского свидетеля, причём он будет иметь также одного свидетеля.

— Нет, — говорит Карл Иванович, это мне не удобно, — пусть он придёт сюда.

Рейнер снова возвращается.

— Капитан говорит, что отныне не считает вас начальником экспедиции, а только пассажиром и поэтому, если вы желаете, он будет говорить с вами в его каюте.

Делать нечего, сели писать акт о насильственном увозе нас с русских берегов, — и только что успели кончить, являются в каюту Уайт и Рикар. На обоих лица нет, Уайт прямо дрожит, как в лихорадке.

— Чему я обязан вашим визитом? — спрашивает их Карл Иванович.

— Мы пришли от имени капитана.

— В таком случае нам нечего с вами говорить, капитан со мной говорить отказался.

— Если так, мы пришли к вам поговорить от своего имени.

— Тогда дело другое. Садитесь.

— Капитан говорит, что он едет в Ном, чтобы там американские власти объяснили ему, кто такой Богданович и как он должен к нему относиться.

— Во-первых, капитан знает, что по контракту я хозяин судна на время аренды, во-вторых, я ему вчера письменно заявил, что я русский чиновник, командированный правительством и начальник экспедиции, на что я имею официальные документы. Теперь же я считаю себя арестованным и в этом положении в объяснения вступать не могу.

Они удалились, но скоро опять вернулись.

— Капитан и мы просим, чтобы вы дали слово, что русские не делают никакого насилия. Мы знаем русскую дисциплину и верим в ваше слово.

— Раз меня не признают больше начальником, так я и не могу отдавать приказания. Кроме того, если бы кто-нибудь из вас задел русского, я не могу его лишать возможности вступаться за свои права.

— Всё-таки капитан, как хозяин судна, просит вас принять меры — говорит Уайт весь белый, как снег, и трясётся.

— Я считаю себя пленником, и потому никаких мер принять не могу. Пусть капитан сам даёт приказания, а я отдаю себя в защиту американских законов.

Так, ничего не добившись, они и ушли.

Теперь, во избежание недоразумений, я взял у рабочих ружья и положил к себе в каюту, где мы и сидим, потягивая пиво. Пароход идёт на всех парах, так что весь корпус дрожит. Американцы не покидают мостика, они все вооружены револьверами, младший помощник даже его на поясе в кобуре носит. Ну, вот теперь мы пленники. Очевидно, конец экспедиции и начало всяких обид и огорчений. А сколько мы их вынесли за это время.

21 августа. Кэп Ном. Сижу у себя в каюте и любуюсь на блестящий штык часового — мы попали в плен. Это, собственно говоря, недурно для начала 20 столетия. Сидим мы в качестве захваченных пиратов; вот уж никак не ожидал попасть в такое положение и получить такой громкий титул. Наш арест произошёл таким образом.

Вчера вечером в 7 часов, мы пришли в Ном и бросили якорь. Приехал доктор, обошёл пароход и уехал. Следом за ним уехал на берег Рейнер, через некоторое время он вернулся, взял какие-то бумаги и опять отправился. На пароход к нам никто не являлся, и никто с него не сходил. Всю ночь американцы не спали, на палубе были расставлены часовые матросы, а джентльмены сидели в капитанской каюте. Они и здесь ещё трусили.

Сегодня утром опять ждали кого-нибудь из таможенных чиновников, но напрасно, и не дождавшись, после обеда пошли к стоявшему на рейде правительственному гидрографическому судну; капитан торжественно отправился туда, но его приняли на палубе, вниз не пригласили. Он показывал какую-то бумагу, но очевидно ничего не добился,

так как вернулся ни с чем на «Самоа», а гидрографическое судно повернулось и ушло.

Тогда он направил «Самоа» к американскому лагерю, находящемуся в нескольких верстах от Номы, а сам на шлюпке с Робертсом отправился на берег. Я лёг отдохнуть и, проснувшись, выглядываю в окошко. Смотрю, к борту причаливает шлюпка с десятью солдатами и офицером; солдаты выходят на палубу, заряжают ружья и примыкают штыки. Недурно для начала.

За ними с капитаном причаливает старенький седой офицер в рыжей брезентовой куртке, проходит в каюту капитана и приглашает туда Карла Ивановича и Альфреда Марковича. Офицер — здешний воинский начальник, майор.

— Зачем на «Самоа» находятся вооружённые русские солдаты? — спрашивает он Карла Ивановича.

— Солдаты даны нам русским правительством для охраны интересов русской экспедиции, а сюда нас всех привезли насильно, — отвечает Карл Иванович.

— Почему же вы, капитан, без разрешения Богдановича ушли с русского берега?

— Мне письменно сообщили Робертс, Ляндфильд, Пикар и Скрентон, что они боятся за свою безопасность и требуют немедленно же отвезти их в Ном. Один из русских рабочих, говорящий по-английски, сообщал, что русские хотят завладеть судном уйдя к Анадырю, а американцев выбросить на берег. Поэтому я немедленно же пришёл сюда.

— Я должен доставить солдат на русское военное судно «Якут» которое скоро придёт в Indian Point и потому прошу приказать капитану везти меня обратно — говорит Карл Иванович.

— Действительно, солдат нужно доставить, — согласился майор. Капитан наотрез отказался.

— Я пойду только в том случае, если мне дадут 8 человек солдат для охраны или меня будет провожать военное судно.

— Я бы мог решить это дело сам, но я предпочитаю посоветоваться с гражданскими властями — закончил майор и уехал.

К вечеру подошло военное судно, с него сошли два офицера, поняли и ушли, сказав, что завтра вернуться. Судно ушло.

Американцы спустили катер и отправились на нём в город, а мы остались под караулом. Положение непривычное: куда ни оглянись, видишь везде штыки.

Вечером Мягков пошёл в людское помещение, отобрал у всех наших патроны, и с мешком в руках возвращается на ют; вдруг перед его глазами что-то блеснуло, и в грудь ему упёрся штык. Часовой крикнул, выскочили солдаты и окружили Мягкова.

— Что это значит? Карл Иванович, пойдите сюда! — закричал Мягков.

Все вышли на палубу. Дело объяснилось и Мягкова пропустили. Оказалось, майор отдал приказание на ночь прекратить сообщение между ютом и баком, и кроме того запретил нам спускаться в кают-компанию по палубной, а непременно по внутренней лестнице. Таким образом, мы лишены свободы гулять на своём судне, и это делается в стране свободы. Достаточно каким-нибудь проходимцам, как Ляндфильд или Скрентон, сказать слово и целых тридцать иностранцев задерживают и ставят под караул.

22 августа. Сегодня Карл Иванович послал майору письмо, в котором просит разъяснить, для чего собственно поставлены к нам на судно солдаты и когда их снимут.

Тот ответил, что солдаты стоят для соблюдения порядка, и что русские не должны себя считать арестованными, так как нам предоставляется полная свобода, когда угодно сходить на берег, и что он даже приглашает нас к нему на чай в лагерь.

За любезное приглашение его поблагодарили, но никак не могли согласиться, что мы совершенно свободны. Вечером нельзя гулять, нельзя говорить с рабочими, днём все время по пароходу разгуливают солдаты с ружьями, даже в уборную ходят с ружьём. Сидят в кают-компании, пьют пиво, вино, едят, и тут же на полу спят. Вечером приехала жена нашего молодого офицера и поселилась также у нас на пароходе, но её тотчас же укачало, хотя и волнения-то не было никакого.

— Ну, не хотела бы я плавать на вашем судне, — говорила она.

Действительно, удовольствие во всех отношениях ниже среднего.

Получили газету. Появилась статья и о нас.

— «30 русских свирепых казаков взяты в плен семью храбрыми американцами» — таково было заглавие, напечатанное крупными буквами.

«Русские казаки, — говорилось в этой статье, — в количестве 30 человек, во главе с Дуденедичем (так переврали его фамилию), хотели завести судно «Самоа» в глубь Сибири и там перебить американцев или бросить их на пустынном берегу, и завладеть судном.

Американцы, подслушав заговор, стали ждать удобного случая и такой представился.

Однажды ночью, когда русские все спали, американцы заняли все лучшие стратегические пункты, вооружились револьверами и повернули судно к Ному. Русские, проснувшись на другой день и заметив изменения курса, пришли в ярость. Но семь вооружённых храбрых американцев сумели водворить порядок среди тридцати казаков и принудили их повиноваться. А теперь судно «Самоа» находится под арестом и ожидается суд над казаками».

Таким образом мы стали пиратами, взятыми в плен. Действия же американцев страшно восхваляются. Всё это привело к тому, что матросы «Самоа» почувствовали себя полными хозяевами: полетели в воду ящики, бочата, папуши черкасского табаку, чучела птиц, набитые мною. Просто, сердце кровью обливается, глядя на это. Капитан преспокойно распоряжается катером, он успел уже разбить форштевень и ободрать борта.

На вопрос Карла Ивановича, какое он имеет право распоряжаться чужой собственностью, он ответил, что катер записан в инвентарь судна и потому он считает его судовой собственностью. Майор отказался разбирать это дело. Таким образом имущество наше уже разграбляется, никто не хочет войти в наше положение и нас же ещё держат под арестом.

25 августа. Три дня пробыли у нас на судне солдаты. Наконец пришёл «Mining», военное судно. Майор отправился вместе с Jahnsen'ом к капитану «Mining'a», и они трое решили это дело. К нашему несчастью, капитан «Mining'a» хороший знакомый Jahnsen'a и тоже масон. Решение их майор передал Карлу Ивановичу. Оно было таково:

Капитан Jahnsen отвезёт матросов, казаков и рабочих к «Якуту» на наш берег, затем вернётся обратно в Ном, и взяв нас, пойдёт в С.-Франциско.

Таким решением, конечно, нельзя было удовлетвориться, и Карл Иванович решил передать дело таможенному начальству.

Вчера сняли с «Самоа» солдат, а судно передвинули в коммерческий рейд, и поставили на якорь между двумя военными судами.

Оглянешься направо — пушки смотрят прямо на тебя, налево — тоже пушки. Очень приятно, прогуливаясь по палубе, чувствовать, что находишься под такой надёжной охраной.

Сегодня утром Альфред Маркович отправился в Ном с заявлением Карла Ивановича таможенному начальству. Там его принял начальник таможни полковник Эвенс и помощник его капитан Джарвез, старый моряк, бывший прежде командиром крейсера «Бер». Когда Альфред Маркович объяснил в чём дело, они очень заинтересовались этим и были возмущены поведением военного начальства. Джарвез приехал к нам на «Самоа» и говорил с Карлом Ивановичем, затем они втроём уехали к Эвенсу.

Ночью, около 12 часов, мы наблюдали северное сияние. Вахтенный казак прибежал ко мне и говорит:

— Зарево видно над городом.

Вышел я на палубу. Над городом, на севере, виден был голубоватый фосфорический свет; свет становился ярче и ярче. Образовалась целая дуга, захватившая четверть окружности горизонта, от неё кверху пошли лучи; затем внизу стала образовываться ещё дуга, и в таком виде явление продолжалось около часа. Свет был довольно сильный, голубоватый, слегка мигающий, как бы дымящийся, как в темноте светится мокрая фосфорная спичка. Под конец на дугах образовались перерывы и свет стал исчезать.

27 августа. Страшный шторм. Барометр всё падает. Небо заволокло туманом, серой занавеской, закрывшим от нас город; море кипит и с глухим шумом гонит огромные валы с белыми гребнями. Качает нас сильно, да и другим судам достаётся не меньше нашего. Вот перед нами протащило ветром какой-то белый пароход, похожий на Ноев ковчег. Якорь у него не забрал и его дрейфовало, поворачивая то боком, то носом к волне. А теперь вот ещё один дрейфует. Ветер всё крепнет и крепнет. Этот неумолкающий свист и рёв бури, этот туман, сырость, качка, всё это приводит в страшное уныние, ничего не хочется делать.

Вот уже неделю мы стоим у Номы.

Вчера Карл Иванович и Альфред Маркович утром уехали на берег и вернулись в шестом часу вечера.

Было заседание, где кроме них присутствовал Робертс со своим адвокатом, Jahnson, Рикар и Ляндфильд. Кто мог ожидать, что Рикар, которого, единственного из всей компании, мы считали более порядочным

человеком, теперь подучивал адвоката. Адвокат в начале собрания так сбивал капитана своими расспросами, что тот, наговорил всякой ерунды настолько, что Эванс и Джарвез хотели было уже дать резолюцию.

В это-то время адвокат и говорит:

— Это дело выходит из вашей компетенции, и решать вы его не имеете права.

Те окончательно растерялись, да и было от чего. Очевидно было всем, что Jahnsen мерзавец и сделал гадость, но наказать его и заставить исполнять свои обязанности они не могут. А чего уж он не врал только; про меня сказал, что я ему на мостике угрожал топором; про Николая, что тот хотел зарубить Скрентона; что Робертс заявлял ему, если он не повернёт судно, то выйдут неприятности, тогда он, Робертс, возьмёт власть в свои руки и убьёт Богдановича. Это всё было записано в протокол.

Вообще много кое-чего наговорил; так вчера и не разобрали, оставили до нынешнего дня, а нынче как раз шторм и ехать на берег невозможно.

Вчера я прочитал в газете, что 25-го было заседание на «Mining», где были все американцы и ни одного русского. На этом заседании было решено, что Jahnsen прав. Недурное заседание: спрашивают только одну сторону и решают в её пользу.

Эвенс и Джарвез вчера признали это заседание незаконным и решение отменили. Жаль, что сегодня шторм, а то бы дело наверное подвинулось вперёд.

Забыл сказать, что к нам приезжал некто Подгурский, или граф Подгурский, как его здесь величают. Сначала он в письме предлагал свои услуги, затем сам приезжал, долго говорил с нами, возмущался поведением наших американцев и, наконец, закончил так:

— А знаете, всё-таки лучше, Карл Иванович, если вы помиритесь с американцами и не будете начинать дела. Я уверен, что вам же будет плохо. Одним словом, мне показалось, что он послан Робертсом и компанией для переговоров с Карлом Ивановичем.

Недурны здесь цены: Альфред Маркович заплатил за шлюпку от берега на пароход и обратно 11 долларов т.е. 22 рубля за какой-нибудь час работы.

Нравы здесь тоже недурны: рассказывают следующий случай; к одному джентльмену ночью залез другой; спящий проснулся.

Тогда незванный гость вынимает револьвер и говорит хозяину.

— Не беспокойтесь, джентльмен, лежите смирно, я вас не трону.

Тому оставалось лежать, пока гость не забрал часы, деньги и удалился.

Обокраденный встал, подошёл к окну и заметил, что вор вошёл в один из кабачков. Тогда он сунул револьвер в карман, вошёл в этот кабачок, увидел у стойки вора и, приставив ему к голове револьвер, сказал так же любезно:

— Не беспокойтесь, джентльмен, стойте смирно и подождите, пока придёт полиция.

Полиция пришла, грабитель был арестован в 5 часов утра. Заседание суда было в этот же вечер и в девять часов ему вынесли вердикт: каторжные работы на 10 лет.

Вот какие здесь нравы и обычаи.

29 августа. Наконец-то мы освобождены от плена; немало пришлось вытерпеть разных неприятностей. Теперь, конечно, экспедиция сорвана, и мы жаждем только скорее пересечь на «Якут». Сегодня утром, наконец, решили, как с нами быть.

Всех наших компаньонов американцев высадили на берег, а к нам сел для наблюдения за порядком старик полковник Эвенс. Жаль, что не Джарвез, тот был и умнее и энергичнее, а этот хотя и воспитанный, вежливый, но уже расслабленный, из ума выживающий старикашка. Он уже сделал было одну нетактичность. Перед самым нашим отходом, Джарвез видит его с двумя дамами.

— Куда это вы собрались, полковник? — спрашивает он.

— Да вот хочу сделать удовольствие дамам, прокатиться на берег Сибири.

Большого труда стоило Джарвезу объяснить, что в таком положении крайне неудобно ему ехать с дамами. Вышли мы в 6 час. вечера. Капитан сейчас же стал фамилльярен с Эвенсом, и они уже пьют в его каюте шампанское. Эвенс раскланивается и по-детски улыбается, и, как говорит Карл Иванович, всё своё внимание направляет на то, как бы у него не выпала изо рта челюсть.

Капитан Jahnsen, как и следовало ожидать, сегодня утром явился к Карлу Ивановичу, покаялся, ругал американцев за то, что они его подвели, а затем отказались от него, говорил, что Богданович самый порядочный человек, самый умный и деликатный во всей Америке, и если ему скажут идти в Анадырь или в залив Креста, он пойдёт, куда угодно, только бы не считали контракт нарушенным. Меня он тоже расхваливал Эвенсу. К вечеру уже совсем намасонился.

За нами вдали следует дымок. Издали можно рассмотреть, в бинокль, что идёт военное судно. Всё-таки не оставили без провожатых.

ГЛАВА VIII

Освобождение из плена

Возвращение к русским берегам — Конец экспедиции — На военном, транспорте «Якут» — Петропавловск на Камчатке.

31 августа. Вот мы и у себя в России, хотя нет и ничего похожего на нашу Европейскую Россию. Дико и пустынно кругом, но эта мёртвая тишина, эти голые скалы, как-то милее того шума, который висит над Номом, шума толпы разных проходимцев, бродяг, жуликов, искателей лёгкой наживы.

Вчера к вечеру мы пришли в Indian Point, сошли на берег, купили кое-что. Подарили Эвенсу кухлянку из птичьих шкур и моржовые клыки, он радовался как дитя. Я ему дал несколько фотографий Чукотского полуострова и он аккуратно сложил их и сказал, что отвезёт своей дочке.

Сегодня мы стоим в бухте Пlover. Проснулись поздно, прибежал Мягков.

— Хочешь ехать на Оленнюю реку?

— Конечно хочу, потому что после десятидневного ареста на судне, у меня и ноги как будто закаменели. Кроме того и скука страшная, дела никакого нет. Коллекции свои, которые сохранились от разграбления, я уже запаковал, уложил и аптеку. Лемашевский уже почти здоров, на руке остаются только три небольшие ранки.

Я оделся, взял ружьё и сел на катер. Как приятно было видеть, что с нами не было ни одного американца. Сел только Эвенс, но он так мило просил позволения свезти его на берег, чтобы набрать сибирских цветочков для своей дочки, и так детски радовался всему, что производил

только хорошее впечатление. Целый день мы пробродили по долине Оленной реки и только поздно вечером, уставшие вернулись на пароход.

Мёртвый кит.

30 августа. Мы плывём по Берингову морю на «Якуте» и приближаемся уже к Петропавловску.

Все эти дни прошли как бы в тумане.

Пока стояли в бухте Эмма, куда перешли по прибытии «Якута», и пересаживались на него, было не до того, чтобы писать. Во-первых, снова начали наше дело, снова расспросы, рассказы, снова пришлось, так сказать, рыться в грязном белье, а потом перевозка вещей.

Как только пришёл «Якут», Карл Иванович в форме отправился на него и официально заявил Н-му о происшедших неприятностях.

Тот был возмущён и напуган, и больше кажется второе; офицеры также. И раньше им было неприятно идти из Петропавловска на Чукотский полуостров, а узнав, что им ещё раз надо сделать такую прогулку, они страшно бранились. Тут уже ещё приходится разбирать столкновения и неприятности.

Во-первых, они и не особенные охотники до дальних поездок, да и не легко они им достаются.

На «Якуте», например, только три вахтенных офицера. Каждому приходится ежедневно стоять 8 часов на вахте. Это очень утомительно.

А представьте себе, если бы пришлось арестовать какое-нибудь хищническое судно. Чтобы они стали делать? Надо ставить свою команду и офицеров, а офицеров нет. Не может же один или даже двое вести судно. У нас на «Самоа» было трое, так как сам капитан днём стоял на вахте, и то они страшно уставали, поэтому нашему судну вовсе не расчёт ловить хищников.

Разведка на Оленной реке.

Что они с ним могут сделать, разве взять бумаги? А оно уйдёт, и затем, где-нибудь в дальнем иностранном порту, перекрасится, переменил название, и опять пойдёт, куда угодно. Одним словом, охраны наших берегов и русских интересов на севере фактически не существует. Посылают до Петропавловска один маленький военный транспорт, а дальше, на север заглядывают раз в несколько лет. Поэтому-то иностранцы чувствуют в наших северных берегах себя дома.

Сравните с Соединёнными Штатами.

Там и военные суда, и таможенные геодезические и зоологические. Вот это охрана!

Итак, Н-ий принялся за разбор нашего дела.

Он составил комиссию из двух старших офицеров и сам был председателем. На другой же день, он пригласил к себе Jahnsen'a и в качестве свидетеля допроса полковника Эвенса.

Jahnsen показал, что русскими он всегда был доволен и ничего дурного от них не видал.

Уехал он в Ном по необходимости, чтобы избежать беспорядков на судне. Дело в том, что Робертс хотел убить Богдановича, и он, Jahnsen, два раза отнимал у него револьвер.

Кроме того, команда и члены экспедиции потребовали у него отвести их в Ном, так как прослышали, что русские хотят завести их в глубь страны и там убить.

Судно «Самоа»

Затем вызваны были Рейнер и Хине, и показали, что они всегда были довольны русскими и что капитан без их просьб отвёл судно в Ном.

Спрошенные матросы «Самоа» показали, что всегда были в хороших отношениях с русскими рабочими и никогда их не боялись.

Комиссия решила снять здесь все показания письменно и передать по начальству, а нас всех, во избежание недоразумений, перевести на «Якут» для доставки в Петропавловск.

26-го сентября мы пересели на «Якут». Погода была скверная, лил дождь, дул очень свежий ветер, горы закутались туманом. В ночь был мороз и образовались закраины.

Перед обедом вернулись с берега рабочие, строившие нам барак, в который и сложили все ненужные уже инструменты.

Жалко видеть, как бросаются вещи, стоившие огромных денег. Повалит снег, завоет буря, и занесёт этот барак снегом, весной же снег растает, потечёт вода и всё проржавеет. Если и будет ещё экспедиция, то эти вещи уже не будут годны. Впрочем, может быть команда «Самоа», вернувшись в Ном, скажет о них, и какая-нибудь американская шхуна заберёт их.

Я собирал свои последние вещи, как ко мне вошёл Альфред Маркович.

— Знаете, ещё какую штуку придумал капитан? Он требует, чтобы Карл Иванович ехал с ним в С.-Франциско.

— Это зачем ещё?

— Он говорит, что по контракту Карл Иванович должен снабдить пароход провизией и углём, поэтому пусть он даёт денег, или остаётся на «Самоа».

— Ну, и что же ему ответил Карл Иванович?

— Сами, говорит, вы нарушили контракт, так и я не обязан его исполнять. Ни сам с вами не поеду, ни денег не дам.

— А капитан ворчит, «поеду, говорит, жаловаться на «Якут».

— Эвенс плачет, видит, что шторм начинается: «потонем мы, говорит, с этим пьяницей, удержите как-нибудь его хоть до завтра. «Жалко мне старика, да разве пьяного Jahnson'a кто уговорит? Он уж пары велел разводить».

Иду я по палубе, навстречу капитан, и еле на ногах держится. Схватывает меня за руку и говорит:

— Я вас всегда считал хорошим человеком и джентльменом.

— А Робертса и Уайта за кого считаете?

— Теперь, говорит, я узнал, что это подлецы. Без них у нас всё было бы хорошо. Теперь я их ни за что не возьму в Номе на судно, а наберу платных пассажиров и поеду в С.-Франциско.

— Это хорошо было бы — говорю.

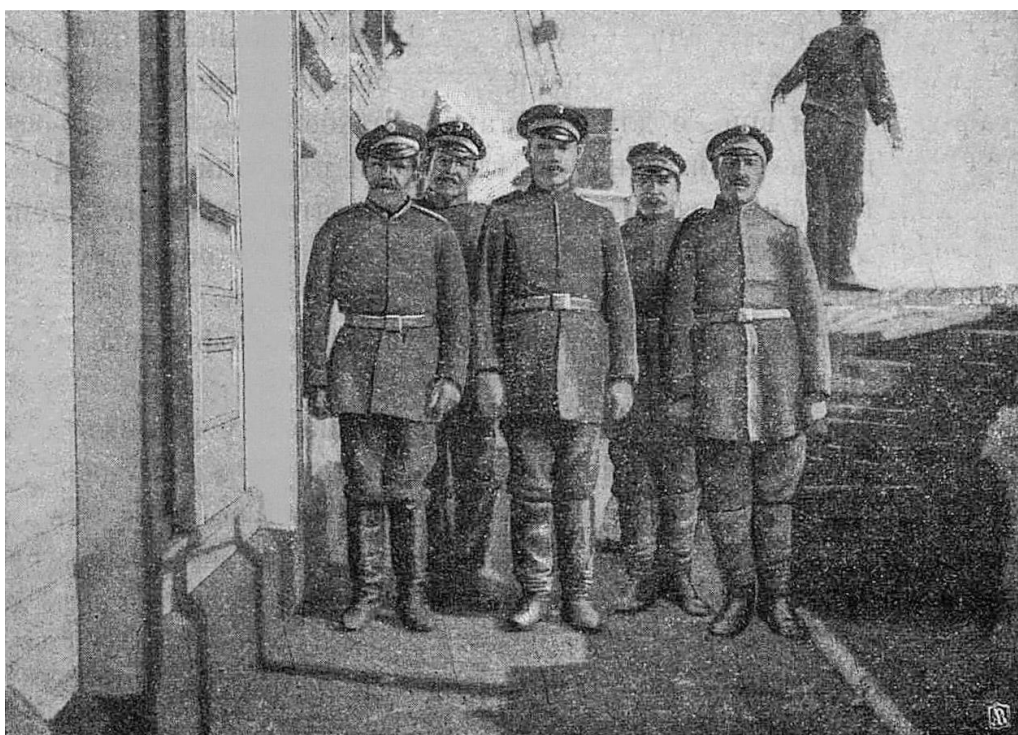
— Прощайте, доктор, желаю вам всего хорошего. Не забывайте обо мне.

За ним подходит Рейнер

— Прощайте, Рейнер.

Жмёт он мне руку, а у самого нижняя губа дрожит, и глаза мутными стали.

— Не думайте, доктор, обо мне плохо. — Я человек подневольный и должен был подчиняться капитану. А я всегда считал вас за хороших людей и уважал. За это каждый день я терпел насмешки от партии Робертса. Я не мог поговорить с вами, чтобы не видеть потом их косых взглядов. Прощайте! — и он смущённо, как-то сгорбившись, ушёл.

Камчатские казаки на «Самоа».

Жалко мне было этого единственного симпатичного из всех них человека.

Приказали подать шлюпку, положили последний багаж и отправились с Мягковым на «Якут». Ветер всё крепчал, в бухте поднялось волнение и грести уже было трудно.

Через час приехали и остальные. Вслед за этим раздался протяжный, жалобный свисток «Самоа», и он, снявшись с якоря, медленно тронулся к выходу. С борта его неслись крики, американцы махали шляпами, платками, наши рабочие отвечали им тем же. Да и отчего им было не отвечать?

Они не спорили, не ссорились с матросами «Самоа», два последние дня даже вместе пили и напились, конечно, вдребезги. Наши русские подрались, как полагается, между собой, но на утро опять дружно выпивали.

Немного страшно становится за «Самоа». Балласту мало, а в открытом море страшный шторм.

26 августа мы вышли из бухты Эмма и скоро берега Чукотского полуострова скрылись из глаз. Как-то грустно стало. Есть что-то привлекательное в этой тишине, дикости.

Плавание наше было скучное, всё время волнение было довольно сильное. Занятий никаких, пробовал заниматься фотографией, но помещение для неё такое низкое и душное, что при качке совсем немыслимо сидеть, да и старшим офицерам это почему-то не нравится. Хорошо ещё, что есть книги, лежу и читаю целые дни. По вечерам играем в домино; по очереди ходим завтракать и обедать к командиру.

Так и проходят день за днём. Вахтенные офицеры всегда усталые; разговоры не вяжутся.

Странно видеть, как много предрассудков у наших офицеров. Например, свистеть нельзя, потому что погода портится, — есть такая примета, царапать ногтями по столу то же нельзя, по этой же причине. А спросить, когда мы придём в Петропавловск, это уже прямо преступление, все сейчас же нахмурятся.

— Это зависит от того, какая будет погода.

— Ну, положим, что и погода и ветер будут благоприятны.

— Ах, перестаньте пожалуйста, тут такая масса побочных обстоятельств.

Видишь, что трусят ответить, и не спрашиваешь. Разговоры ведут исключительно о судовой жизни, разговоры самые неинтересные, или меняются воспоминаниями из своей жизни.

Вообще скучно и монотонно. Так как офицеры сами по себе добрые и сильные люди, то себя всё-таки чувствуешь гораздо легче, чем на «Самоа».

31 августа. Петропавловск на Камчатке.

Утром мы увидели очертания камчатских берегов, выглянувших из тумана. Прямо перед нами возвышалась покрытая снегом Поворотная сопка, левее поднимался правильный белый конус Вилучинской сопки. Чем ближе мы подходили к Аванчинской губе, тем туман становился всё реже, и наконец остался серой стеной сзади нас, а над нами на ясном голубом небе заблестело солнце и осветило чудную панораму.

Обширная бухта, в которой могли бы поместиться суда всего мира, окружена кольцами высоких гор, покрытых яркой зеленью леса и желтеющей травой, а сзади этих гор гигантские конусообразные вулканы, сверкая белым снежным одеянием, вытянулись во весь рост и смотрят с голубого неба на залитую яркими лучами солнца изумрудную воду бухты и приветливую зелень лесов.

На судне все как будто ожили, проснулись от тяжёлого сна. Как хорошо всё здесь в сравнении с мёртвой холодной природой чукотского полуострова. Сколько здесь жизни!

После обеда мы вошли в Петропавловскую бухту и бросили якорь около Сигнального мыса. Сейчас же приехали к нам помощник начальника округа, учитель, смотритель маяка и привезли газеты. Все с жадностью схватили по номеру. Сколько нового было там!

Война с Китаем в разгаре, вот уже и её жертвы: убито несколько товарищей наших офицеров, между фамилиями убитых встречаю моего земляка полковника Антюкова. Как грустно становится от этих известий.

Война ещё в начале и сколько уже жертв, а что будет дальше. Восстание захватывает весь Китай, и соединённым силам придётся драться не с одними войсками, а с населением Китая. Это уже народная война. В южной Африке до сих пор идёт такая война, и огромная английская армия не может справиться с горстью буров, решивших положить жизнь за свою свободу. На Филиппинах американцы до сих пор не могут всё привести в порядок. — Что же будет, если сотни миллионов китайцев будут так же горячо и страстно отстаивать свою свободу. И если поднимается некоторое озлобление против китайцев за их зверства, то с другой стороны не можешь не признать, что всякий в праве защищать свой дом от непрошенных гостей.

Карл Иванович с женой съехал на берег, а мы были приглашены нашими милыми хозяевами-офицерами остаться до прихода какого-нибудь судна на «Якуте», так как квартиру найти в Петропавловске почти невозможно. Вечером в кают-компании вёлся самый оживлённый разговор; под влиянием новых, острых впечатлений скука прошла, опять нашлось о чём поговорить.

15 сентября. Татарский пролив.

Идём в виду берегов Сахалина к северу, направляясь в порт Александровский, на немецком коммерческом судне «Peuyang».

В Петропавловске нам пришлось пробыть в ожидании парохода целых одиннадцать дней.

Сам Петропавловск не представляет большого интереса. Это вернее деревня, чем город, и деревня-то не из богатых. Расположен он на северной стороне Авачинской губы в глубине небольшой бухточки, отделённой от губы высоким мысом, называемым Никольской горой, за которой он совершенно спрятался. В нём всего несколько десятков маленьких деревянных домиков и две церкви, зимняя и летняя. Улицы не мощёные, по бокам их проложены тротуары из досок. На улицах никогда не видно движения, не слышно ни песен, ни музыки; как то удивительно тихо и спокойно. Наши рабочие этому страшно обрадовались. На другой же день они отправились на берег и тут начался пир горой. К вечеру уже везде по улицам, на траве, лежали и ползали упившиеся приискатели. Они располагались прямо на улице, ставили перед собой бутылку водки и пили; попив, пели и опять пили, пока не засыпали на месте.

Ночью по Петропавловску стало нельзя ходить. Освещения здесь нет никакого и поэтому, идя по улице, то и дело наступаешь или на спящих коров, или на спящих приискателей. Их никто не трогал, никто на них не обращал внимания; им так понравилось эта тишина, что они поставили на берегу две палатки и зажили, как на даче. Насколько тиха и патриархально проста здесь жизнь, достаточно показывают следующие факты.

На Никольской горе находится пороховой погреб. Это ещё остаток прежнего величия Петропавловска, когда он ещё был военным портом. У погреба, в котором едва ли хранится, что-нибудь, стоит часовой казак без всякого оружия. Я был свидетелем такого разговора. К казаку идёт баба.

— Иван, иди обедать!

Казак топчется на месте: и есть ему очень хочется и смениться не с кем. Вдруг замечает идущего по берегу другого казака.

— Григорьиц! а Григо-орь-и-иц! — кричит он.

— Цево тебе? — откликается тот (они не произносят шипящих).

— Иди, постой за меня, я обедать пойду.

— У меня щи остынут, — отвечает тот и проходит.

— И у меня щи остынут! — заключает часовой и отправляется обедать.

После обеда я видел, как он сладко отдыхал на солнышке перед похоронным погребом, а рядом сидела баба и что-то шила.

Ещё картинка. Иду я мимо дома, где помещается полицейское правление и холодная, и живёт помощник окружного начальника, и вижу, как часовой казак, на этот раз в форме и даже с шашкой, прозвонил в колокол 12 часов и пошёл потихоньку домой обедать. Сам он маленький, какой-то тихий, застенчивый, и так к нему нейдёт его большая казачья шашка.

Мы поздоровались и разговорились.

— Ишь, какая у тебя здоровая шашка! — говорю я, — покажи-ка мне. Он протягивает мне её вместе с ножнами.

— А ты вынь её!

— Да она сто-то не вынимаетца! — удивлённо и несколько смущённо ответил воин. Тогда мы вдвоём взялись тянуть её, я за рукоятку, он за ножны, но так и не могли вынуть. Очевидно много, много лет не приходило в голову вынимать её.

Наконец, ещё случай. Один из приискателей напился, нашумел и подрался с товарищами. Ну, уж это было слишком и его посадили в холодную.

Сидит Фёдор за решёткой и с завистью смотрит, как по зелёному лугу на карачках ползают его товарищи, не расставаясь с бутылками водки. А у двери стоит казак часовой и с добродушным любопытством смотрит на эту картину.

Одному из приискателей с невероятными усилиями удаётся добраться до окна.

— Фёдор! а Фёдор!

— Чего? — мрачно отзывается заключённый.

— Ты что, брат, сидишь?

— Ну, сижу!

И на несколько минут наступает неловкое молчание.

— А ты уйди! — неожиданно решает пришедший.

Молчит Фёдор, и смотрит. Смотрит на залитый солнцем зелёный луг с валяющимися на нём попеременно коровами и приискателями, смотрит на горлышко бутылки, кокетливо и задорно выпячивающейся из кармана товарища и не выдерживает: берётся за решётку и начинает её ломать. Ржавая решётка, за которой может быть уже много лет никто не сидел, не выдерживает, и арестант вылезает на волю.

Часовой стоит и спокойно наблюдает.

— Ну, вот и ушёл! — И Фёдор тут же опускается на траву.

— Хочешь, брат, выпить? — протягивает ему бутылку товарищ.

Фёдор закидывает назад голову, закрывает глаза и тянет из горлышка.

Через несколько минут бутылка выпита, и беглый арестант с товарищем спокойно засыпают под окном тюрьмы, а казак всё так же спокойно и добродушно смотрит на них.

Выходит помощник начальника округа.

— Это что? — спрашивает он видя сломанную решётку. — А где арестант?

— А вот он! — спокойно показывает казак на спящего.

— Тьфу! — и махнув рукой, помощник уходит к себе.

И какие симпатичные добрые эти «камчатские казацки», как они называют себя. Насколько я мог узнать их в экспедиции, это очень честные, исполнительные, и спокойные люди. Но воинственности в них нет никакой и никто бы не сказал, что это потомки героев. Все представляют собою помесь русских с камчадалами. Они небольшого роста, некрасиво и плохо сложены, но несмотря на то, у меня осталось о них хорошее воспоминание.

Хотя и очень мал и плох Петропавловск, но в нём есть интересные памятники.

Памятники мореплавателям Берингу и Лаперузу. На низкой песчаной косе в бухте стоит памятник победы в войну 1854 года, под Никольской горой находится братская могила воинов, а на противоположной стороне Авачинской губы памятник английскому адмиралу.

Время крымской компании было славным временем в жизни Петропавловска.

Если в Крыму русские понесли страшный урон, то в Петропавловске они взяли верх над союзниками.

Англо-французский флот прошёл в Авачинскую губу и приготовился брать Петропавловск. В это время в Петропавловской бухте находились три русских военных судна. Узнав о приближении неприятельского флота, русские приготовились к защите. На низкой песчаной косе, разрезающей поперёк Петропавловскую бухту, они поставили пушки, а свои суда в хвосте этой косы загрузили камнем настолько, что видна была только палуба.

Когда флот союзников подошёл к Петропавловску и показался из-за Сигнального мыса (так называется оконечность Никольской горы), то был встречен страшным огнём. Он отступил и стал за Никольской горой. Тогда русские наскоро возвели батарею на Никольской горе, в седловине, которая находится как раз посередине её, и другую на западе от Петропавловска, где большая лагуна втекает в море и берег удобен для высадки. Первая батарея была замаскирована срубленными зелёными ветками. Союзники направили своё внимание на эту седловину. Высадили десант и послали его в гору. Но когда они были почти уже на горе, зелёная маска с пушек упала, и союзников встретил град картечи. Урон был большой, и они отступили. Тогда они решили брать город с запада, но при высадке у устья лагуны, снова были встречены страшным огнём. Видя, что с открытого места города им не взять, они высадились под Никольской горой и тихо забрались на неё. Надо сказать, что Никольская гора представляет пологий, покрытый густым лесом скат к городу и совершенно отвесный обрыв в несколько десятков сажен вышины к морю. Союзники вошли уже на вершину горы, и открыли огонь по Петропавловску, причём было убито 18 жителей, но в это время они не заметили, как русские по лесу подобрались вплотную к ним. По данному рожком сигналу русские бросились на врагов, находившихся у обрыва, смяли их и сбросили вниз. Это было дело нескольких минут и в этой страшной стычке погибло 700 человек союзной армии. После этого адмирал соединённого флота отвёл суда на другую сторону Авачинской губы и там застрелился, не вынеся позора поражения. Флот же ушёл в море, и Петропавловск был оставлен в целости.

Павшие в сражении, были похоронены у подножья Никольской горы, над ними поставлены три креста и деревянная часовенка, где ежегодно служит панихида. Время нашего пребывания в Петропавловске прошло как-то незаметно, без особых впечатлений.

На другой день по приходу на «Якуте» был парадный обед в честь именинников, которых на судне было трое. Для этого на корме судна над палубой был растянут тент, весь украшенный изнутри разными национальными флагами. Под ним на палубе был сервирован обед. Приехали гости и пошёл пир горой, что даже не забыли фонографа. Командир, большой любитель пения и музыки, предложил послушать фонограф, Фонограф сыграл несколько пьес и что-то стал хрипеть. Один из офицеров даже предложил было налить в трубу фонографа вина.

Одним словом, так разошлись, что праздновали целых три дня.

4-го сентября была панихида по погибшему на войне офицеру Деде-неву. В церкви собрались команда и офицеры «Якута» и несколько человек горожан.

Служил старенький протопоп. Он уж едва ходит, говорит тихо-тихо и всё забывает. Например, он забыл, как зовут Наследника и перечислил пять-шесть имён, прежде чем дошёл до него. Он путал и службу, но когда ему замечали это, он отвечал:

— Бог знает, что службу я знаю.

И в этом ответе было столько трогательной уверенности.

Чтобы хоть как-нибудь разнообразить скучное время, мы предпринимали прогулки, или по Никольской горе, где и отдыхали в тени деревьев, или по берегу стрелять в цель. Один раз отправились в деревню Сероглазку, вёрст за 5 от Петропавловска, выбрали местечко под деревом, велели принести самовар, молока, творогу и начался пир горой. Неизвестно почему все пришли в какое-то дикое настроение, впали в детство. Играли в чехарду, доктор даже вприсядку пустился, а потом прострелил пулей свою фуражку.

8 сентября «Якут» перешёл в Тарью, так называется бухта на противоположной стороне Авачинской губы.

Сейчас же съехали на землю. Захватили с собой палатку и поставили её на берегу недалеко от озера, а сами разбрелись в разные стороны на охоту. Охота была довольно удачная: я убил пять штук уток, но страшно измучился, так как здесь ужасно трудно ходить. Трава растёт выше человека, так что приходится перекликаться, чтобы не разойтись, и притом такая густая, что ноги путаются.

Вечером все собрались в палатку, развели перед ней костёр и стали варить щи, а пока они варились, мы пили вино и пели. Рядом с нами матросы также поставили себе палатку и оттуда слышалось пение. Все чувствовали себя легко, свободно и даже ночевать остались на берегу. На другой день мы должны были уже ехать в Петропавловск. Позавтракали последний раз у командира, выпили даже шампанского, и распростились со своими любезными хозяевами.

Когда мы отходили от борта, офицеры вышли на палубу, а команда собралась на баке и нам вдогонку неслись дружные пожелания счастливого пути.

10-го пришли в Петропавловск шхуна «Котик» и пароход Восточно-Китайской железной дороги «Мукден». Теперь нам предстояло выбирать, на каком судне идти. «Мукден» отправлялся только через двенадцать дней прямо во Владивосток, а угольщик фирмы «Кунст и Альбертс», пароход «Reyang», кончил выгружать уголь и выходит 11-го, но не во Владивосток, а в Александровск на Сахалине. Нам с Мягковым очень захотелось побывать на Сахалине, и мы решили действовать так: мы с ним забираем рабочих и идём на «Пеянге» в пост Александровский, а Карл Иванович с женой, Альфред Маркович и Николай остаются ждать «Мукдена» и на нём идут во Владивосток. Переговорили с капитаном «Reyang'a», и он согласился взять нас.

В Петропавловске из наших рабочих двое решили остаться. Один из приискателей хотел попробовать пожить здесь, а другой наш, Василий Беляев, совершенно увлёкся природой Камчатки и окончательно решил остаться здесь навсегда. Он уже купил около Тарьи, на ключах, небольшой домик и теперь обзаводится хозяйством. Так и не доехал до своей костромской губернии, как хотел раньше. Хорошо, если не начнёт он здесь пить, он к этому имеет большую склонность. А то, пожалуй, при здешней скуке совсем сопьётся. Надо сказать, что скука в Петропавловске страшная. Больше полгода он бывает совершенно отрезан от мира; телеграфного сообщения не существует, почтовое существует только пока пароходы ходят, а зимою нет никакого сообщения. Население уходит в свои скорлупки и как бы предаётся спячке. С наступлением весны начинают волноваться, скоро ли придёт первое судно и какие новости оно принесёт. С каждым днём волнение растёт, жители ежеминутно смотрят, не покажется ли во входе в губу знакомый дымок.

День прихода первого парохода — это самый большой праздник в году. Лишь только издали заметят пароход, в городе поднимается шум, беготня. Ученье в школе прекращается, лавки запираются; все спешат почище одеться и бегут к берегу. Только пароход бросит якорь в бухте, как весь уже наполняется петропавловцами. Разговоры идут до самого вечера. Не только первый пароход радостно встречают жители; каждое судно привозит что-нибудь новое, интересное.

С какой радостью встречают петропавловцы первое судно, с такой же грустью провожают последнее. Вот оно ушло, и снова Петропавловск отрезан от мира, снова на долгие месяцы обречён на одинокую тоскливую жизнь.

Последний вечер мы провели у учителя. Он провёл здесь с своей семьёй уже несколько лет и может рассказать много интересного.

Он отзывался о Камчатке, как о стране богатой. Сам он по ней не путешествовал, но ему рассказывал д-р Тишов, который прекрасно изучил Камчатку. Тишов целых шесть лет ежегодно совершает прогулки по полуострову; нынешний же год он даже оставил место окружного врача, чтобы быть свободным и ушёл в горы. Он путешествует совершенно без денег, приспособился и к климату и к образу жизни инородцев, среди которых он проводит целые месяцы, питаясь сушёной рыбой, живя в юрте точно так же, как инородцы. Сведений, у него собрано много и он хочет впоследствии написать фундаментальное сочинение. Учитель показывал нам кусок кварца с вкрапленным в него золотом, очень богатого содержания, который ему дал Тишов. Он говорит, что кроме золота на Камчатке много железа, меди. Есть гранаты, аметисты, а на охотском побережье в море есть даже жемчуг. Лесу много, и в нём много ещё зверя. Реки и море изобилуют рыбой. Раньше и на это как-то сквозь пальцы смотрели, но теперь уже образуются рыбные промысла. Ловят массу сельдей и лососёвых, кету, чавычу и др. Вообще, не будь Камчатка так далека, и так на зимние месяцы отрезана от материка, она привлекла бы тысячи народа и ожила. Поздно вечером мы вернулись прямо на «Реуанг». Идя берегом, я любовался на фосфоресценцию моря; весь песок берега, когда вода сбыла, фосфоресцировал. За каждым нашим шагом сзади нас оставался яркий свет. Если взять песок и растереть его между ладонями, то ладони начинают светиться, как будто натёртые фосфором. На берегу же я нашёл маленького рачка, немного более сантиметра длиною, который ползал у меня по руке и ярко светил. Я посадил его в стакан и он два дня продолжал светить. Ещё у мыса Дежнёва я, как-то гуляя по берегу, заметил, что море выбросило массу мелких рачков и ещё каких-то тонких и прозрачных червяков. Я собрал их в стакан и отвёз на пароход. Вхожу вечером в каюту и вижу, что у меня весь стакан светится ярким фосфорическим светом. В Индийском океане я пробовал поймать светящееся животное в ванне, но оно оказалось почти невидимым для невооружённого глаза.

11 сентября. Утром вернулся «Якут», мы съездили на него с прощальным визитом, затем офицеры отдали нам визит, на прощанье выпили по стакану вина и в 11 часов утра вышли из Петропавловска. Нас уговаривали не выходить перед новолунием, да ещё во время равноденствия,

но наш капитан немец, очень храбрый, и говорит, что такое хорошее судно, как «Пейянг» выдержит какую угодно бурю. Действительно, как только мы вышли, начался сильный ветер, качка, всё подёрнулось туманом. К вечеру Мягкова и наших новых спутников, товарища прокурора Бунге и агента фирмы Кунста и Альбертса закачало и мы ужинали вдвоём с капитаном. Ночью вышел курьёз, китаец-бой налил в умывальную чашку воды и оставил; ночью очень сильно качнуло и вся вода вылилась на голову Мягкову, спавшему на нижней койке у умывальника. Он спросонок вскочил, как сумасшедший, так неожиданна была эта ванна. День за днём у нас проходят тихо, скучновато. И качает-то сильно, да и спутники наши целые вечера пасьянсы раскладывают. Вчера вечером был страшный шторм, качка была такая, что на самом деле трудно было на ногах устоять. Наконец-то завтра мы будем на земле и можно будет послать домой первую телеграмму о возвращении.

ГЛАВА IX

Сахалин

Александровский и Корсаковский посты — Тюрьмы, работы, администрация и т.д.

16 Сентября. Утром мы подошли к посту Александровскому. Дует страшный ветер и гонит на берег огромные серо-зеленые волны, срывая их белые гребни, и несёт по воздуху холодную солёную водяную пыль. Всё подёрнуто пепельной туманной дымкой; холодно и неприветливо смотрят сквозь неё суровые берега страшного Сахалина. Пароход сделал большой круг и, не дойдя около мили до берега, бросил якорь. Бухты здесь никакой нет и потому стоянка для судов весьма плохая; когда разыгрывается шторм, а здесь они бывают часто, то пароходы обыкновенно уходят в бухту де-Кастри, которая находится на материке против Александровского поста. Наш капитан тоже подозрительно поглядывал вокруг и намекал, что, пожалуй, сегодня не придётся высадиться на берег, но потом решил спустить нас и дал свисток, требуя парового катера. Волнение было очень сильное и казалось, что выйти на море в катере теперь невозможно. С парохода видно было, как волны ударялись о небольшую пристань и взлетали выше домиков, стоящих на ней.

Мы пришли было в уныние; но вот через полчаса из за пристани показался дымок и немного спустя небольшая чёрная точка отделилась от берега и двинулась к нам, то и дело исчезая за волнами.

Казалось, вот уж она больше не покажется, но она опять взлетала на гребень волны и, всё увеличиваясь, приближалась к нам. Наконец катер у борта, но пристать нет возможности, и прислуга катера держит его на баграх, упираясь в пароход, чтобы не удариться. Трудно было грузить на катер багаж и ещё труднее сходить нам. Багаж привязывали на канат и спускали вниз, там он болтался пока, улучив удобный момент, его не схватывали. С катера уже кричали: «Скорее, скорее, а то трудно держаться». Наконец багаж выгружен, уложен внутрь катера, надо было пересаживаться и нам. Какое сложное гимнастическое упражнение пришлось нам проделать прежде, чем мы попали на катер! Бросили сверху шторм-трап. Надо было спуститься по нему и уцепившись висеть над волной, стараясь не стукнуться о борт парохода и, выждать удобный случай, когда качнёт так, что очутишься над катером, тогда пускаешь руки и летишь вниз, а там тебя подхватывают и ставят на палубу. Всё это мы благополучно проделали, крикнули нашему капитану «Glückliche Reise» и отошли от парохода. «Держитесь, господа, крепче» — посоветовали нам, да и было почему. Тотчас же мы нырнули куда-то вниз, затем сзади на нас налетела волна и окатила нас с ног до головы. И вот мы заныряли наподобие уток. «А ведь не совсем удобно ходить на таком катере в такую погоду», — обратились мы к одному из матросов.

— Это ещё ничего, мы на катере доходили и до Николаевска, а вот один раз поднялась буря и носила нас в тумане двое суток. Стужа была страшная, обледенели все, и выбросило нас наконец на берег, оказалось недалеко отсюда. Ещё счастливо вышло: и люди остались целы и катер не разбило, а тогда вот плохо было.

И подивились мы этим смелым мореходам, пускающимся в бурный Татарский пролив на таком утлом судёнышке. А эти смелые моряки, оказывается, все каторжные или поселенцы из каторжных. Благополучно доставили они нас на пристань, и мы попросили их вернуться на пароход за нашими рабочими, обещав им за это 10 рублей. Они весело повернули катер и опять исчезли за волнами, а мы в сторожке на пристани уселись, под шум разбивающихся волн, пить чай. Первая новость, которую мы здесь слышали, была не особенно приятна для нас, а именно, что квартиры в общественном клубе все заняты приехавшими

сюда членами военного и окружного судов. Но не прошло и несколько минут, как по телефону нам передали, что квартира нам найдена и лошади сейчас же будут присланы. Эту любезность оказал нам наш спутник, товарищ прокурора фон-Бунге.

Скоро подъехал экипаж и мы с Геннадьичем поехали. Квартиру нам отвели у одного поселенца, столяра Плессака. Это была просторная, чистенькая комнатка с прекрасной мебелью из наплыва. (Изделия из наплыва — специальность Сахалина). Наш хозяин отличный столяр, он имеет здесь мастерскую и работает превосходную мебель, которую сбывает во Владивосток и Николаевск. Эта мебель ценится очень высоко, Плессак составил себе небольшое состояние, и живёт очень недурно. Только что мы приехали, нам подали чай с молоком, домашним хлебом, колбасу и мы с удовольствием начали закусывать. В это время к нам заехал Бунге посмотреть, хорошо ли мы устроились. Мы немедленно же отдали ему визит, а также и начальнику округа Семевскому, но того не застали дома. Надо было где-нибудь пообедать. Хозяева указали нам на общественное собрание. Собрание это — небольшой клуб служащих в Александровском посту; тут имеется порядочная кухня, библиотека, бильярд, буфет. При доме небольшой садик, но в хорошую погоду тут можно погулять; по вечерам сюда собираются служащие военные и статские и коротают скучное время. По праздникам здесь играет оркестр военной музыки и устраивается даже фейерверк. Как с новыми людьми, с нами сейчас же познакомились, и мы в компании провели весь вечер.

17 сентября. Утром были в Сахалинском музее. Впечатление грустное! Материалу много и в достаточном порядке, но помещение очень тесное, Я виделся с заведующим музеем доктором Погаевским; он, очевидно, очень интересуется музеем, но говорит, что просто руки опускаются, видя всю невозможность сделать что-нибудь порядочное в таком помещении. А, ведь, кажется, и лес здесь есть и рабочих рук даровых сколько угодно. Но, говорят, здесь как раз плотничьи работы страшно дороги. Возвращаясь из музея, мы встретили здешнего горного инженера К. и обедали у него. Он приехал сюда с своей молоденькой женой, сейчас же после свадьбы и, конечно, чувствует себя здесь дико. С него мы взяли обещание показать нам угольные шахты.

Вечером опять были в клубе и ужинали. Тут уже мы были посвящены в некоторые интимности сахалинской жизни; конечно, это вышло после

некоторого возлияния и это были сплетни, хотя сплетни походили на обвинения, да как выяснилось дальше, тут было целое судебное дело, но такое грязное, что тяжело было слушать. С крайне тяжёлым чувством вернулись мы домой.

18 сентября. Пост Александровский. Вчера нам сказали, что деньги держать дома не годится, опасно, а с нами было несколько тысяч, и потому сегодня утром мы отнесли их в казначейство. На самом деле нравы здесь довольно дикие; при нас уже было три убийства.

Жена, добровольно приехавшая из России к своему мужу поселенцу, завела себе любовника, и с этим любовником вдвоём они покончили мужа и зарыли его на дворе в сарае. Начальник тюрьмы Патрин хорошо уже изучил приёмы сахалинцев и тотчас же накрыл их. Войдя в дом, он у входа заметил заступ, к которому пристало немного свежей земли. Тотчас же осмотрел подробно весь двор и, зайдя в сарай, увидел, что пол его взрыт и только что утоптан; он велел разрыть и тут оказался труп убитого, завёрнутый в половик. Затем в одной из падей около самого города были найдены убитыми два сторожа. Вообще, здесь убийство человека, по-видимому, потеряло своё страшное значение, свой ужас. Редко проходит день, чтобы не было убийства. Убивают за двугривенный, за крепкий пиджак, а то просто, Бог знает почему. Очевидно, жизнь потеряла всякое значение; это собственно и немудрено. Представьте себе человека, приговорённого к пожизненной каторге; живёт он в грязной тюрьме год, два, терпит побои, розги, живёт в обществе, подобных ему несчастных и озлобленных людей, сознавая, что ему уже отсюда выхода нет, немудрено, что ему хочется свободно вздохнуть, его тянет уйти из тюрьмы и он бежит, бежит, зная, что, если часовой заметит его, ему не избежать пули; бежит, зная, что за ним будут охотиться здесь гильяки, стража, зная, что много беглецов гибнет в суровом Татарском проливе, а дальше горы и леса Сибири с их дикими зверями, морозом и голодом. На всё это решается человек и если он не останавливается перед тысячью опасностей, если он не ценит свою жизнь, другими словами, если ему свобода дороже жизни, то разве он остановится, если поперёк его дороги станет человек, разве он пожалеет его. Беглых ловят, порют плетью, заковывают в кандалы, увеличивают сроки каторги, а они всё продолжают бежать. Окрестности Александровска полны беглыми и они-то производят убийства.

Сегодня около двух часов был у правителя канцелярии губернатора М. Это случилось по поводу устраиваемого здесь благотворительного концерта, в котором принимают участие все, кто сколько-нибудь может быть полезным. Там встретил членов военного окружного суда. Военный суд приехал сюда по делу об убийстве пятью беглыми каторжными троих конвойных солдат. Убийцы пойманы и сидят в одиночном заключении. Их ждёт, как говорят, смертная казнь через повешенье. На нас одно слово казнь наводит ужас, а здесь так к этому привыкли, что концерт даётся в том же самом зале суда, где приговаривают к смертной казни, и исполнители выходят на ту же эстраду, откуда раздаётся ужасный приговор.

Поразительная привычка!

Ещё раз пришлось услышать о здешних кражах. Воровство и кражи здесь в страшных размерах; кладовые обитателей ежегодно очищаются, а иногда по несколько раз. Но бывает и кое-что более дерзкое. Недавно в одну из лавок, почти в центре города, вошли несколько людей, вооружённых револьверами, и потребовали денег; затем они обшарили лавку и взяли то, что было поценнее. Это было среди белого дня. Когда извещённые кем-то солдаты, взяв ружья, побежали к этой лавке, грабители как сквозь землю провалились. Очевидно, поселенцы помогают им в этом. Обманы здесь поразительные; как то зимой один из чиновников купил барана, которые здесь редки, и принёс домой; каково же было его удивление, когда этот баран оказался ничем иным, как собакой, к которой была приморожена баранья голова. Наш Мягков уже попался на удочку.

Является какой-то субъект и предлагает сделать чемодан из тюленьей шкуры; уговорились за 14 рублей. Тот снял мерку и попросил денег на покупку матерьяла. Геннадьич дал ему половину, т.е. 7 рублей и попросил сделать скорее. Тот клялся и божился, что немедленно же сядет за работу и что в этом можно быть спокойным. Вечером он явился ко мне уже сильно выпивши со шкурой нерпы и, показывая её, спрашивал, хороша ли она. Я похвалил шкуру, велел ему идти скорее домой и приняться за работу. Он вдруг говорит:

— Дайте мне ещё рубля два.

— Это зачем? — спрашиваю.

— Да у меня не хватило на матерьял.

— Ну, нет, брат, иди и шей, а денег ты получил достаточно.

Он свернул шкуру и вышел. Долго потом я ещё видел, как он ходил мимо крыльца и расстилал по тротуару эту шкуру. Оказывается, он сумел убедить нашего старшего рабочего Петрова, и тот дал ему два рубля. Конечно он загулял, а Геннадъич никакого чемодана не получил.

Сегодня мы были у доктора Волкенштейна, психиатра здешней больницы и познакомились с его женой, несчастной женщиной, просидевшей 14 лет в одиночном заключении, а затем присланной сюда на поселение. Просто удивляешься, как много может вынести человек!

Кроме неё здесь ещё двое политических: Хроновский и Манучаров. Первый теперь уже свободного состояния, но на материк не уехал, а служит здесь в качестве школьного учителя и кроме того пишет в одной из владивостокских газет о Сахалине. Другой — ещё поселенец, он служит здесь редактором ежедневного здешнего органа — телеграммы русского агентства. Вообще, здесь интеллигентные люди очень ценятся и интеллигентных каторжных и поселенцев не заставляют исполнять чёрные работы, а дают им мелкие канцелярские и другие должности, где они могут принести больше пользы. Вечером были опять у инженера К. и вдоволь наслушались о сахалинской жизни. Вся жизнь каторжника, его отношения к администрации и обратно, это какой-то *circulus vitiosus*.

20 сентября. Вчера в зале суда состоялся концерт, на котором игралось, пелось и говорилось. И странное впечатление производил этот концерт; накануне здесь заседал суд, завтра то же будут раздаваться приговоры: «тому столько-то плетей, а тем смертная казнь», а теперь зал полон народом. Тут и администрация, инженеры, чиновники, тут же каторжники и поселенцы; все стали равны, все стали просто публикой и сидят рядом на стульях. Исполнители то же совершенно различны по положению: правитель канцелярии декламирует под аккомпанемент жены каторжного, помощник начальника тюрьмы играет на балалайке под аккомпанемент правителя канцелярии, играет на виолончели защитник военного суда, поёт случайно попавший сюда турист, гудит оркестр, собранный из солдат и поселенцев.

Одним словом, различные элементы соединились на поприще искусства. Необыкновенна обстановка, необыкновенны и исполнители и публика. Странно, как-то жутко даже, а всё-таки приятно сознание, что хоть что-нибудь может соединить эти полюсы, хоть на несколько минут исчезла разница положений, нет ни несчастных каторжных и ссыльных,

грозного суда, строгой администрации, а есть только публика и исполнители.

После концерта часть публики и исполнители отправились ужинать в клуб; никому не хотелось выходить из настроения, навеянного пением и музыкой и поэтому решили продолжать. Послали за гитарами, и запели хором цыганские песни. Пели не стройно, но весело и от души; мы с Геннадьичем тоже подпевали, запевали и даже дуэт исполняли. Один из чиновников сидел и внимательно слушал нас, потом подходит к товарищу прокурора Семёнову и таинственно шепчет ему на ухо:

— Так-то это так, хорошо поют эти приезжие, а всё-таки недурно бы у них паспорта посмотреть, всяко ведь бывает.

Тот не удержался и расхохотался, вся компания, узнав в чём дело, присоединилась к нему и вечер закончился таким образом весело.

Сегодня утром к нам заехал д-р Волкенштейн и мы отправились осматривать тюрьму. Надо сказать, что накануне мы получили позволение на это.

Когда мы подходили к тюрьме, нас увидал помощник начальника тюрьмы Ф. и вышел, чтобы проводить нас.

Прежде всего мы отправились в так называемую кандальную тюрьму. Эта тюрьма для испытуемых и для тех, которые часто бегают и, так сказать, не исправляются. Эта тюрьма представляет собою довольно большую площадь, огороженную высоким частоколом, серым от старости и местами покосившимся, за которым ничего не видно. В неё ведут из переулка ворота, у которых стоит часовая. С тяжёлым чувством подошли мы к воротам, за которыми, мы знали, находится масса людей, лишённых всех прав на человеческий образ жизни. Даже жутко стало. Вот со скрипом отворились ворота, и мы вошли на большой широкий двор. Вдоль стен, немного отступив от них, построены корпуса для каторжных, низкие и довольно ветхие.

По просторному двору взад и вперёд прохаживались каторжные в самых разнообразных, иногда очень обтрёпанных костюмах, с головами наполовину обритыми, там и сям слышался звон и лязг кандалов. Надзиратель, при нашем появлении, во всё горло крикнул «смирно» и заключённые сняли шапки. И все эти люди, без шапок стоявшие перед нами, были до крайности жалки. Были они раньше людьми, у многих был дом, семья, а теперь ничего этого нет, нет свободы, на ногах звенят цепи, голова позорно на половину обрита, каждый надзиратель, часто

тоже из ссыльных, может обругать, ударить, начальство может выпороть, как Сидорову козу, и это они должны терпеть, а в будущем — беспросветная тьма. Выдержит он каторгу, переведут на поселение, кончится и этот срок и станет крестьянином из ссыльных. И это пятно остаётся на всю жизнь, и если бы он совершенно исправился нравственно, полноправным он быть уже не может.

Пошли мы по корпусам. Здания все старые, тесные, народу много. В одном из отделений, где сидят так называемые промотчики¹, набито 25 человек, а помещение годится человек на 12, не больше. Можно представить себе, какая духота здесь зимой! Теперь двери открыты, и то воздух тяжёлый. Отсюда мы спустились в карцера, где находятся убийцы конвойных солдат, о которых было уже сказано. Они сознают, что их ждёт казнь, это видно по тому совершенно убитому виду, который имел один из них, вызванный из карцера. Говорил он вяло, тихо, дрожащим голосом. А другие соучастники лежали на своих нарах, в тёмных карцерах, освещённых одним маленьким окошечком с решёткой, выходящим в коридор. Они лежали лицом вниз и очевидно не спали, так как кругом раздавался топот и говор караульных. Ужасно было видеть их и думать, что через несколько дней они закачаются на виселице. А в довершение ужаса Ф. с насмешкой указывает на них и громко говорит: «а вот кандидаты». Меня как ножом резанули эти слова, и я поспешил выйти из карцера.

Пошли мы в другой барак, куда вызвали так называемых тачечных. Это преступники несколько раз бегавшие и убивавшие. Их приковывают к тачке на длинной цепи, идущей к поясу, и таким образом, куда бы они ни шли, они должны тащить за собой тачку. Ложась спать, они кладут тачку под нары. Кроме того на них надеваются ножные кандалы. И так с тачкой они проводят несколько лет. Вывели нам одного старика, лет 56, и странно было на него смотреть. Неужели дня него мало кандалов? Зато другой, который недавно освобождён от тачки, производит сильное впечатление. Это рослый коренастый мужчина средних лет с отталкивающим лицом; волосы и борода его рыжие, нижняя челюсть сильно развита и лоб запрокинут назад; маленькие, серые глаза холодно и недружелюбно смотрят на вас. Так и видно, что будь с ним один

¹ Промотчиками называются каторжане, проигрывающие казённую одежду в карты, кости, вообще проматывающие её.

на один, он не задумался бы перехватить горло. Фамилия его Широко-
лобов; он прикован к тачке девять лет. Много раз бегал и признаётся,
говорят, в тридцати убийствах, а может быть и более. Отвратительно
было смотреть на него, и мы пошли по двору. Тут к нам подошёл один
из каторжных, снял шапку и жалобно обратился к Волкенштейну: «Ба-
рин, возьмите меня в деревню, скучно мне здесь!»

— А что же ты в деревне-то будешь делать?

— Пахать, боронить буду, возьмите, Христа ради, барин, к себе! — со
слезами в голосе говорил он.

— Хорошо, хорошо, голубчик, я поговорю — и Волкенштейн прошёл
дальше.

— Да это психически больной! — говорю я.

— Да, здесь их довольно много к сожалению. Вот пойдёмте, посмот-
рим.

Пришли в корпус. В небольшой комнате на нарах сидят человек во-
семь. Это отделение спокойных, буйные же помещаются в психиатриче-
ской больнице. Грустно, тяжело видеть этих несчастных; они уже не от-
дают себе отчёта в своём положении, а их всё ещё держат здесь. А может
быть они и при совершении преступления были не совсем в нормаль-
ном состоянии. Тогда ещё грустнее!

По двору ходило много каторжных.

— Это почему же они не работают, а ходят здесь из угла в угол? —
спросил я.

— Многие из них, видите ли, отказываются от работы, а другие по-
чему-либо освобождены от неё. Вообще, у нас не особенно утруждают
работой. — ответил Ф.

То же самое накануне мне сказал и правитель канцелярии господин
М:

— Собственно говоря, здесь разве есть каторга? Работой здесь не
утруждают, а больных, хотя пустяками, всегда освобождают от работы.

С другой стороны я слышал другое мнение:

— Здесь многие отбились от рук, и начальство ничего с ними сделать
не может другого, как держать в кандалной без работы, а зато другим
приходится очень много работать; вообще, равномерности в работе
здесь нет.

Из кандалной тюрьмы мы прошли в кандалный лазарет. Это было
низкое, довольно темноватое здание, но всё-таки лучше, чем корпуса.

Больные на наш вопрос, каково им здесь, и часто ли их посещает доктор, ответили, что посещает каждый день и вообще выражались о нём с уважением.

Отсюда мы пошли к выходу из кандалной и по дороге заглянули на то место, где производится повешение. Место для этого выбрано у входа между забором и одним из барakov, перед самыми его окнами.

— Зачем же это выбрали такое место, — говорю я, — ведь из окон сюда видно, а вид смертной казни, мне кажется, не способствует моральному исправлению.

— Так уж заведено, а чтобы меньше было видно, мы производим казни на рассвете, когда каторга ещё спит. Виселицу строят ночью, а после казни сейчас же её ломают, — ответил Ф.

Кончив осмотр кандалной тюрьмы, мы прошли в так называемую «вольную» тюрьму. Это довольно саркастическое название означает то, что в этой тюрьме помещаются окончившие срок испытания, и пользуются относительной свободой.

Они могут работать на воле и должны только являться к утренней и вечерней переключке. Тут уже нет звона цепей, да и пусто теперь, все на работе. Обойдя некоторые бараки, надо сказать, вообще очень дрянные, мы прошли в богадельню. Зрелище, которое мы там увидели, было страшно тяжёлое. Между довольно ещё молодыми лицами, встречаются такие, что удивляешься, в чём только душа держится. Один древний старик привстать не мог при нашем входе, а так и продолжал сидеть, сгорбив своё дряхлое высохшее тело. Он нас уже не замечал. А вот по полу на коленях ползёт человек. Этот несчастный в бегах отморозил себе ноги и пришлось отнять их. Тут встречаются странные курьёзы. Спрашиваю: «Сколько тебе лет?»

— Да лет под шестьдесят будет.

— А сколько тебе осталось ещё сидеть?

— Ещё 56 лет.

Недурно! А иногда слышишь такой ответ:

— А мне пожизненная, да ещё 20 лет.

Сначала просто не понимаешь, не шутят ли. Оказывается нет, правда. Говорят, был даже один случай, когда за одним каторжным накопилось 115 лет каторги. Обыкновенно увеличивают срок каторги за побеги. И случаются такие истории: приговорят человека к 5 годам каторги, отси-

дит он уже несколько лет и не выдержит — бежит. Его ловят, наказывают плетьюми и прибавляют несколько лет каторги, он опять бежит, его опять ловят и т.д. Одним словом, проходят десятки лет, он уже почти забыл о своём преступлении, за которое его прислали сюда, а продолжает сидеть в цепях за то, что он хочет свободы. Сколько тут народу, который должен сидеть здесь до самой смерти, и какова должна быть жизнь их, если у них нет ни малейшей надежды на сколько-нибудь лучшее будущее. А настоящее ужасно, отвратительно! Ничего нет удивительного, что люди бегут. Очень небольшая часть их перебирается через Татарский пролив и скрывается на материке. Большинство ловят и снова заключают в тюрьму, или убивают. Здесь существует даже охота за беглыми. Гиляки и солдаты за каждого беглого, пойманного или убитого, получают по три рубля. А гиляки, эти жители леса, тем страшны для беглых, что умеют они их выслеживать в лесу и подкрадываться совершенно неслышно, незаметно.

Солдаты, озлобленные на беглых за убийства своих товарищей, иногда перестреливают их целыми толпами. Недавно был случай, когда солдаты, мстя за смерть троих товарищей, перебили 17 человек беглых. Было это так. Толпа беглых пришла в гиляцкую деревню и, угрожая смертью, потребовала чтобы гиляки на лодках перевезли их через Татарский пролив. Гилякам пришлось согласиться, но они тотчас же послали тайком нарочного в сторожевой пост, находящийся от них в 60 верстах, а сами стали готовить лодки к поездке, оттягивая время, насколько было возможно. Наконец, всё было готово, и они вышли в море. Каторжники удивлялись, почему их не везут напрямик через пролив, а держатся около берега, но так как они не были опытными в морском деле, то гиляки сумели их убедить, что такой уже ветер и иначе плыть нельзя. В это время солдаты с поста, извещённые гиляком, уже подошли к берегу и засели за скалы. Когда лодки поравнялись с засадой, по данному сигналу гиляки бросились в воду и поплыли к берегу, а солдаты перебили всех каторжных, стреляя как в мишень. Это хорошая иллюстрация сахалинских нравов.

Вернусь к дневнику. Из богадельни мы пришли в кухню, а затем в камеру № 10, где производится телесное наказание. Это отделение карцеров, которые выходят дверями в широкий коридор. В этом-то коридоре и ставится кобыла, то есть широкая скамья с вырезами для рук и ног, несколько наклонная, на которую кладут и привязывают наказуемого.

Нас встретил здесь палач, высокий, сухощавый человек, и тотчас же вынес нам розги, плетё и ремень для привязывания. Один вид этих инструментов приводил в дрожь; трудно сказать, что лучше, розги или плетё.

Розга — это четыре деревянных прута в полпальца толщины каждый, скрученные вместе. Так как они по большей части сучковаты, то немудрено, что ими с первого же удара просекают кожу. Плетё тройная, ремённая, длиною аршина в два и довольно тяжёлая. Каждый конец в мизинец толщины. Про этот страшный инструмент палач выразился так:

— Плетёю с пяти ударов можно забить до смерти.

— А ты можешь с пяти ударов убить?

— Нет. Где мне! Вот Комлев умел. Ещё хребет перешибить могу. А Комлев бил резко и быстро, один удар за другим, передохнуть не давал, ну, у того дух и захватывало.

— А ты сам много плетей получил? — спросил его Волкенштейн.

— Да штук пятьсот получил, и от Комлева попадало.

— Ну, а часто теперь порете?

— Нет, теперь реже! — вмешался Ф. — Теперь доктора мешают, а то бы мы их подтянули.

— А разве мешают?

— Да конечно, или совсем освобождают, болен говорят, или убавляют число плетей.

— Ну, а ты можешь очень сильно ударить? — спрашиваем мы палача.

— Нет, теперь по новому положению, много легче. Теперь локоть не велят отводить от туловища, а раньше били с плеча.

И он показал приёмы, как били раньше и как бьют теперь.

— Да и доктора, слава Богу, стали освобождать. — прибавил он.

— Ну, скажи нам откровенно: тяжело, неприятно тебе пороть, или ничего?

— Как же не тяжело, Ваше высокоблагородие, тоже я человек, и меня тоже пороли, так сам знаю, сладко ли. А вот другой раз бывает и обозлишься и бьёшь сильно. Это — ежели кто своего товарища убьёт или другую какую пакость сделает.

— Нечего жалеть этих мерзавцев, — перебил его Ф., — если бы не жалели их, так и пакостей они меньше бы делали, а то пока мы вчера играли да пели, а там вон в той пади троих сторожей уколошили.

Все эти убийства, казни, плети, розги, звон цепей были для нас так необыкновенны и так ужасны, что дар слова пропал и мы только смотрели и слушали.

И вот, слушая палача и г-на Ф., я невольно сравнивал их слова и, к ужасу своему заметил, что палач оказывается гуманнее помощника начальника тюрьмы, человека, в ведении которого находится около двух тысяч заключённых. Какое влияние может он на них иметь? Положим, удивляться особенно нечему. Он из нижних чинов, из солдат прямо в помощники начальника тюрьмы попал и власть почувствовал, и проникся к себе уважением, и видит в себе что-то особенное. Грустно, что на такие места назначают таких людей, да впрочем, мало найдётся из интеллигентных и порядочных людей, которые желали бы занять это место.

Из «вольной» тюрьмы мы пришли в женскую. Это отдельный домик, с отдельным входом с площади и при нём маленький дворик. Помещение было на 25-30 человек, более чистое, чем мужская тюрьма, с подъёмными койками, но заключённых было 6-8.

— Что это их так мало здесь?

— А все они разошлись или в прислуги или в сожительство, а здесь остались только вот эти.

Одна из них была молодая женщина, лет 20, замечательно красивая, с чертами лица южанки, но с таким угрюмым выражением больших, горящих каким-то огнём, глаз, что я понял, почему её никто не взял в сожительство. Тут же была молодая бабёнка с годовалым ребёнком на руках. Геннадьич подошёл к ней и стал играть с ребёнком; ребёнок протягивал к нему руки и смеялся, смеялась и мать. Вдруг Ф. говорит мне тихо: «А это вот, с ребёнком-то, та, что дней 5 тому назад вместе с любовником убила своего мужа».

На меня просто страх напал. Как же это? Только пять дней прошло, как она убила своего мужа, за которым пришла из России сюда на Сахалин, отца своего ребёнка, и теперь смеётся, смеётся легко и весело! Я больше не мог выносить и поспешил уйти из тюрьмы.

Эта женская тюрьма дополнила горькую чашу сегодняшних впечатлений. Это какая-то ужасная несообразность. Женщина совершает преступление и суд приговаривает её к наказанию, её присылают на Сахалин; картину прибытия транспорта каторжных женщин здесь описывают так: пришёл пароход и женщин привели в пост Александровский;

тотчас же являются начальствующие люди, чиновники и выбирают из них себе прислугу по вкусу; за ними по чинам идут надзиратели и тоже подбирают себе по вкусу сожительниц, затем идут поселенцы и каторжные. Смотрины и сговор кончаются тут же. Оставшихся же женщин пересылают в другие округа в сожительство, а если они остаются, так сказать, за штатом, то их помещают в Александровскую тюрьму. Подходящих и интересных работ для женщин здесь ещё не придумали, и вот, чем умирать от скуки в тюрьме, женщины предпочитают идти в сожительство, всё-таки хоть какая-нибудь, да свобода. Таким образом, сила обстоятельств заставляет женщину идти в сожительницы к человеку, которого она первый раз видит, которого любить она не может.

К чему это ведёт? Женщина перестаёт уважать в себе человека, и это толкает её к разврату.

И он здесь распространён как нигде; разврат грязный, циничный. И вот каторга, наказание, цель которого должна быть в исправлении, наоборот толкает в разврат, губит женщину. Весь Сахалин заражён известными болезнями¹. А на детях как всё это отражается: посмотрите на этих несчастных, бледных худосочных ребятишек, послушайте, что они говорят, и у вас волосы станут дыбом. Семилетний мальчишка курит папиросу и ругается самыми отборными словами, совершенно не стесняясь.

А вот кучка играет в беглых и солдат, играют в воров, палачей, надзирателей и начальников тюрем. Не правда-ли, какие миленькие игры?

21 сентября. Сегодня около полудня мы с Геннадьичем и инженером Каллистовым² отправились осматривать угольные копи. К нам присоединился доктор Волкенштейн, и таким образом составилась целый поезд на трёх экипажах. Ехать было недалеко, всего версты полторы, там мы слезли с экипажей и пешком уже пошли к штольням. Угля здесь, по словам Калистова, очень много, но он часто имеет примеси сланца. Вырабатывается его здесь немного, почти только для надобностей Александровского поста, хотя, собственно говоря, можно было бы и увеличить добычу. Владивосток недалеко, и требование на уголь там большое, сбыт всегда будет. Но дело разработки велось раньше очень плохо, да и сейчас работы идут, как будто бы для того, чтобы показать, что всё-

¹ После нашего посещения Сахалина, четверо из наших рабочих обратились ко мне за советом. Оказалось, что они заразились.

² Н.И. Каллистов в 1898-1901 гг. описал Мгачинское, Александровское и Жонкьерское месторождения угля на Сахалине.

таки, дескать, работают. Инженер Каллистов, недавно ещё сюда приехавший, начал с того, с чего надо было давно начать, то есть с основного исследования и изучения распространения угольных пластов. Местность здесь очень пересечённая и пласты изломаны. Падение их иногда очень большое, почти до 90°.

Работы без плана не мыслимы, и потому нельзя отнестись без уважения к работе Каллистова; он очень интересуется этим делом: он выбил уже массу шурфов и теперь составил себе картину хода угольных пластов и вырабатывает план для добычи угля. Мы с интересом провели с ним несколько часов, лазали по горам, заходили в штольни, и он всё время объяснял нам, как ведутся работы, какие результаты дали его изыскания. Пришли мы в обеденное время и потому в штольнях работы не было и можно было свободно осмотреть их. Нам дали по свече и мы, зажегши их, углубились в гору. Штольни представляли собою очень узкие и низкие коридорчики; приходилось местами нагибаться, чуть не пополам складываться.

Тяжёлое неприятное впечатление получается, когда представишь себе, что здесь в темноте, сырости, глубоко под землёй люди проводят целые дни. В некоторых штольнях было очень сыро, текло со стен и на полу стояли лужи, но воздух не был особенно тяжёл, свечи горели ярко. Это потому, что здесь была устроена хорошая вентиляция.

Но в одной из штолен, где вентиляции не было, воздух был спёртый, тяжёлый, свечи давали только слабый свет и дышать было трудно. В одной из штолен были проложены рельсы и уголь вывозился в вагончиках, в других же его перевозили по доскам на ручных тачках, что значительно труднее и не так удобно. Когда мы выходили из последней штольни, к ней подошла партия кандалных с тачками за углём, который они доставляли на пристань. При каждой тачке было 8 человек рабочих, которые и тянули её по избитой местами и грязной дороге. Тут становилось понятно, что такое каторжная работа; это — тяжёлая работа, с громадной затратой времени, сил, затратой совершенно бесполезной, так как устрой её разумно, и времени и сил тратилось бы меньше, а результаты получались бы гораздо большие. И сами рабочие это понимают прекрасно, и потому работа не только теряет свой интерес, но становится для них скучной, противной.

В самом деле, в данном случае тяжёлую тачку с углём по плохой дороге тащат 8 рабочих. Расстояние всего 1½ версты, т.е. очень небольшое. За целый день они успевают отвести на пристань только 3 тачки, и при этом устают. А что если бы проложить от копей до пристани рельсы, ведь место совершенно ровное и технических затруднений не встретилося бы, лес на шпалы под руками, рук свободных сколько угодно, выпиши рельсы и строй. И вышло бы вот что; теперь тачку везут 8 человек, тогда для такой тачки, даже ещё более тяжёлой, понадобится только двое, и свезли бы они не три раза, а раз 6 или 7, а если бы заменить ручную тягу конной, дело бы шло ещё живее. Освободилось бы много рук, которые пошли бы на увеличение добывания угля; и тогда рабочий чувствовал бы, что он сознательно трудится, что он приносит существенную пользу, и труд перестал бы быть скучным, противным, да и доходы увеличились бы, что можно было бы обратить на улучшение быта рабочих. А что этот быт рабочего требует улучшения, мы увидали тут же.

Осмотрев в копиях всё, что можно было осмотреть, мы отправились к казармам, в которых помещаются рабочие из «вольной* тюрьмы. Каллистов предупредил нас, что мы встретим нечто очень плохое, но действительность оказалась более, чем ужасна. Казармы эти были не что иное, как маленькие тесные избы, до половины вросшие в землю. Снаружи они очень плохи; стёкла перебиты, стены покосились, крыша разваливается, но то впечатление, которое мы получили при входе в эти казармы, не поддаётся описанию. Когда мы вошли в одну из них, нас поразила какой-то особый кислый запах. В одном углу была печка, вернее не печка, а просто куча кирпичей, на которой что-то жарилось или варилось; дым и чад шли прямо в избу; стены были просто поразительны, это было скорее решето, чем стены; брёвна разошлись и между ними остались щели, местами вершка в два ширины. Уверяю вас, что не преувеличиваю. Посредине избы сплошные нары; пола нет, а просто в проходе положены на землю доски, стучащие идвигающиеся, как клавиши на фортепьяно. Эти избы полны народом. Трудно себе представить, что-нибудь худшее. Люди из душных, тёмных шахт приходят домой, чтобы отдохнуть и утолить голод, и попадают в какую-то яму, предназначенную скорее всего для распространения болезней, а не в избу.

— Обратили вы, господа, внимание на эти жилища? Представьте себе весь ужас: в этих казармах живут и зимою. Какая здесь бывает температура и воздух? — говорит Каллистов.

— Ваше Высокоблагородие, посмотрите, какой хлеб нам отпускают?
— обратился к нам один из рабочих, протягивая кусок ржаного хлеба.

Хлеб был совсем сырой, непропечённый, липкий и вязкий, как замазка.

— Скажите, Ваше Высокоблагородие, чтобы пропекали хлеб, а то животы болят от сырого-то, — просили рабочие.

Обещав поговорить об этом с кем следует, мы вышли из казармы с страшно тяжёлым чувством. Разве из осмотра тюрьмы, работ и этих казарм не стало ясно, почему, собственно говоря, работы на Сахалине ведутся из рук вон плохо, отчего так деморализованы каторжные?

Ведь если желают, чтоб каторга исправляла, а не окончательно портила людей, если хотят, чтобы эти люди были полезны, так надо и обращаться с ними, как с людьми, а не уничтожать в них окончательно сознание человеческого достоинства.

А если держат людей в конурах, которые и порядочным хлебом назвать нельзя, если их кормят впроголодь и то Бог знает чем, если на них смотрят, как на зверей с величайшим презрением, то чего же хорошего и ждать. Каторга портит человека.

Мне случалось видеть в России преступников и на суде, и после суда, и большинство из них или раскаивалось в совершённом преступлении или были страшно потрясены приговором; цинизм, хвастовство встречаются редко.

Здесь же хвастаются, кто больше плетей получил, кто чаще был в бегах, кому больше пришлось вытерпеть; весь воздух наполнен словами: убийство, кража, плети, розги, тюрьма, побег, повешение, и если у вас, новичка, волосы дыбом встают, то здешние обитатели и каторжные и администрация к этому совершенно привыкли. Чувства огрубели, притупились. Однажды, в минуту откровенности г-н Ф., сказал: «Знаете, я живу здесь недолго, и то чувствую, что начинаю звереть, а мой начальник уже совсем озверел». Это с одной стороны, а с другой, отношение к каторжному, как к существу низшему, бесправному, сознание этого бесправия, сознание горькое, безнадёжное, убивают в нём его лучшие духовные силы и он действительно озверевает.

23 сентября. Наконец вчера утром пришёл пароход «Сунгари», на котором мы должны ехать во Владивосток. Сделав прощальные визиты, мы с Геннадьичем и рабочими отправились на пристань. Природа нас так же сурово провожала, как и встречала; хотя ветер был не особенно

крепок, но волнение было сильное и мы с трудом по шторм-трапу забрались на пароход, а товарища прокурора, у которого была ампутирована одна рука, пришлось обвязать поперёк туловища верёвкой и таким образом поднять на борт. Приехал нас провожать д-р Волкенштейн и помогал нам грузить багаж. Он за время нашего короткого знакомства произвёл на нас впечатление очень симпатичного и интеллигентного человека, и мы с чувством пожали ему руку, пожелав, как можно скорее выбраться с этого ужасного острова.

Приехал и г-н Ф. и тотчас же поймал одного из каторжных, которые грузили уголь, в сбыте фальшивой монеты.

Произошло это так. Один из каторжных сговорился потихоньку с китаец-буфетчиком, и взял бутылку спирта за 5 рублей, причём дал тому золотой пятирублёвик. Только потом китаец заметил, что монета что-то очень легка и не совсем ясно изображение орла. Он сейчас обратился к г-ну Ф. и тот быстро нашёл виновного, который тут же и сознался.

Приехали бы меня провожать д-р Салманов, старший военный врач и д-р Булыгин, мой товарищ по университету, но волнение поднялось такое, что катер не рискнул причалить к пароходу, к тому же было очень темно и они вернулись назад.

Сегодня оказалось, что уйдём мы только в 8 часов вечера, а потому товарищ прокурора Семёнов и Геннадьич съехали на берег. Около полудня приехали на пароход Салманов и Булыгин. Как приятно было видиться с человеком, с которым не видался с самого университета, и встретился за 10 180 вёрст от Петербурга, как значится на столбе около почтовой конторы в Александровском посту.

Оказывается, он живёт здесь вот уже два года в Дуэ в качестве военного врача и ему предстоит пробыть ещё полтора года. Не могу позавидовать ему. В разговорах, в воспоминаниях прошёл целый день и пароход стал готовиться к отходу, наших туристов ещё не было, и потому капитан стал звать их свистками. Наконец, около 8 часов они возвратились и пароход, подняв якорь, направился к Корсаковскому посту. Вечером мы перезнакомились с пассажирами. С нами едет сессия Владивостокского окружного суда, лесной инспектор из Хабаровска и ещё пожилая дама с дочкой, только что вышедшей замуж за офицера, который теперь на войне в Китае. Познакомились и провели весело вечер, попели, поговорили, причём нашлась масса общих знакомых, и довольные, что

мы не на Сахалине, а уже в море, и не видим всех сахалинских ужасов, разошлись по каютам.

25 сентября. Корсаковский пост. Сегодня рано утром мы пришли к Корсаковскому посту, собственно нам было нужно пристать к Мауке (рыбный промысел на западном берегу Сахалина), но из-за сильного ветра подойти мы не могли и пришли прямо сюда. День прекрасный, ветер утих, небо прояснилось и мы с Геннадьичем решили съехать на берег. Корсаковский пост расположился в глубине залива, на гористом берегу. С горы к морю спускается неширокая улица, обсаженная деревьями; дома, издали чистенькие, тонут в массе зелени. Вообще вид очень приветливый и по нему нельзя предположить, что тут находится тюрьма не менее страшная, чем в Александровском. На берегу построена пристань и сообщение с судами поддерживается также двумя катерами. Мы переправились на берег и там пошли бродить по улицам. Зайдя в одну лавку, чтобы купить папирос, мы разговорились с хозяином, и он предложил нам купить три сценки каторжной жизни, сделанные из хлеба и раскрашенные, которые здесь работает один из каторжных. Группы эти были великолепно сделаны; в фигурках каторжников и солдат прекрасно было передано движение, все детали костюма, даже выражение лиц. Две из групп изображали зимние работы каторжных; одна представляла, как каторжные в заплатанных бушлатах и штанах волоком тащат бревно, другая — как они везут сани, нагруженные дровами. Как хорошо передано их напряжение, усилия при этом. Третья группа представляет сцену наказания розгами; два солдата держат лежащего на кобыле обнажённого каторжника, его тело покрыто кровавыми полосами, кровь сбегает на кобылу. Над ним стоит палач замахнувшись для удара, с пучком розог в руке, на полу валяются растрепавшиеся розги, а подле стоит толстенький откормленный господин в форме начальника тюрьмы. Как натуральны позы и окраска, так и кажется, что истязаемый сейчас закричит. Мы тотчас же приобрели эти группы. Из лавки мы отправились на пароход и приехали туда к обеду. Только что сели за стол, является какой-то молодой офицер в чистеньком, новеньком мундирчике, гладко выбритый, с изрядным брюшком, розовый, просто кровь с молоком, и в лице что-то такое олимпийское.

«Кто это?» — спрашиваю потихоньку.

«Начальник здешней тюрьмы, г-н Ш.» — отвечают.

Он садится рядом с капитаном и начинается разговор, конечно, тотчас же перешедший на каторгу, наказания и тому подобное. Сахалинцы кажется не могут проговорить десяти минут, чтобы не съехать на их излюбленную тему. Это, так сказать, пункт их помешательства. Я прислушался к разговору.

Начальник тюрьмы молодцевато опрокинул в рот рюмку водки, аппетитно закусил и продолжал.

«Да, каторга распущена, безобразие страшное, тут надо много труда, чтобы привести всё в порядок; но я всё-таки надеюсь. Я против телесного наказания, это унижает и портит человека, я предпочитаю одиночное заключение, вот, например, у меня есть такой молодец Горский — не желает повиноваться и кроме того возмущает всю каторгу. Я его посадил в карцер и буду держать там, пока не смирится; я их сломя, не смирится месяц, продержу два, три, наконец год, два и всё-таки сломя».

— А разве можете вы без суда своею властью держать в одиночном заключении год, два?

— Конечно могу, и никто не имеет права вмешиваться.

— Собственно говоря, прокурорский надзор, насколько мне известно, должен наблюдать за действиями начальника тюрьмы? — тихо с другого конца стола заметил член суда П.

— Конечно, конечно — спохватился Ш., — я хотел сказать, что мне дано право сажать в одиночное заключение по моему приговору... — и речь его полилась с новой силой и он наговорил столько, что Геннадьич, сидевший с ним рядом, не выдержал и встал из за стола. В это время пришёл Семёнов и предложил нам ехать на берег, и если желательно, посетить тюрьму, где он сейчас будет делать обход. Начальник тюрьмы также очень любезно пригласил нас. Мы отправились.

На берегу сначала зашли к военному врачу Д., посидели у него и в сопровождении его отправились в тюрьму. Едва мы подошли к воротам тюрьмы, как уже произошёл курьёз.

Товарищ прокурора приказал сторожевому солдату отворить ворота тюрьмы.

— Никого не велено пускать — последовал ответ.

Семёнов от изумления даже назад попятился.

— Кто же это не велел пускать?

— Господин начальник тюрьмы.

— Но ведь ты, знаешь, что я товарищ прокурора и имею право входить.

— Не могу знать, никого не приказано пускать.

Словом, товарища прокурора в тюрьму не пустили. Квартира Ш. тут же против ворот. Семёнов попросил нас подождать, а сам пошёл к нему. Через несколько минут оба они вышли из крыльца.

«Ничего подобного я не приказывал, — говорил Ш., — всё перепутал этот дурак. Я приказал только докладывать мне, кто бы ни посетил тюрьму».

Другими словами, он не желал, чтобы кто-нибудь без него был в тюрьме.

«Ну, господа, пожалуйста!» — Ворота со скрипом отворились и мы вышли во двор. Двор был чистый, по бокам его постройки, тут и казарма, богадельня и столярная мастерская. Поперёк двора стоит какое-то старое здание, а за ним уже находится кандалная тюрьма. Пройдя туда, мы вошли в первое здание. Это было здание для подсудимых; оно ещё новое, высокое и довольно просторное, хотя не особенно светлое, но в общем несравненно лучше, чем в Александровской. В первой палате мы нашли человек 25 заключённых, некоторые были в кандалах, некоторые без них.

При нашем появлении они встали и, увидя Семёнова, тотчас же все окружили его и начали с ним разговор, то прося его о чём-нибудь, то жалуясь.

Начальник тюрьмы, потягивая папироску и закинув назад голову, сверху вниз смотрел на заключённых; но в то же время он не переставал прислушиваться к тому, что они говорят с товарищем прокурора. В этой палате помещались преимущественно беглые.

— Обратите, господа, внимание на этих молодчиков: бегут из одной тюрьмы в другую. Вот и извольте тут порядок соблюсти... — говорил Ш., указывая нам на арестантов.

— Ваше Высокоблагородие, прикажите меня расковать, ноги болеть начали, — молит один из них.

— Нет, голубчик, бегать умеешь, так умей и кандалы носить. Погоди-ка, вот ещё что тебе суд скажет.

— А сколько дней ты был в бегах? — спрашивает Семёнов.

— На шестой поймали.

— Проступок маловажный — как бы про себя говорит Семёнов.

— А вот это, господа, дворянин, помещик В-ской губернии — показывал нам Ш.

Перед нами стоял небольшого роста человек лет 30, с русой бородкой, очень смущённый и покрасневший. Очевидно, в нём сохранилось ещё что-то хорошее, и он стыдится своего настоящего положения.

— Ваше Высокоблагородие, переведите меня отсюда, — тихо просил он.

— Нет, брат, посиди здесь. Не делал бы преступлений и был бы помещиком, а то и отсюда бегать начал, — с величайшим презрением отвечал ему Ш.

— Но ведь это давно уже было, я изменился теперь, я исправился.

— погоди, брат, посиди, — и Ш. пошёл к выходу.

В другой камере произошёл очень характерный разговор.

— Ваше Высокоблагородие, — обратился к Семёнову каторжанин, — Какое же решение положите на моё прошение?

— Какое твоё прошение?

— Да я Вам уже давно подал прошение.

— Я ничего не получал, а через кого ты послал?

— Я отдал господину начальнику тюрьмы для передачи вам.

Немая сцена. Каторжный и товарищ прокурора вопросительно смотрят на начальника тюрьмы, который с самым небрежным видом стоит и покуривает, смотря на голубоватый дымок своей папироски. Смотрим и мы, и ждём, что он скажет.

— Вы получали от него прошение? — спрашивает наконец Семёнов.

— ... Да, получил.

— Отчего же не передали мне?

Видите ли, я посмотрел его, оно оказалось совершенной ерундой, так вот, чтобы не утруждать вас чтением всякой ерунды, я его и уничтожил.

— Я очень благодарен вам за любезность — ответил Семёнов, едва сдерживаясь — но покорнейше прошу, чтобы это больше не повторялось. Ничего хорошего не выйдет из того, что мы будем рвать бумаги друг друга!

Мы вышли из камеры.

— Не желаете ли взглянуть околодок?¹

— С удовольствием — и мы входим туда.

¹ Околодок, здесь — тюремный врачебный пункт (устар.). — прим. OCR.

Но что это такое? Неужели это околодок? Так и бьёт в нос кислый запах овчины, на полу валяются недошитые полушубки, куски кожи, шерсть. В комнате 10 человек, между которыми видны и больные. Ш. видит, какое впечатление произвела на нас эта картина.

— У нас так мало помещения в тюрьме, что я перевёл сюда скорняков; больных здесь только четверо, а камера светлая, тесноты, как видите, нет.

Мы поинтересовались, чем они больны и оказалось, что у двоих лёгочный туберкулёз. И вот эти несчастные с больными лёгкими должны вдыхать пыль и мелкий волос со шкур и кислый промозглый запах овчины.

— Что же, доктор часто здесь бывает? — спрашиваю я больного.

— Нет, редко заходит, — отвечает тот.

Очевидно, очень редко, иначе как же можно было бы допустить скорнячную мастерскую в больничной камере¹. Я слышал ещё некоторые отзывы каторжан о здешнем тюремном докторе, но они мною не проверены и поэтому я их не передаю.

Доктор Д, в это время разговаривал с чахоточным каторжанином и что-то улыбался. Я подошёл к ним.

— Вот, позвольте вам представить сего субъекта. Специалист в работе на машинке, — отрекомендовал Д.

— Нет, Ваше Высокоблагородие, это неправда.

В это время мы выходили из околодка.

— На какой же машинке он работает? — спрашивая я.

— Да разве вы не понимаете здешних терминов? Машинка — это горло, а за ним много случаев задушения. Здесь же говорят — работать на машинке.

У меня мороз по коже пошёл. Неужели можно ещё острить над этим?

Да, нужна большая привычка, и здесь очевидно не только каторжные, но и интеллигенты совершенно привыкли к тому, что должно бы было наводить ужас и отвращение.

— Господа, теперь каторжные на работе, поэтому мне нечего уже показывать. Разве ещё зайдём посмотреть Елену Бубелис.

Нас провели в отдельную камеру, где мы увидели женщину в платке, с волосами, выбившимися из под платка, с чисто мужскими движениями

¹ В Петербурге уже я получил письмо от тюремного врача, в котором он пишет, что заявлял об этом начальнику тюрьмы.

и мужским голосом. Семёнов что-то заговорил с ней, и я заметил, как она часто ошибалась, говоря о себе, как о мужчине.

Вообще она была очень странна.

— Кто это? — потихоньку спрашиваю у д-ра Д.

Это знаменитый гермафродит, — ответил он — она имеет за собою уже несколько убийств. Была то мужчиной, то женщиной по мере надобности, последнее преступление совершила, как Елена Бубелис.

Я снял с неё фотографию и мы вышли из камеры.

— Почему она содержится отдельно? — спрашиваю я.

— Да её нельзя держать ни в мужской, ни в женской. В мужской она ведёт себя, как самая развратная из женщин, а в женской как мужчина. Кроме того у нас в Корсаковском посту и нет женского отделения. Все женщины идут в сожительство, и которых не берут, отсылают в Александровский.

Отсюда мы прошли в одиночные карцера. Это были маленькие, тесные конуры, некоторые совершенно тёмные, так как свет проходил туда только через маленькое отверстие в двери. В карцере ни стола, ни стула, ни койки. Вообще несколько смахивает на *prigione*¹ во дворце дожей в Венеции, разве немногим лучше.

Это вот и есть то орудие, посредством которого г-н Ш. хочет смирить каторгу.

Все карцера были полны. Над каждым висела дощечка с надписью вины заключённого и по чьему приговору он сидит. На всех было написано: по приговору начальника тюрьмы

Мы обошли все и в одном заметили человека в чёрном пальто, вообще в вольной одежде. При нашем появлении он поднялся с голого пола, на котором лежал и защурил глаза, так как мы открыли дверь и свет для него был уже ярок.

— Это кто такой? — спрашивает Семёнов.

— А это крестьянин из ссыльных. Он напился пьян и шумел на улице, вот я его и посадил сюда.

Наказание мне показалось чересчур строгим. Начальник тюрьмы схватывает свободного человека, не находящегося в его ведении, за то, что тот напился пьян, и сажает его в тёмный одиночный карцер кандалной тюрьмы.

¹ *prigione* — темница (итал.)

Кончив осмотр кандалной тюрьмы, мы пошли в вольную. Сначала зашли в богадельню, народу там было очень много. Много было стариков.

— Смотрите-ка, какие старики у нас есть, вот например, этот туркмен, — обратился к нам Ш. держа за бороду высокого седого старика суровой, но очень приличной наружности.

Очевидно г-н Ш. не считает гадким взять человека за бороду и трясти, да ещё человека старого и несчастного. Что же было говорить с ним об этом.

Из богадельни прошли в столярную, видели там кой-какую мебель.

— Это они мне мебель собирают — пояснил нам г-н Ш.

По слухам, действительно здесь работают исключительно для местной администрации.

Свой осмотр тюрьмы мы закончили опять карцерами. Эти последние были уже вне тюремной ограды; это военные карцера, предупредительно предложенные военным начальством тюремному.

Карцера также были совершенно полны, и все сидели по приговору начальника тюрьмы и некоторые сидели довольно долго. Со всех сторон слышались жалобы на Ш.

В одном из карцеров было довольно холодно и когда я заметил об этом, Ш. сказал: «Ничего, довольно тепло».

Между тем на печке, исписанной сверху до низу, среди каторжной литературы видно — «карцер очень холодный». Я опять обратил общее внимание на это. И когда заключённый в свою очередь пожаловался Семёнову, что ему очень холодно, начальник тюрьмы приказал истопить печь.

В одном из карцеров сидел один людоед. Этот несчастный бежал из тюрьмы вместе с товарищем. Пищи они не могли достать, страшно голодали и оба были почти при смерти. Этот ещё был несколько сильнее своего товарища. И вот, обезумев от голода, он убил товарища, вырезал у него из бока кусок мяса и зажарил. Утолив голод, остаток своей страшной пищи он положил в сумку и ушёл. Но в этот же день был пойман, и у него в сумке нашли это мясо. Суда над ним ещё, кажется, не было, и сидит он в одиночном карцере, потому что каторжане его презирают и сторонятся. Говорят, в Александровской тюрьме есть один людоед, или самоед, как называют каторжные, который несколько раз пробовал человеческое мясо и нашёл его вкусным. У меня есть его фотография, и на

ней он мне кажется ненормальным в психическом отношении. Обойдя карцера, мы хотели было уже уходить. Вдруг крик: «Господин товарищ прокурора, прошу вас выслушать меня!»

— Это и есть Горский, о котором я вам говорил, — пояснил г-н Ш., — он сидит за уклонение от работы.

Велели отпереть дверь и вошли.

Перед нами стоял молодой человека, в страшном возбуждении, он весь дрожал, как в лихорадке, лицо то краснело, то бледнело, налитые кровью глаза лихорадочно блестели. Вообще, место ему быть скорее в больнице, а никак не в одиночном заключении.

— Выслушайте меня, — почти кричал он, — что они со мной делают! У меня заболели от кандалов ноги, я работать не мог и заявил об этом; меня посадили в карцер; когда же я сказал, что это несправедливо, надзиратели меня избили; я пожаловался начальнику тюрьмы, а он велел меня вытащить в сарай и там дали мне 29 розог. Разве же можно так без суда? Господин товарищ прокурора, прошу вас, рассмотрите моё дело! Я больше не могу.

— Хорошо, успокойся, я разберу, прав ли ты, — ответил Семёнов, и мы направились к выходу; а вдогонку нам неслось:

— Неужели же у нас нет ни прав, ни законов? Если вы мне не можете, я буду жаловаться прокурору палаты! Так невозможно...

Я был ошеломлён. В голове стучало, в ушах и во всём существе так и гудело: «Так невозможно!» Скорее дальше от этого проклятого места. Я, едва простившись с своими спутниками, почти бегом бросился на паром.

Вечером собралась масса публики. Вся интеллигенция Корсаковского поста была тут. В разговоре я не мог скрыть и не сказать, что впечатление я получил ужасное; конечно, всем это через минуту стало известным.

И при прощанье помощник начальника округа, человек университетский, сказал мне.

— Я слышал, что у вас впечатление осталось очень плохое. Но вы были здесь всего несколько часов и видели, собственно говоря, очень мало, а потому ваше впечатление может быть неправильным. Жаль, что вы не можете дольше пробыть здесь, тогда во всяком случае вы разобрались бы в своих впечатлениях и составили бы более правильное мнение.

Может быть это и так, но, благодарю покорно. С меня вполне достаточно того, что я видел; этих картин не сгладишь всю жизнь из своей памяти. Всё это слишком ужасно, тяжело.

Скорее дальше, как можно дальше от этого страшного острова, где заживо разлагаются физически и нравственно тысячи людей.

ГЛАВА X

От Сахалина до Владивостока

Тайфун — Пароход «Сунгари» — Владивосток — Отъезд Мягкова без паспорта.

8 октября. Японское море.

Плывём мы из Владивостока в Японию на большом пароходе «Тар-тар» какой-то канадской компании, и вспоминаем пережитые впечатления.

Из поста Корсаковского на Сахалине мы вернулись в Мацку в Татарский пролив, но там не останавливались, а пошли прямо на юг во Владивосток. Плавание наше было удачно, если не считать тайфуна, который мы выдержали 27-го; пароход бросало, как щепку, шум и вой был страшный; но нас всех успокаивал невозмутимый вид нашего капитана Э. Среди дня мы прошли, как он говорил, через центр тайфуна. Картина была очень внушительная и страшная; до этого времени волны, хотя и огромные, пенящиеся, шли в одном направлении и тумана не было, только седые клочковатые облака низко-низко неслись. Но вдруг мы попали в туман, и характер качки изменился; вода кипела как в котле; волны в беспорядке с разных сторон неслись одна на другую и встречаясь поднимались, как два дерущихся кони поднимаются на задние ноги, поднявшись целой горой, разбивались в пену, и потом стремглав падали, образуя глубокую впадину; ветер сильными порывами дул то справа, то слева, со всех сторон. Качка была такая, что никак на ногах не устоишь, всё судно трещало.

Но вот ветер подул ровнее, толчея прекратилась, волны пошли правильно в одну сторону и туман рассеялся.

В столовую вошёл капитан.

Поздравляю, господа; барометр поднимается, через несколько часов будет тихо.

— А что, капитан, серьёзная была буря?

— Да, ничего себе, счастливо отделались, а то эта толчея и туманность мне очень не понравились.

Через несколько часов действительно ветер стал стихать, а другой день была чудная погода, все вылезли на палубу. С нами едет одна пожилая дама с своей молоденькой дочкой, женой офицера, отправившегося на войну, совсем её девочкой. Её так укачало, что она не может оправиться и лежит на палубе в кресле.

— Смотрите пожалуйста, — шутя жалуется на неё мать, — на эту даму. Вчера меня совсем укачало, лежу и не двигаюсь, боюсь страшно. А она лезет ко мне на койку. «Мама, кричит, пусти меня к себе, я боюсь». Мне и самой-то тесно, а извольте ещё эту взрослую даму с собой класть.

Едет нас немного, и мы сошлись, по вечерам поём, рассказываем анекдоты.

Сам пароход «Сунгари» оставляет желать многого. Во-первых, вонь и грязь на палубе невозможная. Кухонные отбросы выплёскивают прямо на палубу в жёлоб; но в жёлобе всё это застаивается и воняет. Жаловались капитану; послал вычистить и говорит:

— Ничего, господа, с этой оравой китайцев не сделаешь. И грубы и ленивы до крайности. Каждый рейс приходится менять и ресторатора и прислугу, и одни нисколько не лучше других.

Действительно, подают всё нехотя, чего ни спросишь, ничего почти нет в буфете. Только и слышно, что бьют посуду. Вообще, пароходы восточно-китайской железной дороги не составили себе ещё рекомендации. Например, на пароходе, если не ошибаюсь, «Нингута», был такой случай. Механик не знал точно, сколько угля у них имеется, и пароход ушёл в море. Скоро оказалось, что угля совсем нет, и принуждены были жечь скамейки и другие деревянные вещи, чтобы только дотащить до берега.

В полдень 29-го мы пришли во Владивосток.

Как хорош вид его с моря. Просторная, окружённая зелёными горами, бухта Золотой Рог пестреет массой судов всевозможных типов. У берега целый лес мачт китайских джонок, между ними виден громадный чёрный корпус добровольца с его чудовищными трубами, а посередине бухты видны белые, как лебеди, военные суда, отражающиеся на спокойной голубой поверхности воды. По западному берегу бухты раски-

нулся широкой лентой город; его разноцветные дома сбегает с вершины горы к самой воде бухты и уходят на несколько вёрст вдоль по берегу до конца бухты. Если хорош Владивосток с моря, то этого нельзя сказать, когда очутишься на его улицах.

Раскинулся он по крутому склону горы, так что ходить довольно уютно. Дома с моря, кажущиеся красивыми, вблизи ничего не стоят; улицы не мощёные, тротуары деревянные, только одну Светланскую мостят, и то сколько лет собирались. Я помню, что делалось здесь два года тому назад. Езда по Светланской улице, как главной и торговой, всегда большая. Дорога разбивается в пыль, и при ветре эта пыль летит целыми тучами; забивается под рубашку, набивает полный рот и нос, засыпает глаза и покрывает моментально целым слоем; вы через пять минут кажетесь выкрашенным в серый цвет. Теперь пыли на Светланской не будет. За два года выстроили много новых домов; вообще заметно, что город растёт и улучшается. Огромный недостаток города — это отсутствие хорошей гостиницы. В прошлый приезд я останавливался в гостинице «Тихий Океан», но, за неимением лучшего, попал в такой сырой, вонючий и тёмный номер, что до сих пор вспоминаю с содроганием. Цены были очень дорогие. Теперь, не решаясь останавливаться в «Тихом Океане», мы остановились в номерах Ефимова, но нисколько не выиграли. За три рубля в день нам дали отвратительную грязную конуру. Прежде всего мы велели выкинуть ковры, в которых пыли было больше, чем материи; но с грязными обоями, старым и стёртым полом пришлось помириться. Цены и здесь на всё большие; напиток втроём кофе обходилось в рубль и больше; за несколько чайных ложек варенья к чаю — полтинник.

Обедать при такой грязи мы не решились и предпочли ходить в ресторан Шуина на Алеутской улице, где хотя тоже было не дёшево, но зато хорошо кормили. Там мы почти каждый вечер проводили в компании, с которой приехали с Сахалина. Делать было нечего, приходилось сидеть и ждать парохода, а скука была страшная; у нас был только один знакомый семейный дом, поэтому мы просто принуждены были просиживать вечера в ресторане. Развлечений в городе никаких. Есть что-то подобное в гостинице «Тихий Океан»; мы один раз зашли туда; там на сцене что-то пели, танцевали, и декламировали, но всё это было так

гадко, пошло, и до того далеко от искусства, что мы предпочли по вечерам отдаваться «тихим желудочным радостям», как выражался один из компаний.

По городу было как-то совершенно незаметно, что рядом идёт война. По улицам бродила масса китайцев, мостовую делали на Светланской улице китайцы, в лавках торговали китайцы; одним словом, отношения, по-видимому, не изменились, и, глядя на жизнь Владивостока, никто бы не мог сказать, что китайцы наши враги. Вообще война на городе не отразилась ни в чём, разве только необыкновенным могло показаться множество военных врачей, разгуливающих по городу, и наполняющих рестораны. Их сразу привезли такую массу, что и дела им не нашлось.

Недавно прибыли сюда матросы — защитники миссии в Пекине, выдержавшие 50 дневную осаду; они молодецкато разгуливали по городу, украшенные георгиевскими ленточками на груди.

Приехали наконец и Карл Иванович с остальными нашими спутниками по экспедиции, но не долго оставались, и на другой же день на пароходе «Дафна» ушли в Японию, оставив нам Николая.

Мы решили ехать отсюда на добровольце «Херсон», который скоро должен был отправиться. Пароход огромный, очень хороший и мы с удовольствием мечтали, как будем ехать на нём. Накануне назначенного отъезда, когда мы собирались уже идти покупать билеты, мы были остановлены. «Херсон» военным министерством задерживался на неопределённое время, и плата за билеты возвращалась обратно. Неприятность страшная, все пароходы перед нашим носом ушли, пока мы дожидались «Херсона», и теперь мы должны сидеть и ждать. Побежали в агентство, оказывается, пароходов скоро не будет. Пришлось ждать несколько дней. На наше счастье пришёл «Тартар», и мы уже не медля купили билеты. Перед отходом из Владивостока у нас вышло недоразумение.

Мягков потерял свой заграничный паспорт, который я накануне выправил.

После первого свистка является на борт офицер для контроля паспортов.

— Ваши паспорта, господа! — обращается к нам.

Мягков лезет в карман, и вдруг на лице его выражается не то испуг, не то недоумение.

— Я должно быть потерял паспорт! — говорит он.

— Пожалуйста, хорошенько поищите!

Мягков побежал в каюту, порылся там и возвращается.

— Нигде ведь нет, должно быть в городе уронил!

— Тогда вам придётся остаться, так как я не могу отпустить без паспорта.

Положение было скверное; времени до отхода оставалось несколько минут, и поздно уже было выправлять паспорт, а билеты взяты и багаж уже на пароходе.

— Вот у меня есть свидетельство из академии наук; мне кажется, это в крайнем случае может заменить паспорт — говорит Мягков.

— Покажите пожалуйста! Нет, к сожалению это не может заменить паспорт.

— Что же мне делать то?

— Придётся остаться, выправить новый паспорт, если не найдётся потерянный, и ехать со следующим пароходом.

— Да ведь это мне крайне неудобно! — испуганно уже говорит Мягков.

— Впрочем, может быть у вас есть здесь кто-нибудь из здешних чиновников, кто бы мог лично засвидетельствовать вашу личность?

К счастью тут был член суда А., который и расписался в том, что знает Мягкова, а офицер поставил штампель на академическом листке и Мягков мог спокойно ехать.

Офицер сложил бумаги и ушёл, а пароход, дав третий свисток, медленно отошёл от пристани и тронулся к выходу.

Как мы довольны, что до самой Одессы избавлены от разных беспокойств из-за паспорта.

Сегодня дует ветерок и разошлось волнение. Фосфоресценция удивительная. Кажется, что всё море горит.

ГЛАВА XI

Япония

Моджи, железная дорога до Нагасаки — Hotel Nagasaki — Беготня по магазинам — Встреча наследного принца — Прогулка в Моги — В чайном домике — Мы уезжаем — Кое что о японцах.

9 (22) октября. — Вот и Япония. Пароход, быстро рассекая воду, плывёт между живописных зелёных островов; все вышли на палубу; воздух чистый свежий; лёгкий ветерок уже доносит к нам запах зелени; вокруг из изумрудной воды моря поднимаются острова, покрытые зеленью самых разнообразных оттенков. Низины островов и все более пологие скаты гор разбиты террасами. Мало земли у японцев и они дорожат ею: ни один клочок не пропадает даром; везде видна работа рук человеческих и работа тяжёлая, так как нелегко было из поросших лесом крутых склонов гор образовать террасы, провести всюду орошение и приготовить почву для такой высокой культуры, как культура риса. Но здесь и климат приходит на помощь японцу. Теперь уже конец октября, а тепло, как в хороший весенний день. Жизнь кипит ключом. Всё море, куда ни взглянешь, покрыто мелкими барками и лодочками, белые паруса которых вдали кажутся крыльями чаек. Впереди уже видно Моджи. На плоском берегу виднеются полосы домов, из за целого леса мачт торчат фабричные трубы и струйки дыма тянутся к ясному голубому небу, а за ними на горизонте сквозь нежную дымку утреннего тумана вырисовываются цепи гор.

Только что мы успели позавтракать, как пароход бросил якорь. Тотчас на трёх катерах к нам приехала целая орава японских чиновников; маленькие, поджарые, уродливые, они лазали по каютам, что-то писали, осматривали в лицо каждого пассажира и опять что-то записывали. В этом прошёл целый час. Наконец пассажиры стали садиться в лодки; но всё это было не так удобно: у одного и того же трапа столпились и катера, и шлюпки, и сюда же подъехала барка с нагрузчиками угля, японцами и японками; после страшных мучений мы всё-таки добились толку; нашли лодку, и поехали на берег; пристали мы в устье речки к таможенному зданию; там наш багаж подвергся тщательному осмотру, весь его перерыли, но пошлин ни с чего не взяли. При этом вышло маленькое недоразумение: Мягков положил в корзину несколько дюжин

уже снятых фотографических пластинок, и чиновник непременно хотел вскрыть их и посмотреть, что в них находится; Мягков понятно не давал ему открывать на свету, и большого труда стоило уговорить его; хорошо что при нас были академические свидетельства, они были прочитаны и нас сейчас же отпустили, иначе вся работа могла бы пропасть; но если мы ничего не заплатили в таможне, то пришлось заплатить почему-то 4 иены (4 рубля) лодочникам. Вокзал железной дороги оказался недалеко, и мы сейчас же взяли билеты и сдали багаж. Что-то поразительно дёшево; за 10 часов езды в первом классе мы заплатили 3 р. 50 к., за багаж же ни копейки; компании нашей прибавилось и едем мы вчетвером, к нам присоединился молодой артиллерийский офицер, совсем больной; есть он почти ничего не может, худ страшно, и голос совершенно пропал; едет он лечиться в Японию и просил нас быть его спутниками,

Закусив в небольшом японском ресторанчике, мы уселись в вагоны. Вагоны довольно узкие; вдоль стены кожаные диваны для сиденья; окна большие, на потолке электрические лампочки.

Поезд тронулся. Перед глазами замелькали одна за другой чудные картины. Между холмов, покрытых тёмной зеленью сосен, уступами спускаются жёлтые рисовые поля.

Рис растёт только при обилии воды; поэтому, чтобы сеять его, нужно поверхность сделать совершенно горизонтальной и таким образом удержать воду. Это достигается постройкой невысоких плотин, пространство между которыми выравнивается, и целой системой маленьких примитивных шлюзов, посредством которых спускается вода по мере надобности. Перед жатвой вода спускается и образуется тонкая корка, под которой находится слой вязкого ила. Сколько труда надо потратить на расчистку почвы! И японец трудолюбиво всё это исполняет. Какие чудные шоссе вы видите здесь, какие живописные мостики, и везде на полях, на дорогах копошится народ; вот перед глазами проходит деревня; мелькают маленькие чистенькие домики, с красиво вогнутыми крышами; около каждого садик с фруктовыми деревьями. Везде кипит жизнь, работа. Глаз не утомляется, как в Германии, однообразием ровных распаханых полей, перерезанных правильной сеткой прямых, как стрела дорожек. Нет! Здесь картины ежеминутно меняются, одна лучше другой. Разнообразие тонов поразительное, тонов мягких, нежных, необыкновенно гармонирующих друг с другом; тут и светло-

зеленые бамбуковые рощицы, пальма с красивыми перистыми листьями, тёмная зелень сосновых рощ, апельсины и каки¹, гнущиеся под тяжестью ярко красных плодов, горы, равнины, овраги с звенящими прозрачными снегами, через которые перекинуты мостики, ровные гладкие дороги, красивыми изгибами выходящие там и сям, изумрудное море и над всем этим нежно голубое небо, льющее тёплые лучи.

В вагон вошли два японца в своих крылатых костюмах. Костюмы на них были шёлковые, на головах котелки, в руках зонтики и несессеры, на ногах неизменные деревянные галоши с двумя поперечными дощечками.

Когда они сели на диван и распахнули случайно полы своих костюмов, то под ними ничего не оказалось. Это смешение котелка, зонтика с отсутствием нижнего костюма очень характерно для японцев.

Они сейчас же вытащили маленькие деревянные ящики, в каких у нас в России продают сушёные фрукты, и, раскрыв их, стали аппетитно закусывать, проворно работая палочками, заменяющими вилку и ложку. Меня это очень заинтересовало и я любопытствовал, что там такое; вижу, рис в одном, а в другом какие то разноцветные кусочки.

Захотелось и мне попробовать. На одной из станций мы накупили себе этих ящичков и решили закусить. Хотя с виду всё это было так опрятно и красиво, но нас постигло разочарование. Рис оказался совершенно пресным, а эти кусочки, это было что-то удивительное. Чего тут только не было!

И кусочки рака, и грибы, сладкий хлеб, мясо, какие-то овощи, и ещё что-то для нас совершенно незнакомое. Всё это без соли, с запахом японской сои и сильно сдобрено перцем. Весь завтрак стоил 15 центов.

Я решил на себе произвести эксперимент, перенесёт ли европейский желудок эту японскую стряпню, и съел весь завтрак, т.е. оба ящичка. Оказывается, ничего — переносит. Всё это заливается жидким чаем, который вместе с чайником и чашкой продаётся тут же за 3 цента.

Наступил вечер. В вагоне зажгли электричество; стало скучно и все задремали. Из-за стенки же, отделяющей нас от 2-го класса (наш вагон был *mixte*) доносился говор и смех; пошли туда; там было много народа, и европейцев, и японцев. Ели тот же японский завтрак и хохотали. Мы присоединились, на следующей станции купили пива и стали угощаться.

¹ Каки — хурма восточная (или китайская). — прим. OCR.

Мне пришлось сесть рядом с молоденькой японкой. Их было несколько и они сидели на диванах, поджав под себя ноги.

От нечего делать предложил моей соседке пива. Ничего, взяла, выпила, потом сама налила чашку и протянула мне, Мягков угощал другую. Публика видя, что мы уже завязали знакомство с японками, ещё больше развеселилась. Посыпались шутки, остроты.

Через несколько времени японки, видимо уставшие, отвернулись к стене, им хотелось спать, но лечь было никак нельзя, чтобы не испортить их затейливой причёски. Поэтому они выбрали самые невозможные позы: одна сидя с ногами на диване прислонилась лбом к стене, другая как то совсем согнулась и упёрлась лбом в саквояж. Если бы меня так согнули, я, кажется, умер бы на месте.

Но вот поезд остановился: Нагасаки. Вышли из вагона; решили оставить багаж на вокзале, а самим ехать в гостиницу.

Я два года тому назад останавливался в Hotel Nagasaki, и только эту гостиницу и знал. Наняли мы дженрикши, маленькие колясочки, которые везут люди, и отправились туда. Дженрикши, с разноцветными фонарями, проворной рысью, по временам покрикивая, повезли нас в город.

Ночь, на узких улицах совсем темно, и удивляешься, как дженрикши быстро и смело бегут по ним, ни разу ни на кого не натолкнувшись. Направо открылась бухта, на тёмной поверхности которой светились как звёзды огни судов, а на другой стороне её весь залитый огнями блеск Hotel Nagasaki.

Ехать нам пришлось добрых полчаса.

Наконец доехали, входим.

— Есть свободные номера?

— Есть, пожалуйста!

— А какая цена?

— 8 иен с человека в день на полном пансионе.

Дорого, но что же делать. Ночью искать отель неудобно. Согласились. Отвели нас в третий этаж и разместили по комнатам. Нам с Мягковым дали одну большую комнату, освещённую двумя маленькими лампочками. Кровать одна, хотя такая, что и втроём спать можно. Но всё-таки, 16 рублей в день за комнату с одной кроватью, хотя бы и с продовольствием — дорого.

Наш спутник офицер страшно хочет пить.

— Дайте, говорит, чего-нибудь горяченького, хоть чаю.

— Нет, отвечают, горячего ничего нет, уже поздно.

— Ну, дайте хоть пива.

Принесли. Полбутылки пива 60 центов, десяток скверных папирос 30 коп. Одним словом, завтра надо уезжать.

23 октября. Проснулись и потребовали кофе.

Подали чёрт знает какую бурду. Переоделись, позавтракали внизу и выбрались на улицу.

Как хорошо утро в Нагасаки! Рейд ещё покрыт утренним туманом. Сквозь синеватую дымку виден целый город судов всех флагов, всех цветов. Катера и шлюпки скользят по зеленоватой воде во всех направлениях. По набережной, обсаженной деревьями, взад и вперёд бегут дженрикши в белых шляпах, похожих на гриб, чёрных костюмах в обтяжку, таща за собою маленькие двухколёсные колясочки. От воды веет прохладой. Целый день мы бродили по магазинам. Тут так много интересного, оригинального, что не хочется уходить с улицы; деньги так и текут из карманов. Александр Геннадьевич в первый же день истратил на покупки 70 руб. Идя по улице вы, не входя в лавки, видите все товары, так как передняя стена магазина вся снимается. Некоторые отрасли кустарного производства японцев стоят гораздо выше европейских. Например, деревянные изделия. С каким вкусом и терпением сделаны все эти столики, ящички, коробки; какая мелкая и красивая деревянная мозаика, и всё это стоит грош. Просто удивляешься, как могут они так дёшево работать. А вот работы из черепахи и слоновой кости, они прямо высоко художественны. Какой богатый замысел и какое чудное исполнение. Если вы посмотрите японские шерстяные материи, которые идут на костюмы и пояса гейш, так вам будет грустно потом смотреть на наши безвкусно аляповатые ситцы. У нас, в Европе, нет ничего похожего, так богаты рисунки, так оригинальны и нежны краски. Да, вообще, во многом японцы выше европейцев. Выше главное тем, что в каждой вещице видишь любовь, интерес мастера к своей работе, а не шаблон и чиновничье отношение к делу. Возьмите перегородочную эмаль (cloisoné). Разве у нас так работают? В одной из лавок я увидел наши русские ситцы, между японскими. Мне просто стыдно стало за наше убожество.

Возвращаясь домой, мы встретили знакомого переводчика Хирасе, который был со мною в первое моё посещение Нагасаки, и при помощи

его нашли другой отель — Japan Hotel, очень скромный, но вполне удовлетворительный.

После обеда сейчас же решили переселиться, потому что оставаться в отеле Нагасаки не было возможности. Когда нам подали счёт, оказалось, что с нас следует 40 руб., а ещё суток не прошло.

Вечером перебрались в Japan Hotel, здесь и комнат меньше, даже звонков нет, столовая — две маленькие комнатки. Дом двух этажный деревянный, вокруг деревья. В день с пансионом 3 доллара. Кроме того, прислуга говорит по-русски, и живёт много русских. В столовой слышится русский говор. Дверь нашей комнаты выходит на балкон, а под ним какие-то тропические растения. Тихо и спокойно.

16 октября. Утром мы поехали посмотреть встречу японского наследника. Город весь разукрасился флагами белыми с красным ядром посередине, суда на рейде пестреют всевозможными цветами флагов. Движение по улицам большое; чем ближе к вокзалу, тем гуще становится толпа. По сторонам улиц шпалерами стоят ученики и ученицы городских и деревенских школ, ещё накануне пришедшие в город.

Мальчики в серых японских халатиках с форменными кепи на голове, девочки в самых ярких костюмах.

Не доезжая вокзала мы остановились, слезли с экипажей, и стали за ряды девочек. К нам тотчас же подошёл полицейский и что-то спросил переводчика.

— Это он спрашивает, кто вы такие. Я ему сказал, что вы — русские доктора.

Но этим дело не кончилось, полицейский подошёл ещё раз, и взял у переводчика визитную карточку. Вообще, полиция в чистеньких мундирчиках и белых перчатках, с выражением озабоченности на лицах, бродила посреди улицы и выказывала большое усердие. Несколько человек из публики, в том числе и Александр Геннадьевич, устав стоять, отошли в сторону и сели на камнях никому не мешая.

Но это показалось почему-то неприличным полицейскому, и он велел всем встать и подойти ближе к толпе. Хирасе это объяснил так:

— Прежде, по японским обычаям, никто не мог стоять при виде микадо или принцев, теперь, по-новому, никто не может сидеть, а все должны стоять.

День был жаркий, душный, а принц что-то долго не ехал. Становилось скучно и чувствовалась усталость. Поддерживала только мысль,

что дети стоят здесь на месте с семи часов утра, а мы и часу простоять не можем.

От нечего делать завязали разговор со школьницами и стали наблюдать проезжающих. Много было курьёзного в этих японцах, парадно одетых для такого торжественного момента. На некоторых были цилиндры и при этом из под раздувающихся пол их халатов виднелись голые ноги, а на ногах шлёпали всё те же деревянные галоши. Вообще в Японии поражаешься этой странной смесью японского с европейским. Вот идёт японец, одетый уже совершенно по европейски, даже в жёлтых башмаках, а рядом с ним японка с вычерненными зубами.

Обычай у женщин чернить зубы древний, но сохранился и теперь, хотя это очень некрасиво. Чернят зубы женщины после свадьбы для того, чтобы показать, что они не желают нравиться другим мужчинам. Рядом с цилиндром, тросточками и перчатками уживается обычай есть двумя палочками или даже больше: бани общие для мужчин и женщин. Вчера мы ходили осматривать храмы Осува и Дай Буксу, и конечно у нас явилось несколько вопросов относительно религии японцев. Мы обратились за разъяснением к нашему переводчику. Но сколько мы ни добивались от него, ни на один вопрос он ответить не мог. Такого полнейшего неведения в вопросах религии я ещё не встречал. Возьмите самого неразвитого крестьянина, из какого-нибудь медвежьего угла, возьмите корейца, вы увидите, что у них есть свои, иногда очень детские, не логичные, религиозные взгляды.

Здесь же вы встречаетесь с таким индифферентизмом к подобным вопросам, что просто поражаешься. Это не только моё мнение, то же самое говорит и здешний православный миссионер, с которым мы познакомились. Я на днях купил целую коллекцию японских божков, (говорят, их имеется здесь до 70). Они все имеют свои имена, но в общем продавец всех их называл буддами.

Вот во что здесь обратился буддизм!

Итак мы стояли и ждали принца. Наконец, в толпе произошло движение и показалось несколько дженрикши. Все сняли шляпы. Впереди ехали различные военные люди в форме, а за ними худощавый молодой человек, очень обыкновенной японской наружности, который раскланивался с народом, слегка приподнимая шляпу. За ним проехало несколько десятков японцев в европейских костюмах и цилиндрах, но иногда таких, что и Расплюев наверно постыдился бы надеть.

Толпа встретила принца как-то тихо. Никаких криков, никаких оваций, и затем так же тихо стала расходиться.

Сегодня у меня было несколько неожиданных встреч. Таков уж город Нагасаки, с кем только тут не встретишься.

Прежде римляне говорили: «Все дороги ведут в Рим», теперь относительно Востока можно сказать: «Все дороги ведут в Нагасаки». Идя по улице встретил товарища, однокурсника доктора К., очень обрадовался.

— Здравствуйте! — кричит, — вы откуда и куда?

— Да так, из дальних странствий возвратясь, пробираюсь домой в Россию. А вы?

— На плавучем госпитале «Царица» пришли из Одессы и сегодня идём в Порт Артур. Приезжайте к нам, ещё успеете.

После обеда мы с Мягковым были на «Царице». Перезнакомились с врачами.

Оказывается, и К. много поездил. Служил в Средней Азии, и вот через три года сталкиваемся в Нагасаки. Их едет большая компания — 8 человек врачей и 40 сестёр милосердия, из которых, кстати сказать, есть такие интересные, что иностранцы останавливались на улицах и подолгу засматривались. К сожалению, нам не пришлось долго поговорить. Дали второй свисток и мы, простившись, уехали. Вечером встретились в русском госпитале с д-ром Корсаковым, который выдержал осаду в Пекине, захворал и теперь лечится здесь. С ним мы уже очень давно не видались и потому проболтали с удовольствием весь вечер. В нашем отеле также живёт один из потерпевших в Китае. Это молодой человек, железнодорожный десятник Ясинский. Он был захвачен китайцами, ранен, посажен в тюрьму, где его били, морили голодом, и держали два месяца.

Он сам не понимает, почему его не убили, а выпустили на свободу. Всех его товарищей по тюрьме казнили, его самого несколько раз выводили на казнь, но отменяли и снова запирали в тюрьму. Он сообщил нам, что инженера Верховского убили и что его голову нашли.

28 октября. Наконец, мы кончили наши покупки. Толкаться по магазинам надоело, захотелось прокатиться куда-нибудь за город и мы отправились с Мягковым, Николаем и переводчиком в Моги, местечко, лежащее за небольшим перевалом недалеко от Нагасаки.

Дорога от Нагасаки в Моги поразительно красива, ровная, гладкая; она широкой лентой с причудливыми изгибами вьётся по склонам гор

над зелёными полями, огородами, домами, то спускается в долину и исчезает в бамбуковой рощице, то идёт по берегу речки, в прозрачную, холодную воду которой смотрятся тонкие, стройные бамбуки, покачивая своими бледно-зелёными перистыми ветвями. Вокруг горы, одетые в роскошный пёстрый покров. Среди яркой зелени сосен видны светло-зеленые пятна бамбуков, блестят гладкие листья пальм, тёмными холмами поднимают свои вершины огромные камфорные деревья, туи, кое-где каки гнутся под тяжестью ярко красных плодов. Свежий горный ветерок доносит ароматное дыхание леса. Звения по камням несутся вниз горные ручьи, а сверху, на всю эту чудную картину, с нежно голубого неба, солнце льёт свои тёплые лучи. Вот и Моги — рыбацья деревенька, раскинувшаяся на берегу небольшой бухточки, окружённой зелёными горами. Вот и отель Моги, так часто посещаемый туристами. Но нет теперь того, что прежде привлекало сюда целые толпы иностранцев. Нет хорошенькой Очии-сан, радушной хозяйки этого отеля. Мы были разочарованы и вся картина окружающего как-то побледнела. Очия-сан, оказывается, сдала отель и живёт в Инасе, против Нагасаки. А какие хорошие воспоминания остались у меня о тех днях, что я провёл здесь два года тому назад. Вместо неё на столе мы нашли книгу, где расписывались посетители. Она была полна самых восторженных похвал по адресу Очии-сан на всех языках, и в особенности на русском. Моги осталось всё тем же живописным местечком, но без неё здесь чего то не достаёт.

Съев несколько раков и выпив пива, мы вернулись в Нагасаки, решив непременно найти Очию-сан; после обеда с Мягковым отправились в Инасу, но и там нас постигла неудача. Мы нашли её мать Ойю-сан, которая сказала, что Очия с мужем уехала кататься. От нечего делать посидели немного, поговорили.

Ойя-сан женщина богатая, имеет несколько домов и большое место в Инасе. Она чувствовала себя нехорошо, живя у воды, и решила выстроить дом на горе, где воздух суше, чище и откуда открывается роскошный вид на рейд и город. Одно укрепление места, сооружение террасы с подпорной стенкой обошлось 11 тысяч рублей. На этой террасе она выстроила чистенький просторный домик с галереей вокруг и вокруг террасы обсадила деревьями. В свободные комнаты она пускает жильцов.

— Я люблю общество, — говорила она, — и хотя денег мне не надо, я достаточно богата, но мне приятно, когда у меня в доме народ. У меня

здесь живут больше русские, иностранцев бывает мало, да я их и не люблю и языка их не знаю.

Приятно видеть, как хорошо некоторые относятся здесь к русским. Ойя-сан и за иностранцев их не считает и берёт с русских 3 рубля в день, а с других по 4.

От неё мы пошли домой. По дороге зашли в небольшой чайный домик, чтобы поиграть на бильярде. Этот домик, когда здесь стояла русская эскадра, был как-бы клубом офицеров. Все стены увешаны фотографиями наших моряков, и мы нашли там даже нескольких знакомых. Прислужница японка всех их знала по фамилиям.

Вернувшись в Нагасаки вечером, чтобы закончить, так сказать, беглый обзор города, мы пошли смотреть гейш. Пригласив ещё двоих русских, под предводительством Хирасе, мы отправились в чайный домик. При входе нас попросили снять сапоги и дали туфли. Мы поместились в просторной комнате, усевшись на пол на подушках. Принесли чай и пиво. Скоро явились и гейши. Они входя отдали земной поклон и сели закусывать. Танцы на этот раз им не удались. Они танцевали много с масками и без масок, с веером, с платками, под звуки барабана и длинных трёхструнных гитар. Это было очень оригинально, временами пожалуй не дурно. Но раньше, два года тому назад, я видел танцы гейш, действительно грациозные и полные какой-то оригинальной прелести. Нынче же гейши были совсем малолетние и очевидно только учились танцевать. Вышло довольно монотонно и совсем не изящно.

Пока гейши танцевали, одна маленькая девочка подошла к Александру Геннадьевичу и села рядом с ним. Он что-то писал в свою записную книжку. Она взяла у него карандаш, книжку и старательно начала выводить цифры, обращаясь к нему за одобрением. Очень трогательная получилась картина. Гейши поют, танцуют, а Александр Геннадьевич держит на коленях маленькую девочку, и смотрит, как та усердно выводит свои наивные каракули.

29 октября. Утром пришёл пароход французского общества «Сидней» и мы переселились на него.

Опять вышло приключение с Мягковым. Он зачем-то поехал в город, и оттуда один возвращался к судну. Перевозчик ни слова не понимал по-русски, а Александр Геннадьевич столько же знал по-японски, и никак не мог объяснить, на какой пароход ему нужно. Лодочник возил его по всему рейду, а время всё уходило. Вот уже второй свисток. Мы начали

беспокоиться, поспеет ли Мягков, если бы не поспел, была бы большая неприятность; все вещи уже на пароходе, а денег у него прямо в обрез. Наконец, минут за пять до отхода, является и он, страшно волнуясь и браня перевозчика.

Пароход взял якорь и медленно пошёл к выходу из бухты. Прощай Япония, прощай дивная, оригинальная страна!

Какое то странное впечатление получается после короткого знакомства с ней.

По красоте природы и мягкому климату, не много найдётся мест на земном шаре, которые могли бы с ней сравниться, и недаром много русских ездят из Владивостока в Японию как на дачу, или чтобы полежаться. Дороги прекрасны. Хорошо, если бы у нас было что-нибудь похожее на японские просёлочные дороги. Железные дороги доступны по дешевизне и содержатся в отличном порядке. Японский флот военный и коммерческий не уступает европейским. Грамотностью Япония также может похвалиться: трудно встретить неграмотного японца и японку. Школ масса и в городах и деревнях. Вот стороны жизни, показывающие высокую культуру Японии. Но с этим как-то мирятся и деревянные палочки, которые японцы употребляют вместо вилок, страшно неудобные деревянные галоши, красивая причёска женщин, мешающая им спать, чернение зубов женщинами, и при этом довольно лёгкие нравы их. Если японки производят хорошее впечатление какой-то особой кошачьей грацией, полной женственности, и своими часто хорошенькими личиками, то японцы прямо неприятны. Они малы ростом и очень некрасивы лицом. Манеры их слащавые, льстивые; они говорят, как будто захлёбываясь от удовольствия, приседая и потирая себе колени, но это не мешает быть им страшно жестокими, мстительными. Я был свидетелем такого факта.

Это было два года тому в Корее в городе Чемульпо. Мы с товарищами собирались уезжать в Россию и позвали носильщиков корейцев взять наш багаж. Багажа было много и перед подъездом нашего отеля собралась целая толпа корейских кули. Один из них, желая получить работу, вошёл в отель. Нас в это время в прихожей никого не было. Хозяин гостиницы стал выгонять носильщика, веля ему дожидаться у подъезда, пока его не позовут. Кореец не понял, и не уходил, тогда хозяин и сын его вытолкали корейца в шею, и при этом так ударили его железной чергой по голове, что тот упал на дорогу обливаясь кровью.

Я как раз в это время подходил к крыльцу. Увидав меня, корейцы закричали, схватили меня и потащили к раненому, у которого текла из головы струя крови. Я крикнул переводчика и через него объяснился с толпой. Корейцы жаловались мне на японца, и говорили, что это не первый случай, и что вообще японцы с ними ужасно жестоки. И это было в Корее!

Возмущённый этим, я послал переводчика за полицией, а одного из товарищей попросил сходить к английскому консулу, так как русского здесь не было.

Пришёл полицейский, смотрю, тоже японец.

— В чём здесь дело? — спрашивает.

— Да вот здешний хозяин ударил и ранил корейца, так надо составить протокол.

— А какое вам дело до этого?

Как какое дело, когда я вижу, что человека чуть не убили?

— Здесь дело вышло между японцем и корейцем, а вы русские, и потому не имеете права вмешиваться.

Английский консул так же рекомендовал оставить это дело, если мы не хотим получить неприятностей.

Другой подобный случай был с нами в Корее же в городе Цинамно.

Окончив экспедицию по Корее, мы перевозили наш багаж на пароход. Все уже были на берегу, но один из наших рабочих незаметно для нас напился пьян и остался в городе. Через несколько времени он приходит на берег весь израненный. Ладонь руки перерезана пополам, через весь лоб идёт шрам, на плече через разрезанный полушубок сочится кровь. Обливаясь кровью, он объясняет, что набуянил на улице и разбил окно в доме японца. Тогда на него накинулась целая толпа японцев с ножами и если бы он не был очень велик и силен, его бы наверно убили. Вот картинки нравов. Но что же спрашивать с народа молодого, который ещё так недавно был диким, некультурным, когда в других странах кичащихся своей вековой культурой, встречаются и ещё худшие зверства?

Как бы то ни было, а, уезжая из Японии, чувствуешь какую-то грусть; стоишь на палубе, смотришь и не можешь оторвать взора от этих чудных островов, мало-помалу исчезающих в лазурной дали.

OCR Андрей Дуглас